DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/novyizhivopisets41pole_0

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ,

составленный

Николаемъ Полевымъ.

Муза! не пораль слогъ отмѣнный твой грубый
И сатиръ ужъ не писать? Многимъ тѣ не любы,
И ворчунъ ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь, и кажу себя черезъ чуръ смѣла.
Много видѣлъ я такихъ, которы противно
Не писали ни кому, угождая льстиво,
Да мало счастья и тѣ возмогли достичи,
А мнѣ чего по твоей милости ужъ ждати?
Всякое злонравіе тебѣ непріятно,
Смѣло хулишь, да къ тому жъ и говоришь внятно;
Досаждать злымъ вся жадна, то твое веселье;
А я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмѣлье!...

Кантемиръ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи И. Степанова,
при Императорскомъ Театрѣ.
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Ноября 27 дня, 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ *Иванъ Снегиревъ.*

Самое выше прекрасное. —
Я буду утрем в этом. —

ВИЗИТЫ
ВЪ
НОВЫЙ ГОДЪ.
(1831)

....Скорѣе забудутъ въ день Новаго года бѣднику дать копѣйку, нежели богача поздравить съ праздникомъ.

Оксенштирнъ.

ВИЗИТЫ

ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ

Человѣкъ, *спокойно сидитъ въ своемъ кабинетѣ;* Доброе Намѣреніе, *сидитъ подлѣ него, и держитъ въ рукѣ книгу.*

Доброе Намѣреніе. (*читаетъ*) »Время есть драгоцѣнность, и намъ-ли, бѣднымъ смертнымъ, тратить его на ничтожныя условія суетности, когда жизни долговѣчнѣйшаго старца едва достаетъ на исполненіе главнѣйшихъ обязанностей человѣка!«

Человѣкъ. Да, да, святыя истины! Совершенно справедливо!

Д. Н. (*продолжаетъ*) »И всего болѣе надобно напоминать себѣ всю ничтожность условій, налагаемыхъ на насъ пустыми приличіями, въ дни годовыхъ періодовъ, каковы: праздники, имянины, дни рожденій, ибо тогда наиболѣе насъ увлекаетъ суетность. Праздники, дни, назначенные для

отдыха, мы убиваемъ на работу, гораздо труднѣйшую будничной. . . .«

Ч. Совершенно справедливо! Какъ добрый Ричардъ Франклина говорилъ, что подати, налагаемыя на насъ роскошью, модою, лѣностью, гораздо тяжеле податей, собираемыхъ съ насъ, для нашей безопасности, нашего спокойствія, Правительствомъ, но что на сіи послѣднія мы жалуемся, а о первыхъ не подумаемъ— такъ и здѣсь! Работа по обязанности, трудъ полезный — источники нашихъ нескладныхъ и безконечныхъ жалобъ! А легче-ли, на примѣръ, встерзаться усталостью, рыская по городу съ визитами, бросая карточки, и сгибая спину передъ знатными, представляя нелѣпую фигуру, которая, какъ выпускная кукла, явится на минуту, шаркнетъ, вымолвитъ нѣсколько словъ, и изчезнетъ?

Д. И. Прекрасно, прекрасно сказано!

Ч. Легче-ли помнить всѣ дни именинъ, крестинъ, родинъ, поздравлять, со всѣмъ не чувствуя радости, улыбаться, когда хочется со скуки зѣвать, желать счастія, когда охотно отправилъ-бы къ чорту

того, кому счастія желаешь? Притворство, ложь, хитрость — это пороки, это не слабости... Однакожъ, продолжай, что тутъ написано...

Д. И. (*читаетъ*) »Переломишь слабость и предразсудокъ, сначала бываетъ трудно...«

Ч. Нѣтъ! я не согласенъ: трудно глупцу и человѣку безхарактерному, но человѣку съ умомъ и характеромъ это легко. Если-бы однакожъ и трудно было, то все еще не велика бѣда. Шекспиръ, этотъ великій истолкователь тайнъ сердца человѣческаго, говорилъ, что привычка чудовище, и въ тоже время благотворный геній, ибо, если легко привыкнуть къ злу, то столько-же легко привыкнуть и къ добру.

Д. И. (*читаетъ*) »Не бойся, если на тебя нападутъ оскорбленные тобою предразсудки; презри ихъ...«

Ч. — И разумѣется! *Полаютъ, да отстанутъ*, какъ говоритъ Крыловъ. Впрочемъ, что касается до условій пустыхъ и суетныхъ, то всѣ люди готовы бросить ихъ, и никто изъ людей, достой-

ныхъ почтенія, не оскорбится пренебреженіемъ ничтожнаго обряда....

Д. И. (*закрывая книгу*) Дѣльно и умно!

Ч. Все дѣло за началомъ: каждый боится начать; надобно благородная смѣлость. Что за человѣкъ будетъ тотъ, кто разсердится за неисполненіе какого нибудь пустаго приличія? Стоитъ-ли онъ нашего уваженія, и чего нибудь другаго, кромѣ улыбки презрительной? Въ его-ли душѣ найдемъ чувство высокаго, благороднаго....

Д. И. Браво, браво!

Ч. Величественнаго, изящнаго, благаго, справедливаго? Да что я говорю: люди такъ умны, что если въ тебѣ есть имъ нужда, то сыщутъ тебя за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ; а если нѣтъ нужды, то хоть каждый день дѣлай имъ визиты, за тридевять земель въ тридесятое царство, то они ничего для тебя не сдѣлаютъ.... Но, продолжимъ питающее душу мою правоучительное чтеніе. Для чего отложилъ ты книгу.

Д. И. Чтеніе не нужно; ты самъ говоришь, какъ книга!

Ч. А что? И въ самомъ дѣлѣ? Но я хочу сдѣлать болѣе: книга только говоритъ о хорошемъ, а я исполню его на дѣлѣ. Вотъ сегодня *Новый годъ*. Съ этого дня, я отказываюсь отъ всѣхъ приличій, пустыхъ и ничтожныхъ; стану только заботиться объ исправленіи своихъ обязанностей, объ исполненіи своего долга, и — въ слѣдствіе этого, первый разъ въ жизни, вчера, 31 Декабря, я не встрѣчалъ *Новаго года* въ толпѣ праздной и нелѣпо-веселой, а сегодня, 1-го Января, ни кому не дѣлаю визита....

Слуга. (*изъ дверей*) Мундиръ и все готово одѣваться!

Человѣкъ. Давай-же, сей часъ, сей часъ, я думаю пора. . . .

Доброе Намѣреніе. Какъ: *сей часъ, пора, давай!* А я-то куда-же?

Ч. Ахъ! виноватъ, виноватъ! Вотъ, что значитъ привычка!

Д. Н. Вспомни Шекспира.

Ч. Помню, и докажу тебѣ. . . .

Слуга (*изъ дверей*). Карета готова!

Ч. Вели-же подъѣхать къ крыльцу; я сей часъ выйду!

Д. И. Опять! еще дѣйствіе привычки? Вспомни Шекспира.

Ч. Забылся! (*съ небольшою досадою*) Однакожъ это скучно: твердишь все одно да тоже: Шекспиръ, Шекспиръ.... Скажи мнѣ что нибудь позабавнѣе.... (*зѣвастъ*)

Д. И. Вѣдь я не шутъ твой, и не мое дѣло развеселять тебя. Вчера ты призвалъ меня къ себѣ; я пришло и мы стали разсуждать. . . .

Ч. (*тихо*) И зѣвать.... (*въ слухъ*) Не поѣхавши на балъ, гдѣ обыкновенно встрѣчали Новый годъ, я не могъ уснуть цѣлую ночь, а ты не позаботилось развеселять и укрѣплять меня. . . .

Д. И. Ты засыпалъ меня жалобами на головную боль, и я едва успѣло подать тебѣ книгу и стклянку съ одеколонь. . . .

Ч. Но я звалъ твоихъ товарищей. . . .

Д. И. Что дѣлать! *Любовь* отказалась идти, говоря, что ты коротко знакомъ съ эгоизмомъ и чувственностью; *Дружба* была на обѣдѣ, и послѣ того крѣпко заснула; *Веселость* отвѣчала, что боится показаться въ твоихъ великолѣпныхъ залахъ.

Ч. Вздоръ! Я слышалъ, что онѣ пировали всѣ вмѣстѣ и встрѣтили Новый годъ у какого-то бѣдняка.... Не стыдно-ли имъ. . . .

Д. Н. Познакомься сперва поближе со мною, и я познакомлю тебя съ ними. Мы тебя женимъ на какой нибудь милой, доброй дѣвушкѣ. . . .

Ч. Но вы навяжите мнѣ, можетъ быть, какую нибудь мѣщанку, не знающую, какъ слово вымолвить, и.... конечно, ужъ она не будетъ богата?

Д. Н. Разумѣется! Но мила, умна.

Ч. Только мои обстоятельства позволятъ-ли.... Имѣніе у меня такъ разстроено. . . .

Д. Н. Жена поправитъ все это хозяйствомъ.

Ч. Хозяйствомъ! Охъ! какъ это слово грубо для ушей: отъ него такъ и пахнетъ кухнею.

Д. Н. Привыкнешь; особливо добрые друзья, люди не чиновные, не богатые, веселость кроткая, тихая, бѣгающая шумныхъ увеселеній....

Ч. Не знаю однакожъ отъ чего, при

разсказахъ объ этомъ, представляется мнѣ общество глупыхъ весельчаковъ, и женщинъ, которыя вяжутъ чулки....

Слуга (*несетъ кучу визитныхъ билетовъ*). Изволили присылать и пріѣзжать сами....

Ч. Подай, подай! Какъ: Графъ Звоновъ, Князь Пустельгинъ, Маіоръ Тузовскій, Княгиня Шперлингъ.... Боже мой! Возьми скорѣе, и развези отъ меня къ нимъ карточки....

Д. И. Позволь мнѣ похозяйничать! (*слугѣ*) Поди вонъ! (*слуга уходитъ*) — Какъ тебѣ не стыдно? Дитя! Графъ Звоновъ — пустѣйшій изъ людей, которому заплати только карточный свой долгъ, то онъ отзвонитъ тебѣ *добрый путь*; Князь Пустельгинъ береженъ тебя для того, что можетъ занять у тебя; Тузовскій—отъявленный игрокъ и плутъ; Княгиня Шперлингъ хочетъ сбыть за тебя свою тридцатилѣтнюю дочьку....

Подлость (*въ старомъ, истошенномъ мундирѣ и треугольной шляпѣ, входитъ съ поклонами*). Въ высокоторжественный день Новаго года, честь имѣю поздравить васъ, и пожелать вамъ всѣхъ благъ....

Ч. Благодарю, благодарю. Какъ поживаете?

(*Слышанъ стукъ отъѣзжающей кареты*).

Подлость. (*взглянувъ въ окно*) Если не ошибаюсь, то это госпожа Знатность заѣзжала къ вамъ съ визитомъ.

Ч. Какъ: Знатность? Боже мой! Кто-же ей отказалъ? Какъ смѣли!

Д. Н. Извини: это я велѣла ей отказать. И на что тебѣ поддерживать знакомство съ такою гордою, ничего для тебя не дѣлающею барынею? Вѣдь съ нею скучно?

Ч. Такъ, но....

Д. Н. Тяжело?

Ч. Такъ, но....

Д. Н. Выгони отъ себя эту негодную поклонницу, Подлость; если-бы не она, ты и не зналъ-бы о посѣщеніи Знатности, которая отъ тебя прямо поѣхала къ ябеднику Крючкову, а отъ него къ бездѣльнику богачу Сторонѣдову...

Подлость. Помилуйте! За что-же меня гнать? Я вамъ пригожусь: не держи сто рублей, держи сто друзей.

(*Слышанъ еще стукъ кареты*).

Подлость. (*опять глядитъ въ окно*). Ахъ, ахъ! Это господинъ Богатство! Не уже-ли и ему приказали отказать?...

Человѣкъ (*съ досадою*). Да, вотъ теперь у меня новый хозяинъ!

Подлость. Позвольте мнѣ, сударь, спросить ваше имя?

Д. Н. Я, сударыня, называюсь: *Доброе Намѣреніе*, и младшій братъ Уму, а дядя Благоразумію.

Подлость. Но точно-ли вы *Доброе Намѣреніе?* Это еще подлежитъ сомнительству, когда вы хотите раздружить моего патрона со всѣми его друзьями?

Д. Н. Съ друзьями? Но развѣ Богатство и Знатность друзья его? Онъ довольно богатъ и знатенъ самъ по своему роду, но имѣніе его разстроивается, и знатный родъ не приноситъ плода, отъ того, что онъ гонится только за Знатностью и Богатствомъ.

Ч. Послушай! Я готовъ тебя слушаться, но только на первый разъ пропу, чтобы мнѣ не было скучно....

Д. Н. Вѣрно, Скука прокралась потихоньку.

Скука (*выглядывая изъ дверей*). Извините! Знатность привезла меня съ собою, и когда я пошла отдать визитную карточку, меня пропустили сюда, какъ знакомую госпожу, а вы и не замѣтили, что я вошла....

Д. Н. Такъ милости прошу вонъ.

Скука. Извольте *прогнать* меня. А мнѣ самой нѣкуда теперь дѣваться: Знатность взяла въ руки колоду картъ; Богатство считаетъ деньги.... Имъ не скучно.

Д. Н. Убирайся!

Скука. Выживи меня.

Д. Н. А вонъ я тебя зачитаю! (*ищетъ въ шкафѣ*) Что за вздоръ такой: госпожа Тастю, Вальморъ, День приговореннаго къ смерти, Ода, Альманахъ, Revue de Paris.... (*къ Человѣку*). Какъ тебѣ не стыдно: ни одной порядочной книги?...

Подлость. (*тихо*) Что объ васъ подумаютъ?

Человѣкъ. (*скучая и зѣвая*) О, какое мученіе! Если всѣмъ рѣшившимся на доброе бываетъ такъ скучно, то я не дивлюсь малому числу охотниковъ!

Д. Н. Нѣчего дѣлать! Подлость! пляши, кривляйся, развесели его!

Подлость. Охотно!...

Толпою врываются въ кабинетъ
Связи *и* Приличія.

Хоръ Связей и Приличій. Поздравляемъ! Bon jour! Желаемъ здравствовать!

Д. И. Извольте пожаловать вонъ!

Хоръ. Какъ! Что это? Хозяину власти нѣтъ? На что похоже? Стыдитесь! Мы сей часъ отъ Графа, отъ Князя. Объ васъ спрашивали.... забывать друзей.... вчера на балѣ объ васъ говорили.... вы становитесь нелюдимомъ....

Д. И. Милостивые государи, милостивыя государыни! онъ *человѣкъ*, и начинаетъ понимать, что значатъ пустые обряды, связи, приличія....

Толпа Связей и Приличій. Какъ! Мы пустые? Когда цѣлый свѣтъ насъ уважаетъ, какъ-же вы смѣете? Да, мы съ нимъ росли вмѣстѣ; мы тридцать лѣтъ живемъ съ нимъ дружно! Онъ погибъ, онъ пропалъ, всѣ объ немъ заговорятъ, прокричутъ нелюдимомъ, сумасшедшимъ....

Д. И. Что ему до васъ: онъ *человѣкъ*, и чувствуетъ достоинство человѣка....

Толпа Связей и Приличій. Какой онъ человѣкъ: онъ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ! Что объ немъ скажутъ? Мы шли черезъ переднюю, и слышали, что его собственные слуги говорятъ уже объ немъ, и смѣются.... «Философъ-де сталъ нашъ баринъ!» шолкуютъ они.

Человѣкъ. Какъ! они меня зовутъ Философомъ! Я пропалъ! Философъ все равно, что Масонъ, Карбонарій, Якобинецъ....

(*Двери настежъ растворяются; идетъ* Мода. *Она зацѣпилась прическою и гребнемъ* АЖУРЪ *о перекладину, закутана въ трехъ-саженную шаль;* боа *тащится черезъ всю комнату*).

Мода. Что это? Ты еще не одѣтъ? Ты не началъ визитовъ?

Человѣкъ. Я.... я.... не хотѣлъ было....

Мода. Слуги твои сказали мнѣ, что ты сдѣлался *философомъ*? Это надобно поразсказать....

Человѣкъ. Помилуйте, я и не думалъ....

Мода. Твой новый экипажъ—прелесть, твой новый мундиръ — чудо!

Человѣкъ. Вамъ нравится?

Мода. Скажи: кто пилъ, кто дѣлалъ? Я разскажу всѣмъ....

Человѣкъ. Эй! скорѣе одѣваться — карету!

Д. И. Что ты? Стыдись; давно-ли ты позвалъ меня.... Хоть три дня позволь мнѣ пользоваться правами гостепріимства, не выгоняй меня, хоть для этого, если ты о себѣ уже такъ мало думаешь....

Мода. Ха! ха! ха! Это что за чучела у тебя? (*смотритъ въ лорнетъ*) Что за уродъ, что за нарядъ!

Человѣкъ. Извините, это.... (*смѣется*).

Мода. А! ты для *странности* пригласилъ эту чучелу къ себѣ.... браво! Дай мнѣ поглазѣть. Я люблю иногда шататься по балаганамъ подъ Новинскимъ, люблю паяцовъ.... ха, ха, ха!

(Приличія, Связи, Подлость, *всѣ хохочутъ*).

Человѣкъ. Ну, извините меня.... Вы видите, что я....

Д. И. Вижу, но вспомни, что жизни человѣка долголѣтняго недостаточно для исполненія обязанностей человѣка!

Мода. Какой вздоръ! *Не годы жизнь, а наслажденье!*

Д. И. Вспомни, что это поведетъ тебя къ занятіямъ тягостнымъ....

Хоръ Ненужный. Вонъ велика нынгосинь: съѣзжинь въ каренъ, съѣсинь жирный пирогъ, запинь Шампанскимъ, понанцованъ, попрыгаинь....

Д. Н. Ты долженъ будешь приниворсинвованъ, льстининь, изгибаиься....

Скука. Маленькія слабости, а доказательство тому, что я всегда при этомъ бываю; но съ порокомъ и злодѣйствомъ я ни какъ не могу уживаться: злодѣямъ не скучно.

Д. Н. Но какъ часто передаешь ты своихъ сопутниковъ Злодѣйству и Разврату! (*къ Человѣку*) Вспомни слова свои: пустыя связи и приличія не поведутъ тебя ни къ чему; люди за бездѣлку ничего тебѣ не сдѣлаютъ....

Подлость. Какъ, что вы? Да на этомъ теперь бѣлый свѣтъ держится....

Человѣкъ. Прошу меня отъ вашихъ сентенцій уволить....

Д. Н. (*показывая книгу*). А не ты-ли подтверждалъ все, что я тебѣ читала, въ этой книгѣ?

Мода. А что это за книга? Вѣрно: *Дохлый осель и гильотинированная женщина,*

или *Признанія* — этѣ книги я люблю теперь.... Какъ! Это *Русская Азбука, съ присовокупленіемъ различныхъ правоученій?* Ха, ха, ха! Поздравляю!

Человѣкъ, Азбука, Азбука! Изъ нея вздумали вы учинить меня?

Д. И. Не самъ-ли ты подвергалъ все, что мы читали, словами Шекспира, Франклина; знай, что я — неизмѣняемо *одна* и *вездѣ!*

Человѣкъ. Знать не хочу кто вы, а я не ребенокъ....

Д. И. Ты хуже ребенка: не можешь остановиться на бездѣлкѣ, не имѣешь твердости духа отказать себѣ въ ничтожномъ обрядѣ! Смѣешь-ли отважиться на что нибудь великое, послѣ сего опыта?

Человѣкъ. Покрайней мѣрѣ — по Азбукѣ я учить себя не позволю; о великомъ подумаю послѣ, а теперь не хочу отстать отъ другихъ и быть Діогеномъ, не хочу лежать въ бочкѣ и омедвѣдиться....

Подлость. Помилуйте, да за это возьмутъ на съѣзжую, и такой холодъ — 20 градусовъ морозу! Хорошо было Діогену въ Греціи....

(*Всѣ уходятъ.* Доброе Намѣреніе *остается одно*).

Д. Н. Я не хотѣла показать себя въ настоящемъ видѣ, хотѣла испытать его въ мѣлочахъ, и — при первомъ обольщеніи онъ увлекся, не смѣлъ противиться самому ничтожному обряду свѣта, въ которомъ не участвуютъ ни умъ, ни сердце, котораго пустота, безполезность и тягость ему извѣстны! Если-бы я сказала ему, что я Истина? Послушаю, что скажутъ о моемъ забавномъ приключеніи другіе люди, а сердце не предвѣщаетъ мнѣ добра. Кажется, что и въ 1831-мъ году мнѣ суждено прежнее: являться только немногимъ избраннымъ въ настоящемъ видѣ; большему числу дѣлать визиты въ одеждѣ *Добраго Намѣренія;* а для толпы — опять занять у Дурачества его шапку съ погремушками, у Веселости учиться умѣнью говорить, у Сапиры взять ея звонкую ферулу, и щелкать ею дураковъ и бездѣльниковъ!

КОНТОРА

МАКЛЕРА И НОТАРІУСА.

Долгомъ почитаю прибавить къ сей статьѣ небольшое пояснительное примѣчаніе.

Когда вышла сія статья въ *Прибавленіяхъ къ Московскому Телеграфу*, въ одной Газетѣ, издававшейся человѣкомъ, который именуется совѣтомъ не по чести, помѣщены были замѣчанія какого-то *Артельщика Гостиннаго Двора*. Замѣчанія начинались бранью на *Исторію Рускаго народа*, а оканчивались тѣмъ, что Артельщикъ доказывалъ стилистическія ошибки въ моей статьѣ. Онъ говорилъ, что Маклера и Ноторіусы имѣютъ свои Конторы на Никольской улицѣ, а не на Ильинкѣ; что рекамбію взимается по векселямъ и послѣ десяти дней; что процентъ не лишенъ права подавать вексель въ Коммерческій Банкъ; что у Маклера не могло оставаться бѣлое мѣсто въ книгѣ, и проч. и проч.

Меня порадовали замѣчанія Артельщика: они доказывали распространеніе просвѣщенія и образованности на всѣ званія. Хотя слогъ и грубыя выраженія показывали въ Артельщикѣ мужика, урожденца какого нибудь Бѣлаго Омута, въ тяжелыхъ бахилахъ, съ заскорузлыми руками, но показывали и то, что этотъ мужикъ читаетъ Журналы, Газеты, даже пишетъ самъ, и статьи его удостоиваются печатанія въ *Журналѣ современнаго просвѣщенія*.

Добрый Артельщикъ не понялъ того, что статьи о нравахъ *не списываются съ лицъ*, но заключаютъ въ себѣ *общіе очерки;* что Маклеръ мой есть вымышленное лицо; что необходимо надобно въ Сатирѣ перемѣнять иногда то, что на самомъ дѣлѣ существуетъ иначе. Приведемъ примѣры. Всѣ знаютъ, что законы запрещаютъ брать взятки, и что ихъ никто у насъ и не беретъ, а въ Сатирахъ безпрестанно являются судьи-взяточники, чтобы привести въ омерзеніе этотъ *возможный* порокъ. Еще примѣръ: въ Сатирѣ позволено вывести на сцену, недавна семинариста, который пишетъ варварскою Латынью, издаетъ книги, не зная грамматики, кланяется и унижается, потомъ ругаетъ тѣхъ, которые изъ жалости подали голосъ свой въ пользу бѣднаго студента. Разумѣется, что въ Россіи такихъ примѣровъ *нѣтъ*, а въ Сатирѣ они полагаются *возможными*.

Въ слѣдствіе сего и сказанья моя печатаются вновь безъ всякихъ перемѣнъ. *Возможность* ея подробностей неоспорима; о *дѣйствительности* я и не заботусь. Читатели должны смотрѣть на мои изображенія, какъ на забавные списки съ порока и слабости, а не искать въ нихъ новѣрки Вексельнаго Устава, или сказателя Маклерскихъ Конторъ.

Жизописецъ.

КОНТОРА

МАКЛЕРА И НОТАРІУСА.

У меня есть одинъ знакомый — почтенный гражданинъ Москвы, милый, любезный въ обществѣ друзей. Онъ много путешествовалъ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ливорно до слабости любитъ прекрасный, гармоническій языкъ Данте, Петрарки, и — едва-ли это не единственная его слабость. Добрый отецъ, добрый другъ, добрый хозяинъ, тихо и мирно живетъ онъ въ шумной, обширной Москвѣ, какъ смиренная маргаритка цвѣтетъ уединенно въ великолѣпномъ саду. Поутру идетъ онъ въ свою должностную келью, возвращается домой обѣдать, послѣ обѣда опять идетъ въ свою келью, и вечеромъ опять онъ дома, въ своей семьѣ, всегда веселъ и спокоенъ, безъ грозы въ будущемъ, безъ раскаянія въ про-

шедшемъ, за чайнымъ столикомъ, съ правомъ располагать остальнымъ вечеромъ по волѣ. Такъ сегодня, такъ завтра, такъ каждые будни; праздники онъ рѣшительно посвящаетъ отдыху и гулянью. Занятіе его неутомительно, тихо, но разнообразно, не безплодно для души и сердца; существованіе его обеспечено; есть свободный часъ и досугъ подумать и повеселиться. Догадались-ли вы, читатель, что такое значитъ мой знакомый? Если еще нѣтъ, то я скажу вамъ, что мѣсто, гдѣ проводитъ онъ время съ утра до обѣда, и съ обѣда до чаю, и которое назвалъ я *кельею*, не монастырская клѣтка, но свѣтлая, опрятная комната, въ самой шумной, живой части Москвы, въ *Городѣ*, на Ильинкѣ, и каждый день у моего знакомаго перебываетъ въ ней множество народа. — »Вашъ знакомый *Маклеръ*!« скажете вы, читатели. — Точно такъ, Мм. Гг., *Маклеръ и Нотаріусъ*, человѣкъ, принадлежащій къ одному изъ счастливѣйшихъ состояній въ мірѣ.

Говорю не шутя. Принцъ Делинъ, ко-

шорый бывалъ, что называется, *на конѣ и подъ конемъ*, живалъ въ шалашѣ солдата, подъ окуркою порохомъ, при Дворахъ Фридриха, Екатерины, подъ картечью ума и остроумія, былъ богатъ, знатенъ, уменъ, любимъ — Принцъ Делинь увѣряетъ, что самое счастливѣйшее состояніе, по его мнѣнію, есть — состояніе *Цѣзцнаго Почтмейстера*. Не споря съ любезнѣйшимъ свѣтскимъ человѣкомъ XVIII-го столѣтія, признаюсь, что смотря на моего добраго знакомаго, Маклера и Нотаріуса, мнѣ думается, будто Принцъ Делинь неправъ, и что счастливѣйшее состояніе въ мірѣ есть — *званіе Маклера и Нотаріуса въ Москвѣ*. Я не говорю о Нотаріусѣ Частномъ, или Маклерѣ слугъ и рабочихъ людей, обязанномъ копошиться въ душной, запачканной хоромнѣ Частнаго Дома, обиженномъ, озабоченномъ, но о такомъ Маклерѣ и Нотаріусѣ, который имѣетъ Контору въ городѣ, и, какъ почетный, избранный человѣкъ, знаменуетъ взаимныя обязательства людскія ручательствомъ Закона. Прекрасно его состояніе, читатели!

Посмотрите, какъ величественно и весело ѣдетъ мой знакомый въ свою Контору; какъ разнообразенъ кругъ людей, въ конторомъ онъ живетъ; сколько различныхъ впечатлѣній получаетъ онъ каждый день! Входъ во всѣ богатые домы открытъ ему, при его пышулѣ, и каждый ласкаетъ его, ибо, рано или поздно, но каждый будетъ имѣть до него дѣло. Взглянише, когда онъ явится на биржѣ: сколько рукъ жметъ его руку изъ подъ богатыхъ японовыхъ шубъ, сколько соболь-ихъ шапокъ снимается при уклоненіи его картуза! А тайны, открываемыя передъ нимъ, тайны важныя и близкія къ сердцу, ибо онѣ заключаются въ деньгахъ? А разговоры и совѣщанія богачей, которые послѣ обѣда видаются у него въ Конторѣ, и онъ удара рука въ руку движутъ цѣлые обозы въ Кяхту, въ Архангельскъ, въ Одессу? Какъ все это любопытно, какъ все это развлекательно! Иногда Русскій *лягарычъ* осуществляется среди веселыхъ словъ покупателя и продавателя, и искреннее благословеніе Шампани кипитъ въ бокалѣ, выпиваемое

мимоходомъ, какъ радость, сорванная мимоходомъ на тернахъ жизни, и тѣмъ болѣе милая и драгоцѣнная!

Но жизнь, и все въ жизни—парадоксъ! И въ счастіи Маклера и Нотаріуса я нашелъ было тѣнь, которая падаетъ на блестящіе цвѣты Маклерскаго счастія, но потомъ я снова разувѣрился, и теперь болѣе не сомнѣваюсь.

Недавно встрѣтился я съ моимъ счастливцемъ, Маклеромъ и Нотаріусомъ, и провожая его до Города, говорилъ ему все, что сказалъ моимъ читателямъ. Счастливецъ улыбался, соглашался со мною, и мы наконецъ договорились до тѣни, которую отыскалъ я въ его счастіи. Онъ просилъ изъясненія.

»Тѣнь эта состоитъ въ самомъ основаніи вашего званія« — сказалъ я.

— Развѣ оно предосудительно?

»Совсѣмъ нѣтъ, не предосудительно, но почтенно, какъ и всѣ другія званія въ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, всѣ званія, должности и обязанности я раздѣляю на двѣ части: *тяжелыя* и *легкія*, *пріятныя* и *непріятныя*, по сущности ихъ. Есть

тяжелыя и пріятныя, тяжелыя и непріятныя, легкія и пріятныя, легкія и непріятныя. Всѣ почтенны — ни слова; но счастье бѣжитъ отнуда, гдѣ *тяжело* и *невесело.* Ваше званіе, по сущности своей, легко, но — *непріятно.*

— Объяснитесь; я не совсѣмъ понимаю.

»Возьмемъ въ примѣръ — всякаго полицейскаго чиновника: бывши ремесленникомъ, который мирно, весело прорабатываетъ день, тихо, спокойно засыпаетъ на ночь, я не помѣнялся-бы на званіе — *даже Частнаго Пристава!* Невыгоды заключаются въ самой сущности сего званія. Среди людей, полицейскій чиновникъ живетъ, какъ Немезида; по обязанности долженъ надоѣдать другимъ, искать просроченныхъ паспортовъ, смотрѣть за трубами и дворами жителей, идти на гулянье не для наслажденій, но для наблюденія и наказанія. Когда другіе спятъ, онъ бодрствуетъ; отнуда другіе бѣгутъ, онъ туда идетъ. Нѣтъ! *Квартальный* и *Счастіе* — суть двѣ идеи, которыхъ не льзя помирить! Такъ *военному* пріятно, но не легко; такъ *Уголовному Судьѣ* легко, но непріятно; вамъ — тоже!

— Но, любезный другъ, послѣ сего нѣтъ званія и состоянія, гдѣ сливались-бы: *легко* и *пріятно?*

»Почему: нѣтъ? *Почтальонъ*, на примѣръ. Что за счастливое, прекрасное дѣло: летать съ вѣстями, разносить радость, то есть письма, по городу. . . .

— И ломать шею, скакавши на почтовыхъ, и приносить горестную вѣсть о смерти, или несчастіи милаго ближняго?

»Правда, но въ одномъ непріятности больше, въ другомъ меньше. . . . По существу вашего званія, вы принадлежите къ тѣмъ, у которыхъ. . . .

— *Меньше?*

»Нѣтъ — *больше!*

— Помилуйте! Развѣ Маклеръ также Немезида человѣческаго общества?

»Не Немезида; но если каждая замочная скважинка есть, какъ говорятъ, эпиграмма на честность человѣка, то векселя, закладныя письма, обязательства, контракты, условія, все, чѣмъ вы занимаетесь — самыя страшныя сатиры на человѣка! Бывши Маклеромъ и Нотаріусомъ, я совѣстился-бы за людей. Подумайте:

всѣ возможныя предосторожности принимаютъ люди, чтобы не быть другъ отъ друга обманутыми! Какъ бездѣльники, какъ разбойники сходятся они между собою, и тогда только вѣрятъ одни другимъ, когда по рукамъ и по ногамъ сковали другъ друга цѣпями условій! Маклерская книга — кузница, гдѣ куютъ эти цѣпи; Маклерская Контора — будка, поставленная подлѣ совѣсти человѣческой!...

— А мы Маклера и Контаріусы, будочники совѣсти?... — Онъ захохоталъ.

«Вы хотите смѣхомъ отдѣлаться отъ моихъ доказательствъ?

— Совсѣмъ нѣтъ; я хочу вамъ доказать, что все сказанное вами о несчастномъ назначеніи Маклеровъ и Контаріусовъ — совершенно несправедливо!

»Но въ Аркадіи, идеалѣ земнаго счастія, конечно Маклеровъ не было?

— Да была-ли ваша Аркадія когда нибудь? Полно-те, господа, поэтизировать. Если Аркадія и существовала, то, право, счастье Аркадскихъ пастушковъ было не слишкомъ-то завидное, и едва-ли сыскалось-бы теперь въ Москвѣ много охот-

никовъ въ Аркадію. Человѣкъ тогда только сдѣлался счастливъ, когда установилъ и учредилъ общество и общественныя обязанности. И въ семъ случаѣ, всѣ исполнители и понуждающіе къ исполненію обязанностей, суть, не злоупотребленія, но опоры и утвержденія общественнаго счастія.— Ну! о полицейскихъ я не спорю, а происхожденіе Маклеровъ и Нотаріусовъ совсѣмъ не сатира на людей: оно рѣшительное доказательство ума человѣческаго. Зачѣмъ почитаете вы векселя, обязательства, контракты и условія цѣнями? Это замѣтки, записныя книжки людскія. Люди со всѣмъ не такъ дурны, какъ многіе говорятъ объ нихъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ людскихъ есть — *забывчивость*. И при множествѣ обязанностей, дѣлъ, отношеній людскихъ, маленькій этотъ недостатокъ кажется намъ иногда весьма великимъ, потому, что въ самомъ дѣлѣ иногда слишкомъ далеко заходитъ, и въ иныхъ случаяхъ довольно справедливо называютъ его *излишнею*, *неблагодарностью*, эгоизмомъ. Еслибы во всѣхъ дѣлахъ и связяхъ, люди такъ умно

придумали себѣ *напоминанія*, какъ придумали они ихъ касательно *денегъ*, то половина зла исчезла-бы изъ общества человѣческаго. Въ семъ отношеніи, мы, Маклера и Нотаріусы, суть звѣзды, предвѣщающія утро счастія, то время, когда человѣкъ во всемъ и вездѣ будетъ подведенъ подъ власть обязательства и закона. Le leggi fanno gli uomini buoni. Вообразите только силу выдумки ума подъ дикою волею человѣка, въ отношеніи денегъ! Вообразите, какъ сходятся два владыки животныхъ, два человѣка; одинъ беретъ у другаго деньги, ѣдетъ Богъ вѣсть какъ далеко; другой отдаетъ, не безпокоится, спитъ себѣ спокойно, и въ назначенный день, какъ будто невидимая, непреодолимая сила влечетъ взявшаго къ отдавшему, изъ-за горъ, изъ-за рѣкъ, изъ за морей. Эта сила — клочекъ бумажки, который утвердилъ Маклеръ и Нотаріусъ! Какъ важно, какъ велико послѣ сего лицо посредника, передъ которымъ смиряется гордая воля человѣка, который заставляетъ всѣхъ быть вѣрными исполнителями слова, добрыми

людьми, или, что все равно, добрыми плательщиками! — И вы назовете послѣ того насъ злоупотребленіемъ, сатирою на людей? Какая несправедливость! Нѣтъ, мой почтенный другъ! Вексель есть свидѣтельство на умъ человѣческій; контракть есть ручательство, что когда нибудь люди будутъ рѣшительно всѣ добры; Маклеръ — представитель просвѣщенія и высокой образованности того времени, когда уже не сила, не кулачное право управляютъ людьми, но взаимное уваженіе правъ и обязанностей. . . .

»Хорошо, хорошо, краснорѣчивый представитель просвѣщенія! но, говорятъ, что когда всѣ условія состояли въ словахъ: »*Если я не исполню этого, да будетъ мнѣ стыдно,*» а вмѣсто векселей и обязательствъ были *нарѣзки*, и весь взыскъ ограничивался тѣмъ, что кредиторъ торжественно ломалъ нарѣзку, объявляя, что такой-то ему не платитъ, тогда вѣры и честности было между людьми болѣе. Умноженіе Маклерскихъ

Контюръ едва-ли доказываетъ совершенствованіе людское.

— Всѣ эти разсказы о нарѣзкахъ и честности стариковъ нашихъ едва-ли не Аркадія, никогда не существовавшая. Исключенія ничего не доказываютъ. И теперь есть люди, векселя которыхъ *вѣрнѣе денегъ*. А *правежи*, бывшіе у прадѣдовъ, едва-ли доказываютъ, что всѣ встарину боялись ломанья нарѣзокъ.

»Хорошо, но исполняется-ли всегда то, что представители просвѣщенія, Маклера и Контаріусы, заявятъ и заручатъ въ свою книгу? И вотъ темная сторона вашего званія: вы становитесь безсильны, превращаетесь изъ посредниковъ въ преслѣдователей, и ваша обязанность дѣлается скучною, тяжкою. . . .

— Нимало: здѣсь-то находится рѣшительное доказательство важности векселей и обязательствъ, того, что они суть свидѣтельства просвѣщенія и образованности, и ясно открывается величіе Маклеровъ и Контаріусовъ. Какъ безстрастный посредникъ договора, онъ становится грознымъ привидѣніемъ для от-

спутника и нарушителя. Какъ совѣсть, онъ шепчетъ ему: »Ты не платишь; я объявлю это всѣмъ — *я протестую* противъ твоей лживости, и ты раскаешься!« — Виновный сльнитъ, исправляется; если-же нѣтъ — горе ему! Маклеръ кладетъ бумажку, у него заявленную, въ *окладецъ*, и онъ словъ: »Я нижеподписавшійся. . . . *ходилъ къ такому-то*, и не засталъ его дома, а посему. . . .« и такъ далѣе. . . .

»И вы начинаете терзать неплатящаго, какъ преступника?

— Совсѣмъ не какъ преступника, но какъ отступника отъ даннаго имъ обѣщанія, какъ нарушителя уваженія къ общественнымъ условіямъ, въ силу коихъ, *взявшій* долженъ *отдать*. Бѣдность не есть порокъ, но она и не добродѣтель. Человѣкъ безъ денегъ тоже въ политическомъ отношеніи, что человѣкъ не оказавшій подвиговъ добра въ моральномъ. Человѣка не платящаго долга лишаютъ только средствъ вредить другимъ, и наказываютъ за то, что онъ покусился нарушать спокойствіе другихъ. И тутъ,

посмотрите: какъ величественна обязанность Маклера и Нотаріуса! Не смотря на имя и званіе, онъ *протестуетъ*, что такой-то не сдержалъ своего слова, и въ великолѣпные чертоги неплатящаго приходитъ показать роковую бумажку, въ силу коей общество отрекается отъ него, и лишаетъ его покровительства законовъ. Какъ громъ, пролетѣвшій мимо отступника, Маклеръ удаляется отъ него, но не унижаетъ себя мщеніемъ. Другіе, особенные люди являются терзать должника, берутъ и ведутъ его туда, гдѣ можно сказать: Lasciate ogni speranza, voi qu'entrate!

»Слѣдственно — продолжалъ мой любезный Маклеръ« — мнѣніе ваше о Маклерахъ и Нотаріусахъ вовсе было несправедливо.

»Отчасти согласенъ; но послѣ этого вы легко докажете, что нѣтъ ни одного званія и общественнаго состоянія, которое было-бы тяжеле и непріятнѣе другаго, но что все происходитъ отъ злоупотребленій той или другой должности?

— Нѣтъ, этого я не скажу. Конечно,

каждое состояніе имѣетъ свои неудобства и невыгоды, свои удобства и выгоды; но вообще, тѣ званія, и обязанности, которыя созданы для *преслѣдованія зла*, собственно тяжеле и невыгоднѣе другихъ. Притомъ, всѣ тѣ состоянія, гдѣ болѣе человѣкъ долженъ дѣйствовать своимъ умомъ, выгоднѣе и счастливѣе, нежели другія, гдѣ болѣе для него механическаго занятія. Въ основѣ званія Маклера и Нотаріуса« — продолжалъ онъ, возвышая голосъ« — вы видѣли доказательства просвѣщенія и образованности; въ исполненіи сего званія — только предупрежденіе зла. Прибавлю, что званіе Маклера есть одно изъ тѣхъ званій, гдѣ всего болѣе потребенъ умъ, потребна особенная проницательность, тонкость соображеній, прямота души....

«Я согласенъ, что вы имѣете право гордиться, будучи посредниками денежной совѣсти, и духовниками умирающаго кредита.

— Совсѣмъ нѣтъ. Намъ потребно умственной дѣятельности весьма много, ибо съ нами сражается вся возможная хит-

рость выдумокъ и изобрѣтеній; на насъ возлагается охраненіе того, что многіе почитаютъ дороже всего на свѣтѣ, и чѣмъ почти все оцѣняется на свѣтѣ. Маклеръ и Нотаріусъ необходимо долженъ быть уменъ, честенъ, знаютъ въ законахъ.... Извините: я не себя хвалю, но такъ какъ вы сказали, что считаете званіе Маклера и Нотаріуса счастливѣйшимъ состояніемъ въ мірѣ, то я, говоря вообще, хочу показать вамъ, что счастіе въ этомъ случаѣ падаетъ не

На пни, на кочки, на колоды,
На грязь, и на гнилыя воды,
А *точно, точно* на людей!

«Прошу васъ, мой любезный другъ, доказать, что счастливѣйшіе изъ смертныхъ суть достойные сего счастія люди. Вы меня обяжете — разсѣйте мои сомнѣнія.

— Прекрасно! Мнѣ пришло въ голову повести васъ къ себѣ, въ мою Маклерскую Контору, на мѣсто битвы моей съ умами и совѣстью другихъ. Если вы свободны нынѣшнее утро, то проснитесь его

у меня. Я выдамъ васъ за своего писаря и вы увидите прелюбопытныя явленія, смѣшныя сцены, напеническое и высокое вмѣстѣ; увидите, какъ разыгрывается умъ человѣческій на самомъ *интересномъ* для него предметѣ — деньгахъ.

«Охотно. Пойдемъ-те.

Для незнающихъ Москвы, я долженъ изъяснить, что *Городомъ* называютъ въ Москвѣ собственно Китай-городъ, пространство подлѣ Кремля, обнесенное каменною стѣною въ 1534 году. Тутъ онъ Кремля пролегаютъ три большія улицы: Никольская, Ильинка и Варварка. Все пространство *Города* можно раздѣлить собственно на двѣ части: *Ряды* и *Зарядье*. Первые, съ гостинымъ дворомъ, составляютъ безчисленное множество лавокъ, прилавковъ, кладовыхъ, магазиновъ, амбаровъ, погребовъ, палатокъ; вторымъ именемъ означаютъ кучу домовъ, гдѣ расположены постоялые дворы, въ которыхъ живутъ пріѣзжіе въ Москву купцы. Кромѣ Рядовъ, гдѣ всегда кипитъ торговая дѣятельность, и Зарядья, гдѣ въ тѣснотѣ жилья едва могутъ разъѣзжаться обозы, представляющіе собою

нѣчто въ родѣ *вѣчнаго движенія* (perpetuum mobile), въ Городѣ есть нѣсколько монастырей, церквей и огромныхъ домовъ. И шумъ вездѣ видны слѣды торговли и промышленности: палатки, лавки ремесленниковъ, мастеровыхъ, купцовъ, купеческихъ коммисіонеровъ, прикащиковъ разсѣяны по всюду. Нѣтъ мѣстечка, уголка, гдѣ-бы не лежалъ товаръ, не жилъ мастеровой, или торговецъ, не продавалось-бы что нибудь, или не стоялъ разнощикъ съ корзиною.

Такова картина *Города*, то есть, той части Москвы, которую называютъ *Городомъ*. Прибавьте къ этому безпрерывное движеніе пѣшеходовъ и экипажей, всѣхъ родовъ, отъ модного лондо до тѣлеги, отъ ломоваго извощичьяго воза до щегольскихъ купеческихъ дрожекъ; шумъ народа въ лавкахъ, трактирахъ; таскатье товаровъ со всѣхъ сторонъ свѣта; вѣчную толпу на биржѣ и въ рядахъ, и вы получите полное понятіе о мѣстѣ, куда мы пришли съ моимъ знакомымъ.

Съ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ началъ нарушаться порядокъ, въ какомъ находилось прежде все въ Городѣ. Никольская

улица, гдѣ была прежде Московская Славено-Греко-Латинская Академія, издревле считалась улицею книжныхъ лавокъ. Каждый рядъ заключалъ въ себѣ лавки извѣстнаго рода товаровъ. Теперь все перестроилось и перепутилось. Магазины, лавки устроиваются внѣ рядовъ; книжники разсѣяваются по всей Москвѣ. Маклерскія Конторы слѣдуютъ сему-же общему направленію; но однакожъ до нынѣ главное мѣсто ихъ тамъ, гдѣ они прежде были соединены всѣ вмѣстѣ.

Это небольшая площадь, между Богоявленскимъ монастыремъ, Посольскимъ подворьемъ, Троицкимъ подворьемъ и Гостинымъ дворомъ. Тутъ съ обѣихъ сторонъ тянутся и нынѣ затворы и двери, съ орлами и надписями: *Контора Маклера N. N.*, съ прописаніемъ далѣе, что въ ней записываются векселя и проч.—Тутъ находится Контора и моего добраго и любезнаго Маклера и Нотаріуса. Мы вошли къ нему.

Кто видалъ купеческія конторы, тотъ знаетъ какъ устроены конторы Московскихъ Маклеровъ. Это теплая комната, въ

которой стоитъ большая конторка и нѣсколько столовъ и нѣсколько стульевъ. Небольшой диванъ, стѣнные часы, стѣнной календарь составляютъ украшеніе, съ прибавленіе росписанія почтъ, таблицы процентовъ, нѣсколькихъ книгъ печатныхъ, множества книгъ конторскихъ, переплетенныхъ въ шершавую кожу, и кучи бумагъ, писемъ. Вотъ принадлежности конторы купеческой, и конторы Маклерской. Нѣсколько молодыхъ людей, въ рабочихъ, будничныхъ сюртукахъ, иногда между ими какой нибудь оригиналъ старикъ, въ очкахъ, состарѣвшійся за конторкою — пишутъ, въ глубокомъ молчаніи, не обращая вниманія ни на какіе посторонніе предметы. Это увидите вы при каждой купеческой конторѣ; это увидѣлъ я и въ конторѣ моего пріятеля.

— Садитесь за письменный столъ — сказалъ онъ мнѣ. — Вотъ вамъ бумага; не говорите ни слова, смотрите и слушайте. — Я исполнилъ приказаніе.

Не успѣлъ я усѣсться, какъ дверь быстро растворилась. Почти вбѣжалъ, человѣкъ высокаго роста, съ румяными щека-

ми, рыжею, подстриженою бородкою. На немъ было *что-то* въ родѣ сюртука, на головѣ дорогая пуховая шляпа, на ногахъ лакированные сапоги, на рукахъ цвѣтные перчатки, на шеѣ пестрый шелковый, а въ карманѣ другой пестрый Персидскій платокъ. «Ну, что?» вскричалъ онъ обращаясь къ моему Маклеру — «нѣтъ еще моего благодѣтеля-то?» — Нѣтъ. — «О! шутъ его побери: рѣженъ, да и только! Ну, ужъ, почтеннѣйшій! жома онъ, нѣчего сказать!« Спараго вѣка человѣкъ.—«Самъ посуди: вѣдь хочетъ дать денегъ; но вотъ три дня волочитъ: сего дня, завтра, послѣ завтра. Какъ бересла на огнѣ вертится; видно не хочется изъ рукъ выпускать.» —Да развѣ вамъ очень нужно?

— Смерть! Зайду еще.... »

Что это такое? спросилъ я, когда щеголеватый молодчикъ хлопнулъ дверью и убѣжалъ. Это *разживающійся* купецъ — отвѣчалъ мнѣ мой другъ. Надобно вамъ знать, что разживающихся дѣлятъ на двѣ части: одни начинаютъ съ копѣйки, часто съ прилавочныхъ мальчиковъ; переходятъ потомъ въ помощники, въ прикащики,

въ сидѣльцевъ *на отчетъ*, въ сидѣльцевъ *изъ части*, и потомъ заводятъ сами торговлю, маленькую, гдѣ нибудь въ уголку, и въ этомъ уголку скоро отыскиваетъ ихъ множество покупателей, знакомыхъ имъ по прежней ихъ, *хозяйской*, торговлѣ.

Обыкновенно, новый торговецъ бываетъ ко всякому услужливъ, ласковъ, сговорчивъ, покоренъ, тихъ, кланяется низко, крѣпко торгуется покупая товаръ, и тѣмъ полагаетъ основаніе кредита своего между большими торговцами; одѣвается онъ бѣдно; дрожитъ надъ каждымъ грошемъ; самъ замѣняетъ всѣхъ въ своей лавкѣ — и работника, и мальчика, и хозяина; чаю пить въ трактиръ не ходитъ, а покупаетъ воду въ мѣдный чайникъ, и пьетъ у себя, въ лавкѣ, бросивъ нѣсколько крупинокъ чайной пыли въ чайничекъ свой. Обѣдъ его составляетъ калачъ, огурецъ, порція икры, или ветчины. Рано по утру, поздно въ вечеру—онъ все въ лавкѣ. И хотя торговля его часто изумляетъ живостію сосѣдей, но онъ хнычетъ, жалуется, споритъ за всякую копѣйку, и только покупатель его находитъ въ немъ

самую скромную, услужливую овечку; товарищи, напротивъ, бранятъ его, какъ скупца, Ирода, мѣлочника. Но богачи любятъ такія брани, и часто, проговоривъ съ улыбкою: «Да онъ, чорномъ смотритъ— Жидъ настоящій!» богатый торгашъ, мимоходомъ, подходитъ къ его прилавку, и самъ говоритъ ему: «Здорово, братъ Ванюша! Ну что ты? Есть товаръ на твою руку — не купишь-ли? — «Ахъ, батюшка, да время-то плохое: денегъ нѣтъ.» — Подожду! — «Охъ, да нынѣшнее-ли время въ долги покупать!» — Все Богъ; приди-ка, дружище, да посмотри. Сойдемся!» — И въ тоже время, вы увидите, что къ этому богачу подходитъ прекрасно одѣтый *рядовичъ*, спрашиваетъ товару, и получаетъ въ отвѣтъ: «Не знаю; есть, да еще не разбирал!» Сухая улыбка сопровождаетъ такой нелаковый отвѣтъ.

Другой родъ разживающихся, *скоробогатые*, совсѣмъ отличенъ. Большою частію, они неожиданно, какъ снѣгъ на голову, падаютъ среди товарищей. Вдругъ является онъ, какъ вы сей часъ видѣли, нанимаетъ лучшую лавку, сыплетъ деньга-

ми. Всегда веселъ, всегда хвастаетъ барышами, и дивится, что у него въ долгахъ ничего не пропадаетъ; всегда въ трактирѣ за чаемъ, называетъ по именамъ каждаго и трактирщика и мальчика, какъ знакомца; часто является у него — домъ, записанный на жену, и въ домѣ все новенькое, съ иголочки; прекрасный экипажъ подъ Новинскимъ, большое знакомство, честь. Покупщиковъ и у этого торгаша бываетъ много, но ихъ привлекаетъ только *либеральность*, такъ сказать, новаго купца: бери — все дешево; даетъ и въ долгъ! Одна мысль: продать больше, скорѣе товаръ съ рукъ! Богачи обходятся съ такими людьми дружески, продаютъ имъ, только сами на нихъ съ товаромъ не навязываются; за то и эти торгаши много съ богачами не спорятъ: давай только въ кредитъ!

— Что-же бываетъ слѣдствіемъ того и другаго рода поступковъ? спросилъ я.

« Обыкновенно то, что хвыкающій, черезъ нѣсколько лѣтъ, надѣваетъ лисью шубу; еще черезъ нѣсколько лѣтъ, покупаетъ домикъ, или обгорѣлое мѣсто, и

самъ спроситъ; лавка его распространяется, торговля увеличивается, и лѣтъ черезъ тридцать — вы его не узнаете: онъ уже почетный богачъ, съ обширною торговлею, съ окладистою рожею.

« Скоробогатый, большею частію, кончитъ плохо. Заведя большое колесо, онъ вертитъ его сильно; но скоро начинаетъ чувствовать, что у него не достаетъ масла для смазки, то есть: *денегъ*, чтобы поддержать свой оборотъ. Онъ лезетъ въ дальнѣйшій кредитъ, покупаетъ уже безъ разсчета, гдѣ только можно; беретъ въ займы, кто только даетъ, а о процентахъ не споритъ. Наконецъ — онъ *лопается*, какъ говорятъ купцы. Это значитъ, что вдругъ его не видно ни въ лавкѣ, ни дома; векселя-же его являются у насъ, Маклеровъ; лавка запирается. Тутъ идетъ совсѣмъ особенный порядокъ дѣлъ, о которомъ надобно вамъ разсказывать особенно, долго и подробно: этотъ порядокъ называется: *банкрутство*, которому родной братъ — *конкурсъ*.

— Если такъ проста теорія всѣхъ

этихъ дѣлъ, то, мнѣ кажется, примѣры скоробогатыхъ должны-бы истребиться?

«Проста теорія, да практика-то не проста, и весьма затруднительна, какъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ. Вопервыхъ, часто случается на оборотъ: хныкающій хнычетъ, хнычетъ, до тѣмъ и кончитъ! Либо умретъ онъ, не нарядясь въ лисью шубу изъ волчьей, или мерлужчатой, либо — совсѣмъ неожиданно, истаетъ за своимъ прилавкомъ, какъ восковая свѣчка, и кончитъ конкурсомъ тысячъ въ десятокъ. А это хуже смерти. Если долговъ не окажется 100,000, то не стоитъ банкрутится! Скоробогатый-же, особливо если у него совѣсть смирная, не боится ни контрабанды, и ни какой другой дряни, годъ отъ году болѣе и болѣе становится богатымъ, начинаетъ скромничать, сжиматься, и кончитъ тѣмъ, что дѣлается совершеннымъ скрягою, становится въ рядъ старыхъ богачей, и о томъ, какъ онъ началъ, всѣ позабываютъ.

Во вторыхъ, не можете представить всѣхъ хитростей, ловкостей, искусства, какія употребляются для денегъ. Какъ

часто вексель, заплаченный богачу впору, давалъ новую жизнь дѣламъ, ибо не только сомнѣніе исчезаетъ, но всѣ получаютъ о плательщикѣ крѣпкое увѣреніе! Какъ, иногда, одно кстати сказанное слово, даже сто рублей, проигранные въ ламушъ, давали человѣку кредитъ!

Въ прежнихъ, страсти людскія развѣ бездѣлица? Кому продать не хочется? Кому больше барыша не желается? А если Русскій *авось* вмѣшался въ дѣло, то самый осторожный и скупой попадется.

Наконецъ — тма отношеній. Иной нарочно жертвуетъ своимъ, чтобы утопить другаго. Еще есть множество переходовъ въ кредитѣ, и есть такія степени, гдѣ просто, кажется, жадность кредитуетъ безстыдство, надѣясь, что хоть *свое* не пропадетъ; иногда кажется, что люди только и хотятъ хлопотъ. Кто идетъ дальше, а иной нарочно подходитъ ближе. Я укажу вамъ даже такихъ людей, которые ищутъ одолжить только тѣхъ, отъ кого уже всѣ отказались, которые нарочно скупаютъ вексе-

ля, въ восторгѣ отъ кураторства, и всю дѣятельность жизни ограничиваютъ только конкурсами.

»Вообразите весь этотъ міръ сплетней, измѣненій, поддѣлокъ, хитростей, ловкостей, жадности, обмана, и вы согласитесь, что практика не легка, хоть теорія и весьма проста кажется. А вотъ и нашъ молодчикъ, *скоробогатый*, и *тузъ* съ нимъ.

— Ухъ! сказалъ тузъ, вваливаясь въ контору. Это былъ старикъ, съ краснымъ, пьянымъ лицемъ, въ засаленномъ сюртукѣ, замаранномъ бархатовомъ галстукѣ, нечищенныхъ сапогахъ, съ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ въ карманѣ, изорванной шляпѣ.

— Ухъ! повторилъ онъ, садясь на стулъ — черта ты — уморилъ! Голова смерть болитъ — шутка-ли тащился въ городъ! —

«Хе, хе, хе!» подхватилъ молодчикъ, увиваясь вокругъ него. « Видно, изволили-съ подгулять вчера?»

— Подгулять? Что за подгулять: нарѣзались мы, словно свиньи! Компанія была

честная, круглая—такъ, все дрянь народъ.... (Онъ улыбнулся, съ видомъ самодовольствія) Тугосумовъ, Золотохвостовъ, ну я, Мѣшковъ....

»Видно милльончиковъ пять сидѣло забулыгою—ха, ха, ха!

— Пьянъ, и побольше, хе, хе, хе! Дайка табачку, Вася! — продолжалъ туз, протягивая руку къ старому весельчаку, писцу Маклера. Этотъ всталъ, и, подчивая табакомъ, замѣтилъ, что вѣроятно, своя табакерка забыта дома.

— Пьянъ! потерялъ, да все не сберусь купить....

«Да чай, и не на что?« сказалъ скоробогатый, усѣхаясь.

— И то правда: подари-ка братъ! — Улыбка самодовольствія и скрытнаго презрѣнія мелькнула на лицѣ туза.

«Да извольте-съ, какъ вамъ благодѣтелю не подслужиться....

— Ну, что твои Французскіе спицы?

«Слава Богу! всѣ сбылъ! Тысячи три заработалъ.

—Лихой! Прощайте-же, братцы, ребятушки! Пойдти было къ Мѣшкову....

Изумленіе изобразилось на лицѣ скоробогатаго. »А что же, почтеннѣйшій....« промолвилъ онъ заикаясь.

— Да!—вскричалъ грубо старикъ.—Право нѣту.... Черняки, изволишь видѣть, во все не платятъ; надо получить—за Шилопашкинымъ есть съ тысячу: сегодня хотѣлъ отдать.

»Ужъ у васъ будто нѣтъ! Тряхните ножкой, такъ тысячи полетятъ....

— Тысячи! Да, вотъ проклятаго-то купилъ, домину: вѣдь *триста* — чистоганомъ. Хе, хе, хе!—Онъ поглядѣлъ горделиво.

«Говорятъ: многонько такъ вы дали....» лукаво сказалъ скоробогатый.

— Многонько!—вскричалъ старикъ,—типунъ-бы имъ на языкъ, болтунамъ! Что за много, коли больше осталось—домъ стоитъ полмилльона: вѣдь былъ Графскій, потолки какіе, какъ размазаны, съ золотомъ—однихъ креселъ старинныхъ дюжинъ пятьдесятъ, съ Французскимъ барлатомъ, да шитофомъ. Да кто говоритъ? Кому нужда? Черняки!

« Мое дѣло сторона, сударь; я вѣдь изъ

одного моего почтенія къ вамъ, что слышу, сказываю....

— А кто-же говорилъ? — спрашивалъ старикъ, съ любопытствомъ и злобою.

« Вы ужъ одолжите меня, почтеннѣйшій благодѣтель?

— Ну, ну! Вѣдь тебѣ *четыре*?

« Пять, пять.... Вы изволили обѣщать мнѣ....

— Какъ? А кто-же говорилъ? А?

« Я ужъ такъ и бумажку написалъ,« сказалъ скоробогатый, отдавая старику вексель, и перебивая его рѣчи.

Старикъ досталъ старые, большіе серебряныя очки, въ ветхомъ футлярѣ, вздѣлъ ихъ на носъ, и ястребиные глаза его устремились на вексель, который дрожалъ въ рукахъ его; казалось—онъ хотѣлъ съѣсть его глазами.

« Такъ, кажется?

— Да!—глухо проговорилъ старикъ, спрятавъ вексель въ огромный бумажникъ, набитый ассигнаціями, отъ чего боковой карманъ его оттопыривался безобразно. Онъ опустилъ потомъ руки, и, съ дрожащею отъ злости нижнею губою, ворчалъ:

»Дорогъ! Чертяки! ужъ доскку, когда дознаюсь! Что? Развѣ не засядешь у меня въ третьемъ Департаментѣ? Хоть нынѣ не прежнее время, а также таки вытянемъ—чертяки, изволишь видѣть! Кто-же это бренчитъ?—спросилъ онъ вдругъ, быстро оборотясь къ скоробогатому.

Тотъ будто не понялъ. »Сей часъ изволите мнѣ пожаловать, или повременить прикажете?

Грубо ударилъ его старикъ по плечу. »Да поди, хоть настойки подай! Экой,« сказалъ онъ, съ усмѣшкою, »злой языкъ!

Скоробогатый поморщился, улыбнулся. »Господа!« сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ намъ, »не угодно-ли? По чашкѣ теплой воды?«

— Извольте, Гуръ Филатьевичъ! — отвѣчалъ старикъ, писавшій за большимъ столомъ, и подчивавшій нюза табакомъ. Снявъ съ носа большіе очки, безъ оправы, ибо ихъ составляли два стекла, обогнутыя проволокою, и обмотанныя шелкомъ. — »Можно-съ?« спросилъ онъ тихонько у моего друга. »Можно« от-

вѣчалъ тотъ, не оставляя своего дѣла, »только, пожалуста, приходи скорѣе.«

— Ты что, Оедулъ, губу-то надулъ? — сказалъ тузъ, надѣвая шляпу, и обращаясь съ рѣчью къ моему пріятелю.

»Ничего Фока Оомичъ,« отвѣчалъ онъ, положивъ перо, и съ улыбкою смотря на туза.

— Дай-ка табачку!« Только и вылилось изъ его головы. Онъ, скоробогатый и писарь пошли вонъ.

«Вы видѣли примѣръ, какъ даютъ въ заемъ богачи скоробогатымъ, и какъ тѣ подличаютъ передъ ними, унижаютъ имъ, угождаютъ, подчиваютъ, сносятъ всѣ ихъ глупые капризы и хвастовство. Теперь старикъ напьется на счетъ его, еще будетъ хвастать часа съ два, и наконецъ дастъ ему денегъ.»

— А вашъ писарь за чѣмъ пошелъ?

«Этотъ добрый старикъ помѣшанъ на пиньѣ чаю, и на бесѣдахъ съ богачами. Чтобы сказать: я пилъ чай съ Фокою Оомичемъ, онъ готовъ идти въ Нѣмецкую Слободу, бросивъ дѣло.

«Развѣ этотъ запачканный, грубый старикъ большой богачъ?

— Миллионщикъ. Потому-то онъ и дурачится, коверкается, ѣздитъ на волочкѣ, когда въ карманѣ у него бываетъ на сотни тысячъ векселей. Онъ былъ подрядчикъ на плотничную работу, простой мужикъ, плотникъ, и разжился послѣ непріятеля, сохранивъ всѣ свойства плотника, пьяницы и грубіяна. А вотъ и новое явленіе, которое васъ порадуетъ!»

Вошли: человѣкъ среднихъ лѣтъ, одежда и видъ котораго показывали довольство, и *мужикъ*, просто одѣтый, сѣдой, съ добрымъ, откровеннымъ, веселымъ видомъ. Маклеръ мой учтиво раскланивался съ обоими, жалъ имъ руки, просилъ садиться.

Мужикъ прежде всего помолился, раскланялся, и потомъ сѣлъ.

— Что, батюшка, Антипъ Іевлевичъ? началъ мой пріятель, обращаясь къ нему.

«Да что родимый, вотъ поторговались съ неоцѣненнымъ-то пріятелемъ. Начерти-ко ты намъ бумажки.

Онъ развязалъ простой кожаный бумажникъ, замотанный ремнемъ; въ бумаж-

никѣ было у него множество векселей и денегъ.

— Одну? — спросилъ мой Маклеръ.

»Нѣтъ, три; двѣ по 10, а одну въ пять.»

— Да возьми остальное, Антипъ Іевлевичъ! сказалъ товарищъ мужика — право слово: барыша не беру.

»Какой-же ты купецъ? сказалъ ему смѣясь Антипъ Іевлевичъ« — какъ безъ барыша торговать? Ну, такъ и быть: если съ вычетомъ наличныя возьмешь, такъ еще на десять отложи.

— Куда мнѣ съ ними! Возьми все; всего-то на 15; напишемъ ужъ еще бумагу: будетъ всего на 40.

»Охъ! бумагу! Мы люди безграмотные, боимся этѣхъ бумагъ.... Нѣтъ! родимый! ужъ такъ?

— Какъ хочешь; принужденья нѣтъ, а я не согласенъ.

Они начали толковать потихоньку. Между тѣмъ, одинъ изъ писарей писалъ векселя.

»Понимаете-ли вы разговоръ ихъ, и

что это за люди?» спросилъ меня мой пріятель.

— Почти нѣтъ — отвѣчалъ я.

»Одинъ — старинный, почтенный Московскій фабрикантъ, человѣкъ весьма достаточный, а другой, честнѣйшій человѣкъ, Суздалецъ, бывшій господскій крестьянинъ. Онъ заплатилъ за себя господину 100,000 рублей, не знаетъ грамотѣ, и потому записываетъ свои векселя у Маклеровъ, и обыкновенно у меня. Теперь, онъ уже 1-й гильдіи купецъ, а торгуетъ, конечно, на два милльона. Пріѣхавъ за покупкой товара съ деньгами, онъ любитъ купить въ срокъ, чтобы заплатить наличными, съ вычетомъ процентовъ. Не знаю, какъ для другихъ, а для меня эта простота, доброта, этотъ Русизмъ — прелестенъ! Умный мужикъ, такъ, какъ онъ есть. Двое сыновей его ходятъ съ бородами, но образованы отлично, не по ученому, но по книжному. Библіотека у нихъ состоитъ вѣрно изъ 10,000 томовъ. Старикъ самъ все еще трудится, не перемѣняетъ своего костюма и разговора; но живетъ онъ въ своемъ го-

родѣ, какъ древній Русскій Гостинъ, и, конечно, повезетъ дѣтямъ своимъ въ подарокъ книгъ изъ Москвы, или по образу.

— А что, родимый, началъ говорить Аннинъ Іевлевичъ моему пріятелю, — какъ ты поживаешь?

« По маленьку, сударь, Аннинъ Іевлевичъ.

— А не возьмешь-ли ты на себя труда — тебѣ вѣдь много знакомыхъ — купить ребятишкамъ моимъ, вотъ по запискѣ, книжонокъ — сотни на двѣ; да поторгуйся: вѣдь уступятъ, я думаю?

Я заглянулъ въ записку: Исторія Карамзина, новое изданіе, Географія Малте-брёна, Выжигинъ И. И., Рославлевъ, Геометрія Дюпеня, Царствованіе Царя Алексія Михайловича, Гречева Граммашика, и проч.

— Охотники смертные! — продолжалъ Аннинъ Іевлевичъ—я не запрещаю. Пусть читаютъ: меньше шалятъ молодежъ, когда больше сидятъ дома; только у меня своего дѣла не забывай, да не отставай отъ божественнаго. А то учись, какъ хочешь. И, слава Богу! мой Гришутка, живучи въ Петербургѣ, какъ развѣ по Нѣмец-

ки научился, а всегда на клиросѣ, въ своемъ приходѣ, поетъ и кругъ церковный весь знаетъ.

Въ словахъ старика не видно было никакого фанатическаго суевѣрія, и простота, добросердечіе выражались на его лицѣ.

Тутъ вдругъ загремѣла карета и остановилась у дверей конторы. Высокій лакей, съ шумомъ, отворялъ двери, пока другой лакей помогалъ вылѣзать изъ кареты чему-то похожему на человѣка, худому, сухому, блѣдному, кашляющему, напудренному, затянутому въ модный фракъ, съ двумя звѣздами, на обѣихъ сторонахъ груди. Пока это живое привидѣніе ползло на рукахъ лакея въ двери конторы, выскочилъ изъ кареты еще человѣкъ, котораго я назвалъ-бы деревяннымъ мужичкомъ: такъ неподвижны были его члены; только рука его безпрестанно поправляла длинные усы.

Старикъ былъ Князь Пустозвоновъ, а деревянный мужичекъ—его, какъ-бы назвать.... то, что называется, у старыхъ дамъ, *компаньёнка:* прислужникъ, подслуж-

никъ, прихвостень, родъ слуги, котораго однакожъ не бьютъ, хотя называютъ иногда *болваномъ* и *дураномъ*.

Всѣ встали; начали кланяться Князю; особливо въ глазахъ Аннипа Іевлевича изобразилось что-то странное, какъ будто робость. Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

Не снимая шляпы, Князь обратился къ моему пріятелю Маклеру. Parlez-vous français? — Oui, mon Prince. — On ne nous comprendra pas? — Personne! отвѣчалъ мой пріятель, давая мнѣ знакъ слушать внимательнѣе.

Вотъ разговоръ Сіятельнаго, который я раскажу читателямъ по Русски.

Князь. Я посылалъ къ вамъ вотъ черезъ этого господина (*указываетъ на деревенскаго мужика*), заемное, письмо къ запискѣ.

Маклеръ. Точно такъ, В. С.

Кн. Почему-жъ вы его не записываете?

Мак. Не могу, В. С.

Кн. Почему-жъ не можете?

Макл. Мнѣ совѣстно изъяснять это В. С., и я покорно васъ прошу уволить меня отъ дальнѣйшихъ изъясненій.

Кн. Ваша обязанность дѣлать то, что велятъ, и за что даютъ вамъ деньги.

Макл. Извините В. С.—Моя обязанность дѣлать то, что велитъ законъ, и я беру деньги за исполненіе должности, возложенной на меня обществомъ.

Кн. Ну, ну, вы запишете: *я*, сударь, васъ прошу объ этомъ!

Макл. Не могу, В. С.

Кн. Такъ я васъ принужу!

Макл. Сдѣлайте одолженіе, оставимъ наше объясненіе.

Кн. Вы смѣете грубить?

Мак. Я удивляюсь, что В. С., будучи такимъ почтеннымъ человѣкомъ, и старцемъ такихъ лѣтъ—можете.... принуждать меня къ столь беззаконному дѣлу....

— *Беззаконному!* закричалъ Князь по-Русски — я тебя прибью, невѣжа, мѣщанишка! Ты смѣешь озорничать, ругать меня?

Маклеръ мой также вспыхнулъ. »Я безъ брани докажу вамъ, Князь,« сказалъ онъ, »какъ безчестите вы себя вашимъ дѣломъ, и смѣете знатностью и безстыдствомъ прикрывать самое постыдное

предпріятіе. »Князь, въ досадѣ, не могъ сыскать словъ, а Маклеръ мой оборотился къ намъ, и продолжалъ съ жаромъ. »Князь имѣетъ въ рукахъ заемное письмо на 50,000 рублей, подписанное его сестрицею, которая третьяго дня скончалась, и требуетъ, чтобы я записалъ это обязательство заднимъ числомъ, потому, что въ книгѣ у меня есть еще мѣсто. . . .

— Какъ батюшка, Ваше Сіятельство— сказалъ Антипъ Іевлевичъ, съ чувствомъ скорьби — Княгиня Феонинья Сидоровна изволила скончаться? Дай Богъ ей царство небесное — добрая была душа! Охъ! Господи!

»Кто ты, мужикъ? Что тебѣ надобно?« вскричалъ Князь, стараясь скрыть свое замѣшательство: онъ не зналъ, что говорить.

— Я вашъ бывшій крестьянинъ Антипъ, Ваше Сіятельство.

»А, это ты, Антипъ!« сказалъ Князь, протягивая ему руку — поцѣловать. Антипъ Іевлевичъ оскорбился, протянулъ самъ руку, и пожалъ руку Княжескую.

Съ негодованіемъ отдернулъ Князь свою сіятельную десницу. . . .

— Ваше Сіятельство! сказалъ фабрикантъ, это не мужикъ вашъ Аннинъ, но Аннинъ Іевлевичъ, почтенный гражданинъ, 1-й гильдіи купецъ, одинъ изъ первыхъ нашихъ торговцевъ.

«Я въ хорошемъ обществѣ!« проворчалъ Князь, »подавайте карету! А тебѣ, братецъ, Маклеръ, я докажу.

—Ваше Сіятельство — сказалъ Аннинъ Іевлевичъ — бросьте это дѣло — нехорошо, отецъ, какъ онъ поразсказалъ!

Губы Князя задрожали отъ бѣшенства. Аннинъ Іевлевичъ будто не замѣчалъ, и, наклонившись къ Князю, тихонько сказалъ ему: «Развѣ вамъ, батюшка, крайне нужны деньги? За благодѣяніе родителя вашего и сестрицы вашей — если угодно, я могу...

Какъ въ эту минуту былъ выше ничтожнаго Князя этотъ добрый, благородный мужикъ! Что-жъ вы думаете? Горделиво поглядѣлъ на него Князь. «Да, братецъ, въ самомъ дѣлѣ: ты вѣдь те-

перь разжился.... Изволь, изволь—приди-ка ты ко мнѣ — поговоримъ. Я помню, братецъ, что ты былъ и прежде мужикъ добрый....

Князь поспѣшно оборотился, не поклонился никому, ушелъ и сѣлъ въ карету; за нимъ влезъ и компаньонъ его.

— Не ужели ты дашь ему денегъ? — спросилъ фабрикантъ.

«Не уже-ли допускать его до такого позора, что при мнѣ его почти воромъ называютъ, а онъ и отвѣчать не смѣетъ? Вѣдь онъ былъ мой господинъ: я ѣдалъ его хлѣбъ. Видно ему худо пришлось....

«Сынъ Князя проигралъ казенныя деньги,» сказалъ мнѣ Маклеръ — «вотъ отъ чего онъ пускается въ такую спекуляцію. Имѣніе его разстроено, промотано. Но, замѣтьте, однакожъ, дерзкую гордость: Антипъ Іевлевичъ можетъ быть спасителемъ его — и, какъ съ безстыдствомъ предлагалъ онъ мнѣ записать вексель, такъ съ нелѣпымъ барствомъ, смотритъ на Антипа своего.... Умираетъ, а ногой дрягаетъ.

Деревянный мужичекъ выскочилъ тогда изъ кареты, и, отворивъ двери конторы, закричалъ: »Анпинъ — какъ васъ по батюшкѣ?... Князь васъ требуетъ....

»Анпинъ, Анпинъ! поди, братецъ, сюда!« кричалъ Князь, высунувшись изъ кареты. Анпинъ Іевлевичъ подошелъ къ нему; видно было, что Князь звалъ его съ собою въ карету, а деревянному мужичку приказывалъ взять извощика. Но Анпинъ Іевлевичъ раскланивался, говорилъ что-то, и пошомъ возвратился. Карета поскакала.

— Вотъ до чего Богъ велѣлъ мнѣ дожить, что Князь мой зоветъ меня благодѣтелемъ! За добро истиннаго отца нашего, родителя его, я Богъ знаетъ чего не сдѣлаю«.... Слезы покатились изъ его глазъ. Онъ постѣпно отеръ ихъ....

Анпинъ Іевлевичъ замолчалъ послѣ того, и засѣлъ въ уголъ. Постѣпно вошелъ тогда человѣкъ высокаго роста, въ темномъ потопеномъ сюртукѣ, съ присаленными волосами на головѣ. Онъ оглядывался робко, боязливо, низко раскла-

нялся съ моимъ пріятелемъ, и началъ говорить ему въ полголоса.

» Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій, покорнѣйше васъ прошу, въ надеждѣ на ваше неоставленіе.... Облагодѣтельствуйте, паче всякой надежды и мѣры.

— Да, извольте, все, что вамъ угодно, Гуръ Пудычъ.

» Ужъ я такъ къ вамъ и прибѣгаю, мой почтеннѣйшій, въ сущей увѣренности милостиваго неоставленія».... Онъ вытащилъ запачканный, шелковый, вытертый въ шамбуръ бумажникъ; долго перебиралъ въ немъ лоскутки, бумажки, векселя, и наконецъ досталъ одинъ вексель, сложенный въ шестеро.

— Что это? — спросилъ Маклеръ, взявъ и развертывая вексель — запротестовать?

« Да-съ, мой почтеннѣйшій. Не оставьте вашимъ благодѣяніемъ.

— Э, Гуръ Пудычъ! Человѣкъ-то добрый — что вамъ хочется его обидѣть? Онъ отдастъ, ручаюсь, что отдастъ.

« Оно можетъ быть; да почему-жъ онъ такъ не аккуратенъ? Сегодня *десятый*

день — вѣдь онъ долженъ знать; я самъ перебиваюсь кое-какъ — съ крохи на кроху.

— И вы съ него возьмете *рекамбіо?* Полно-ше! Вѣдь ужъ вы онъ него пользовались!

«Я самъ, говорю вамъ, кое-какъ — мы люди небогатые; у меня сегодня былъ случай отдать вновь мои деньги — я его упустилъ; какъ-же не взять мнѣ рекамбіо....

— Воля ваша! — сказалъ Маклеръ хладнокровно, положилъ вексель на конторку, и прикрылъ его мраморною дощечкою, на которой сдѣланъ былъ искусственный, каменный лимонъ.

«Такъ, ужъ я въ надеждѣ, мой почтеннѣйшій? До свиданья!»... Онъ низко раскланялся, дошелъ до дверей, и опять воротился. «Вотъ что-съ»... въ замѣшательствѣ сжалъ онъ свою шляпу.... «Если онъ придетъ къ вамъ и съ деньгами — кажется, что уже нѣкогда — но однакожъ.... то, вы ужъ пошлите его ко мнѣ, а что векселекъ-то у васъ, не говорите»... Съ удвоенными поклонами, онъ удалился.

— Ничего не понимаю — сказалъ я Маклеру.

«Очень понятно. Это одинъ изъ самыхъ злыхъ, мѣлкихъ ростовщиковъ, человѣкъ скопившій тысячъ сотню, которыя, что называется, онъ *ребромъ ставитъ* и умѣетъ учетверять. Это мерзавецъ, подлецъ, къ которому прибѣгаютъ, когда надобно — либо въ нетерпѣніи, либо къ нему за деньгами. Менѣе $1\frac{1}{2}$ процентовъ въ мѣсяцъ онъ не беретъ, и тутъ даетъ червонцами, піастрами, талерами, луйдорами, смотря потому, что можно вымѣнять дешевле. На этомъ онъ всегда выгадываетъ нѣсколько рублей у тысячи, а получаетъ, разумѣется, всегда ассигнаціями, которыя тотчасъ промѣниваетъ.... Опять нѣсколько рублей барыша—все это не въ счетъ!

— Кто-же пойдетъ послѣ этого къ нему?

«Не говорите такъ: самому честному и вѣрному человѣку иногда надобны бываютъ деньги, пуще всякаго милосердія! Гуръ Пудычъ, какъ паукъ, сидитъ и

ждетъ. Приносятъ въ его конурку векселя, продаютъ, поплѣютъ крупными каплями, когда онъ считаетъ и учитываетъ, но дѣлать нѣчего! Вотъ этотъ вексель добрѣйшаго, небогатаго только человѣка — видно онъ у сердца Гура Пудыча лежалъ: смотрите, какъ онъ измятъ! Бѣдный должникъ нѣсколько лѣтъ не могъ выцарапаться изъ когтей Гура Пудыча, переходилъ изъ векселя въ вексель, и онъ сосалъ его, какъ добрый паукъ муху. Теперь дѣла должника поправляются, и Гуръ приготовилъ ему ужасное мщеніе. Какая безсовѣстность! Если-бы онъ еще надѣялся поживиться, то поберегъ-бы....

— Но что это за странное слово: *рекамбіо?* И скажите: чего такъ боятся *протеста*, вообще всѣ купцы? По дворянскимъ обязательствамъ, протестъ ни сколько не страшаетъ. Самой *подачи ко взысканію* опасаются только тогда, когда уже хотятъ стукнуть молоткомъ на аукціонѣ — а этого иной кредиторъ и умретъ не дождется.

«И у купца тоже, когда дошло до второй половины, то есть, когда, по Вене-

ціянской пословицѣ, купецъ *сѣлъ начерный калушекъ* (*) Тогда, хоть протестуй, хоть подавай — ему, какъ мертвому, все равно. Но пока живъ еще *Кредитъ* его, купецъ пренепцепъ протеста и подачи ко взысканію. Разница въ томъ, что дворянинъ беретъ подъ имѣніе, подъ залогъ, а купецъ *кредитуется*; то есть: у купца вѣрятъ воздушному существу, такъ, какъ воинъ за славу идетъ на битву, а Слава что? Дымъ! Вексель, поданный Маклеру—рѣжетъ Кредитъ. Кредитъ умеръ; Коммерческій Банкъ для купца занворился; денегъ онъ не увидитъ ни отъ кого, и многое, весьма многое надобно, чтобы стереть съ себя роковую царапину орла, подъ которымъ пишется протестъ векселя.

« Надобно еще вамъ знать, что протестовъ бываетъ два рода. Послѣ срока дается плательщику десять дней *граціи*, и въ десятый только день вексель протес-

(*) Древній обычай Венеціянскій. Должникъ садился, среди площади, на черный, нарочно приготовленный камень, и объявлялъ всему народу, что платить долговъ не можетъ.

шуется. Тогда кредиторъ имѣетъ право получить *рекамбіо*, особливые, довольно тяжелые проценты. Другой протестъ можно сдѣлать въ теченіе трехъ мѣсяцовъ послѣ срока, не позже однакожъ, ибо пропустивъ три мѣсяца, вексель — бѣлая бумага! Но съ этимъ вторымъ протестомъ, рекамбіо теряется.

— Что-жъ за выгода вашему Гуру драть рекамбіо, спараясь въ *десятый* день протестовать, когда онъ можетъ пропустить времени болѣе, и взять большіе проценты?

«А видно должникъ его такъ поправился, что отдаетъ ему деньги самъ, и въ другой разъ къ нему не придетъ. Ясстребиный взоръ ростовщика это примѣтилъ, и я увѣренъ, что должникъ ищетъ теперь его, чтобы заплатить деньги, но нигдѣ не находитъ. А между тѣмъ — еще нѣсколько часовъ, маленькая безсовѣстность съ моей стороны — не извѣстить я должника, что вексель у меня; маленькая неосторожность со стороны должника — попадѣйся онъ на совѣсть кредитора.... вексель протестованъ, поданъ ко

взысканію — кредитъ бѣдняка убитъ, и онъ опять въ лапахъ Гура Пудыча, или, по крайней мѣрѣ, ренегатство его отмщено, самымъ злымъ образомъ. А вотъ, кажется, я и угадалъ сущность дѣла!

Въ это время поспѣшно шелъ какой-то купецъ мимо конторы. Маклеръ мой выскочилъ за двери, кликалъ его, и звалъ къ себѣ.

— Что, батюшка? — сказалъ ему купецъ — говорите скорѣе, нѣкогда....

«Тише ѣдешь, дальше будешь.» Разговоръ ихъ былъ въ полголоса. «Куда бѣжишь?»

— Да что, признайтесь вамъ — срокъ векселю, но не найду нигдѣ моего кредитора: три раза, вчера и сегодня, былъ у него — ни дома, ни въ ряду — ну, словно сгибъ да пропалъ!

«Какъ-же ты не остороженъ! Ну, если махнутъ къ протесту? Вѣдь ужь поздно; сегодня не успѣешь уже взнести въ Правленіе, чтобы очистить себя *)....

*) При неявкѣ за платежемъ, должникъ можетъ взнести деньги въ срокъ въ присутственное мѣсто, и тогда ни за что не отвѣтствуетъ.

— Но совѣсть?—«Совѣсть! Вѣрь долгу, когда получишь, а ростовщику, когда заплатишь. На-ка!» Онъ вынялъ вексель.

Бѣднякъ поблѣднѣлъ. «Ахъ, Боже мой!» сказалъ онъ, развѣ мало онъ онъ меня попользовался! И когда у меня дѣлишки помаленьку идутъ на ладъ, онъ хотѣлъ меня зарѣзать!»

— Хорошо, что ко мнѣ попалось, а то нагрелся-бы ты. Считай-ка деньги, да бери вексель.

Поспѣшно отсчитывалъ купецъ деньжонки свои, поцѣловалъ вексель, какъ добраго друга, и спѣшилъ идти, обѣщаясь вѣкъ не забывать добра, ему сдѣланнаго.

Тогда-же распрощались съ моимъ Маклеромъ Аннинъ Іевлевичъ и товарищъ его. Они долго что-то считали, клали на счетахъ, и осыпали другъ друга разными привѣтствіями.

«Не подумайте,» сказалъ мнѣ мой пріятель, «чтобы эти два старика боялись обмана, и онъ того такъ долго считали и пересчитывали — нѣтъ! У хорошихъ купцовъ всегда такая привычка: кто не скоро считаетъ, тотъ скоро платитъ

— вотъ ихъ пословица. Кто беретъ безъ счета, тотъ подаетъ поводъ къ недовѣрію — говорятъ они.

«Франклиново правило! Но уже не рано; мнѣ пора домой.

— Довольны-ли вы утромъ вашимъ? спросилъ меня Маклеръ мой.

«Очень: оно прибавило мнѣ нѣсколько чертъ къ познанію сердца человѣческаго и характеристики Русскаго народа, разныхъ званій. Князь, Антипъ Іевлевичъ, Гуръ Пудычъ, Фока Фомичъ доказываютъ....

— Что Маклеръ долженъ быть честнымъ человѣкомъ, и не даромъ приобрѣтаютъ Маклера право быть счастливцами, какъ вы говорили....

«А вмѣстѣ съ тѣмъ, что описатели нравовъ могли-бы найдти много любопытнаго и безъ подьячихъ, и безъ судей, въ которыхъ, какъ въ добрую мишень, безпрерывно они стрѣляютъ....

— Видно, что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.... сказалъ мой пріятель.

«Правда, но для чего-же все бранить,

да бранишь? Въ разнообразіи Русскихъ обычаевъ многое и похвалить можно. Притомъ, желалъ-бы я не столько бранить, сколько научать другихъ....

— Кстати о наученіи. Вы видѣли сего дня Маклерскую Контору — верхнее отдѣленіе Кредитна.... Не хотите-ли вы заглянуть въ нижнее отдѣленіе — *адъ Кредита?...*

«Если вы будете моимъ путеводителемъ, готовъ!

— Я разумѣю здѣсь подъ названіемъ Кредитнаго Ада то состояніе, когда Кредитъ умретъ, и душу должника возьмутъ подъячіе и кредиторы. Словомъ: знаете-ли всѣ изгибы *конкурсовъ?*

«Почти ничего не знаю. Знаю только, что когда кто нибудь не въ состояніи платить, собираются всѣ заимодавцы, составляютъ *конкурсъ*, или мѣсто разбирательства, дѣлятъ, что достанется, и если должникъ раззорился безъ умысла, отпускаютъ его просто, обобравши какъ липочку, а если онъ не платитъ имъ съ злымъ намѣреніемъ, то предаютъ его суду, какъ бездѣльника.

— О! такъ вы ничего не знаете! Ваше описаніе похоже на то, что еслибы кто нибудь вздумалъ опредѣлять судебныя мѣста такимъ образомъ: «Мѣсто, гдѣ оправдываютъ праваго, и обвиняютъ виноватаго.» Основаніе, разумѣется, вездѣ доброе и хорошее, но люди, люди.... Выберите день, и я поведу васъ.... Ну, вы въ сорочкѣ родились: только что задумаешь, какъ желаемое является, будто лисицъ передъ травою! Видите-ли этого человѣка?

Мимо конторы шелъ старикъ, въ ветхой шляпѣ, въ сѣрой шинели съ цвѣтнымъ воротникомъ, впрочемъ, воротникъ былъ такъ засаленъ, что цвѣта его различить не было возможности; длинные, запачканные грязью, худо наваксенные сапоги, облекали ноги этого человѣка.

— Онъ походитъ на подьячаго — сказалъ я.

«Это не подъячій, а архивъ ходячій,» отвѣчалъ мнѣ мой пріятель. »Онъ давно въ отставкѣ, и теперь *ходитъ по дѣламъ*. Кстати, у меня перемежился народъ — пойдемъ-те немного позавтра-

кать и отдохнуть, а я заставлю этого чудака высказать вамъ множество диковинокъ, во все вамъ неизвѣстныхъ.

— Охотно, радъ.

Маклеръ мой взялъ шляпу, надѣлъ свою шинель. Мы вышли изъ конторы. «Лука Флоровичъ!» закричалъ онъ чудаку, который уже довольно далеко ушелъ.

Слыша призывъ, Лука Флоровичъ оборотился. Его большое, брюзглое лице, съ небритою бородою и краснымъ носомъ, представило намъ какую-то сатиру на улыбку. Онъ поплелся къ намъ.

— Здоровы-ли вы?

«Что мнѣ дѣется: Богу не надобенъ, а бѣсъ не беретъ!

— Куда вы?

«Да вотъ тутъ, бумажонку надобно начерчить. Вѣдь насъ, сами вѣдаете, зовутъ, какъ лѣкарей, когда здоровье разхлябается, такъ чтобы поправить, или на тотъ свѣтъ отправить....

— Не хотите-ль чашку кофе?

И, ну васъ съ кофеемъ! Развѣ выпить

водочки, да закусить; давно Адмиральскій часъ пробилъ....

— Пойдемъ-те съ нами.

«Отъ хлѣба-соли не отказываются.» Мы пошли.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

СИДОРА ПАНТЕЛЕЕВИЧА

БЫВАЛОВСКАГО,

КЪ

ЕГО СЫНУ.

ПИСЬМО

С. П. БЫВАЛОВСКАГО.

Хотя и многое говорилъ я тебѣ, мой любезный сынъ, приготовляя тебя къ разлукѣ со мною и съ отцовскимъ кровомъ, гдѣ донынѣ проводилъ ты безпечные дни, но все еще мнѣ кажется, что многаго не сказалъ я тебѣ. Родительское сердце мое болитъ, при мысли, что можетъ быть ты иное не такъ понялъ, иное не успѣлъ я тебѣ пересказать, иное не умѣлъ растолковать. Въ слѣдствіи сего, рѣшился я изложить тебѣ въ нѣсколькихъ письмахъ теорію жизни, теорію счастія, понятія о людяхъ, понятія объ обязанностяхъ человѣка. Читай, думай, самъ замѣчай, спрашивай у меня чего не понимаешь, и жить тебѣ будетъ легче, нежели мнѣ.

Я прошелъ сквозь огнь, воду и мѣдныя трубы, какъ говоритъ пословица. Ты

знаешь, что отъ отца не досталось мнѣ ни денегъ, ни воспитанія, ни надеждъ на будущее. Бросила меня судьба, какъ листочекъ на вѣтеръ, и носилъ меня этотъ вѣтеръ лѣтъ шестьдесятъ. Много я видѣлъ, много испытывалъ, бывалъ на конѣ и подъ конемъ. Ты въѣзжаешь въ міръ на конѣ, любезный сынъ: ты воспитанъ, образованъ, не дуренъ собою, у тебя есть запасъ отцовскій; я вошелъ въ міръ пѣшкомъ, т. е., у меня ничего не было, что ты имѣешь. Но, легко можетъ быть, что на ночлегъ придешь ты усталымъ пѣшеходомъ, а я, смѣю сказать, въѣхалъ на ночлегъ на тройкѣ лошадей, лихихъ, т. е: съ деньгами, съ именемъ умнаго и честнаго человѣка.

Не буду соблюдать порядка въ изложеніи моихъ мыслей, ибо пишу, что кажется мнѣ необходимо нужно знать тебѣ скорѣе. Предупреждаю тебя и въ томъ, что пишу къ тебѣ о настоящемъ, въ настоящемъ, и для настоящаго. Да, мой другъ, прежде отъ меня теорій счастія философическихъ, понятія о людяхъ эстетическаго — все это вздоръ, и главное:

не совѣтую тебѣ никогда въ такіе пустяки забиваться. Прочтии, посмотри, сообрази — все вздоръ, мой другъ! *Живи живой, тлѣй мертвый*, и пожалуй всего болѣе береги здоровою свою голову отъ этихъ пустяковъ. Перемѣнится свѣтъ, перемѣнятся люди, перемѣнимся и мы. Если-бы мы жили въ Аѳинахъ, я говорилъ-бы не то, что теперь; въ Римѣ опять не то; въ Версали, при Людовикѣ XIV-мъ, еще другое; въ Сенъ-Клу, при Наполеонѣ — новая перемѣна была-бы въ моихъ наставленіяхъ. На вопросъ твой о томъ: неуже-ли нѣтъ *общихъ, непремѣнныхъ* законовъ для жизни и счастія? я уже объяснялъ тебѣ прежде, что люди ихъ ищутъ, подозрѣваютъ что они есть, но не сыскали еще донынѣ. Спроси Китайца, Турка, Француза, Испанца, Индійца о важнѣйшихъ истинахъ: всякій несетъ свое; а кто изъ нихъ правъ? Богъ знаетъ! Есть нѣсколько правилъ, но какъ-бы тебѣ сказать объ нихъ.... объясню примѣромъ. Въ Архитектурѣ существуютъ правила неизмѣнныя, да какія? Ватерпасъ, линейка, счисленіе. Когда счи-

шаютъ углы, когда мѣряютъ прямую линію, когда чертятъ кругъ, когда вычисляютъ матеріялы — одинаково все это дѣлали и въ Греціи, и въ Римѣ, и Китайцы, Готѳы, Рускіе дѣлали все это одинаково. Взгляни-же, *какъ* и *для чего* это дѣлается, сообрази зданіе Римское, Готическое, Русское, и скажи: гдѣ дѣвались въ нихъ основныя правила? Отъ чего Китаецъ пришелъ-бы въ ужасъ, что дѣлаетъ Италіянецъ, который смѣется надъ Версальскими крючьками, а Готѳъ, сооружая свое угловатое, тесное, съ тонкими столбиками зданіе, конечно смѣялся надъ огромными колоннами Италіянца. Увѣрься-же, что надобно жить только *для настоящаго*, и къ настоящему примѣнять все.

Я не совѣтую тебѣ быть порочнымъ человѣкомъ для достиженія цѣли — это скучно; не совѣтую не щадить жизни ближняго — это глупо, ибо, въ слѣдствіе такого правила, сегодня ты зарѣжешь, а завтра тебя самаго могутъ зарѣзать; не совѣтую лгать — потому, что не

станутъ тебѣ вѣрить. Но, довольно объ этомъ.

Знай, что ты вступаешь въ міръ, гдѣ встрѣтишь много исключеній и неправильностей, но они не составляютъ *всего, цѣлаго, общаго.* Ты долженъ стремиться къ *цѣлому, общему, всему,* оставляя частности; ты долженъ быть тѣмъ, что *всѣ суть.* Это во-первыхъ потому, что вѣрнѣе полагать истиннымъ, что всѣми признано за такое. Примутъ всѣ, и ты прими, не принимаютъ, и — Боже тебя сохрани принять! Поступая такъ, ты никогда не будешь одураченъ, ибо если всѣ въ дуракахъ, то не позволятъ себѣ сказать этого одному не-дураку, а если и сознаются, то тихомолкомъ. Во вторыхъ, за маленькое удовлетвореніе честолюбія, что ты знающѣе, умнѣе, проницательнѣе другихъ — бываетъ дорога расстлана. Люди страхъ какъ не любятъ, когда чья нибудь головка торчитъ изъ толпы, и если по крику ихъ эта головка не сравнивается съ другими, ее тянутъ за виски, со всѣхъ сторонъ, и при-

гибаютъ, или отрываютъ ее, когда она пригнуться не хочетъ.

Что-же составляетъ нынѣ общій характеръ людей нашего времени, людей *настоящаго* и *настоящихъ*? Задача нелегкая!

Мнѣ кажется, что я означилъ-бы характеръ настоящаго *безпристрастною холодностью.* Нынѣ никто о другомъ не думаетъ, а всякій о себѣ: всѣ живутъ изъ дня въ день; это куча песку, разсыпанная по аллеѣ прекраснаго сада. Немногіе ходятъ по этому песку, тѣ, которымъ позволено ходить; но тебѣ не суждено быть въ числѣ немногихъ, и такъ воображай себя песчинкою, и если тебѣ удалось лежать подлѣ красика, подъ тѣнью цвѣточка, который расцвѣтъ на ближнемъ газонѣ.... прекрасно: лежи и будь доволенъ. Знаю, что въ твоей головѣ, не смотря на мои наставленія, все еще остались мечты о славѣ, о порывахъ безкорыстной добродѣтели, обязанности жертвовать всѣмъ для блага другихъ, но это суцціе пустяки! Можетъ быть, ты встрѣтишь иначе думающихъ, встрѣ-

шинь ихъ и немало, горячихъ, безпокойныхъ головъ.... Ради Бога далѣе отъ нихъ.

Что за радость, мой другъ, быть вѣчно мальчишкою, напримѣръ: *поэтомъ?* Бьется, хлопочетъ изъ пустяковъ, ломаетъ голову, бѣснится за критики, воображаетъ людей, то ангелами, то бѣсами, когда они ни то, ни другое, а просто люди; плачетъ отъ того, что дѣвчонка какая нибудь вздернула передъ нимъ носикъ, и предпочла его поэтическіе вздохи существеннымъ достоинствамъ гусара! Есть еще люди — *дѣловые чудаки*, которые, съ мечтою о благѣ себѣ подобныхъ, работаютъ за семерыхъ, съ глупымъ безкорыстіемъ отвергаютъ всѣ случаи быть себѣ полезными, и набиваются другимъ съ своею услугою изъ одного желанія пособить ближнему. Третій родъ чудаковъ — *мечтатели*, которые хотятъ учить и преобразовывать другихъ, толкаются вездѣ съ совѣтами, съ проэктами, съ улучшеніями. Но я не исчислилъ-бы въ три дня, еслибы сталъ всѣхъ исчислять. Скажу одно: все это исключе-

нія, а не цѣлое, не общее. Тебѣ надобно держаться противнаго.

Живи такъ, чтобы зла не дѣлать, но добра желать себѣ одному: это не порокъ, когда всѣ такъ поступаютъ, и въ этомъ я тебя увѣряю. Будь рѣшительно холоденъ, безпристрастенъ и безстрастенъ ко всему: *ничему не дивиться*, да будетъ твое правило. Люди такъ къ этому привыкли, что если станешь ты имъ разсказывать о какомъ нибудь подвигѣ самоотверженія, то всякій тотчасъ начинаетъ разыскивать: »Чтобы могло къ этому побудить? Какой разсчетъ имѣлъ человѣкъ, дѣлая то или другое?« Взгляни на забавы нынѣшнія: люди, какъ будто совѣстятся показать, что они хоть на минуту забылись. Танцованье походитъ на прогулку усталыхъ; бальные разговоры на собраніе эпиграммъ; хозяинъ на скучающаго трактирщика; гости на людей, которые говорятъ: »Корми и угощай насъ хорошенько; мы, въ свою очередь, тебя также накормимъ и угостимъ.« Все сливаютъ теперь подъ одинъ уровень, все въ условіяхъ, въ при

личіяхъ, и не смѣшонъ только тотъ, кто не отстаетъ отъ другихъ.

Это произвело важныя слѣдствія: уравнивая все, уравняли и пороки съ добродѣтелями, и такъ сгладили, что ихъ стало трудно отличать. Теперь нѣтъ явно порочныхъ, нѣтъ развратныхъ, потому, что такіе люди показывали-бы собою людей, забывающихъ самихъ себя, а люди нынѣшніе всегда и вездѣ себя помнятъ, и только себя: Я—вотъ единственный идолъ, передъ которымъ каждый преклоняетъ колѣна. Не диво нынѣ слышать, что когда уговариваютъ кого либо на какое нибудь дѣло, хотя-бы самое похвальное, то онъ отвѣчаетъ: »Я что за выскочка? Къ чему мнѣ оскорблять самолюбіе другихъ!«

Въ слѣдствіе сего, мой другъ, вотъ какія долженъ ты имѣть понятія о важнѣйшихъ предметахъ:

Ты самъ. Главное и первое лицо, котораго всѣ дѣла и слова должны имѣть цѣлью самаго себя. Знай, что всѣ такъ думаютъ, и если ты о себѣ думать не будешь, то никто другой о тебѣ не подумаетъ. Знай, что у людей, если они

не видятъ личной выгоды, не выпросишь снѣгу зимою. Не вѣрь никому, ибо никто и ничего безъ цѣли не дѣлаетъ, а цѣль каждаго онъ самъ.

Другіе люди. Средства для твоего благополучія, куклы, которыя то увеселяютъ тебя, то кормятъ, и которыхъ ты, какъ ловкій механикъ, долженъ заставлять плясать, но — помни: скрывшись за кулисы. Когда каждый о себѣ только думаетъ, то у каждаго должно быть самолюбіе безъ границъ, и оскорбленіе самолюбія чужаго никогда не прощается. Берегись этого, какъ огня. Въ тоже время знай, что людское самолюбіе не оскорбляется никакою грубою похвалою, никакимъ угожденіемъ ему. Если ты дозволилъ человѣку проговорить часъ, и самъ ничего не говорилъ, а только подпакивалъ, вѣрь, что этотъ человѣкъ разстанется съ тобою, какъ съ краснорѣчивымъ говоруномъ. Не совѣтую даже идти самому впереди ни въ какомъ дѣлѣ: пускай другихъ. Если ты доставилъ средство другому выказать его умъ и ловкость, давъ искуснымъ образомъ знать,

что ты уступилъ ему — ты не будешь въ проигрышѣ: дѣло сдѣлается, и ты свое возьмешь, будучи въ то-же время безопасенъ отъ неудачи. Только смотри, чтобы тебя не забыли. Если ты видишь, что другому дѣлаютъ зло, молчи: не твое дѣло. Причинъ къ этому множество: 1-е, всего зла тебѣ не отвратишь. Что капля въ морѣ? 2-е, можетъ случиться, что обиженный помирится съ обидчикомъ, и тогда не будетъ у тебя врага злѣе, ибо ты открылъ, что онъ былъ слабъ, или глупъ; 3-е, услуживъ одному, ты обидишь другаго, а у всякаго всегда есть середства мстить, всегда сыщутся и помощники; 4-е всякій посторонній на тебя поглядитъ косо, ибо — сегодня чередъ Сидора, а завтра Петра. Зло, такая обыкновенная вещь, что его всѣ дѣлаютъ. Когда ты остановилъ Сидора, Петръ будетъ ждать, что ты на него наскочишь. Обыкновенное нынѣ названіе для людей, которые мѣшаются не въ свое дѣло: *безпокойный человѣкъ*, и это названіе хуже всякаго. Если люди станутъ тебя называть: хитрецъ, плутъ — ни-

гего; но *безпокойнаго* всякій боится. Притомъ, чтобы ты ни дѣлалъ одному, если ты ласковъ къ другимъ, то тебя будутъ называть только ловкимъ, добрымъ малымъ. Я видалъ самыхъ добродѣтельныхъ людей, которые, участвуя въ зломъ дѣлѣ, говорили: »Это общее злоупотребленіе: если я не буду дѣлать, другіе »сдѣлаютъ; зачѣмъ-же мнѣ не пользоваться?«

Женщины. Если я сказалъ, что другихъ долженъ ты почитать куклами, то разумѣлъ подъ симъ мужчинъ; но я говорилъ въ смыслѣ переносномъ. Ошибаются тѣ, которые почитаютъ мужчинъ демонами и ангелами; но женщины въ прямомъ смыслѣ куклы. Въ этомъ всѣ согласились, и — даже сами женщины. Посмотри на ихъ воспитаніе, ихъ жизнь, ихъ дѣла и слова. Въ пансіонахъ это—подвижныя машинки, которыхъ учатъ болтать по нѣскольку словъ на нѣсколькихъ языкахъ, выучивать наизусть по нѣскольку нотъ; потомъ завиваютъ имъ волосы и пускаютъ бѣдныхъ куколокъ прыгать по паркетамъ, а когда онѣ попрыгаютъ

нѣсколько лѣтъ, отдаютъ ихъ за мужъ. Тутъ называютъ ихъ *женами*, и мужья обязаны покупать имъ разные цвѣтные лоскутки и блестящія бездѣлки. Наконецъ, какъ всякая обветшалая кукла бываетъ заброшена куда нибудь, обветшалыхъ женъ забрасываютъ въ дѣтскія и въ кухни, гдѣ онѣ няньчатъ дѣтей и смотрятъ за домашнимъ расходомъ; не то—отводятъ имъ мѣсто въ гостиной, гдѣ онѣ плетутъ сплетни и раскладываютъ гранъ-пасьянсъ, принимаютъ гостей и кусаются между собою.

Такъ, и отнюдь не иначе, долженъ ты смотрѣть на женщинъ, мой любезный другъ! Я не одобряю тѣхъ людей, которые употребляютъ ихъ, какъ орудіе, для достиженія какой либо посторонней цѣли. Самая ловкая женщина бываетъ въ тягость, когда ее впутаешь въ дѣла. Онѣ такъ близоруки, такъ мѣлочны, такъ легкомысленны, что не стоитъ труда, какой надобно принимать, чтобы хоть сколько нибудь сравнять ихъ съ собою. Одно изъ главныхъ: онѣ не умѣютъ хранить тайны, и когда что

нибудь запало въ умъ женщинѣ, то легко можно замѣтить это необыкновенное дѣло. Всего вѣрнѣе вывѣдать у женщины тайну, показывая, что ты не хочешь знать этой тайны. Тогда раздраженное самолюбіе женское отмститъ тебѣ, высказавъ все, и зажжетъ свой домъ, чтобы у тебя сгорѣла конюшня.

Жизнь. Объяснивъ тебѣ три важныя предмета, думаю, что ты уже самъ поймешь, что такое Жизнь. Нынѣ цѣлью человѣка образованнаго должна быть не самая жизнь, но *средства жизни.* Живутъ для того, чтобъ быть спокойными, богатыми, чиновными, веселыми, а не для того, чтобы жить. Это покажутъ тебѣ всѣ отношенія человѣческія. Такъ нынѣ не думаютъ о томъ, *какъ* кто пріобрѣлъ что нибудь; довольно что *пріобрѣтено*— о прошедшемъ, о средствахъ не спрашивай. Будь богатъ, и смѣйся открыто надъ чѣмъ хочешь; будь чиновенъ, и все будетъ молчать передъ тобою. Какъ одно мое положеніе доказывалъ я балами нынѣшними, такъ это докажу общественными связями и обѣдами. Если жизнь дол-

жна быть нашею цѣлью, то удовольствіе и польза должны быть цѣлью знакомствъ и сближеній—но этого не ищи нигдѣ. Знакомятся люди такъ, Богъ знаетъ для чего; ѣздятъ другъ къ другу скучать; собираются другъ къ другу играть въ карты, и—скучать. А визиты, поздравленія, тщательное соблюденіе именинъ, родинъ, крестинъ, гдѣ всякій напередъ, рѣшительно знаетъ, что истины нѣтъ, участія не бывало, надъ чѣмъ каждый смѣется: какъ тебѣ это кажется? Соблюдай однакожъ все сіе строго, хотя и не надѣйся ни на кого, не люби ни кого — все это средства для жизни. Жизнь есть обязанность продышать нѣсколько лѣтъ. Продыши-же эти годы сколько можешь удобнѣе, и думай не о томъ, для чего ты живешь, но о средствахъ удобнѣе прожить. Жизнь похожа нынѣ на Турецкую шаль: прекрасные узоры съ одной стороны; путаница нитокъ и безобразіе съ другой. Эту другую сторону люди тщательно скрываютъ отъ себя и отъ другихъ, и только хотятъ, чтобы другіе видѣли, какъ *тонка* ткань ихъ шали.

Средства. Если средства составляютъ жизнь, то для нихъ и должно жить. Не покажется-ли тебѣ это непонятно? Ты осуждаешь жаднаго скупаго, ненасытнаго честолюбца, писаку дурнаго и неутомимаго. Но они берутъ слишкомъ частную сторону: будь они общѣе—это примѣръ совершенства! Твоя цѣль должна быть *все*, и — *ничего съ излишкомъ.* Не употребляй во зло счастія ближняго, но пользуйся каждымъ зломъ своего ближняго, только искусно, храня честь и совѣсть. Если ты разсудишь объ этомъ, то согласиться безъ затрудненія. Грѣшно-ли грабить ближняго? Грѣшно! Грѣшно-ли прижать его въ нуждѣ? Нимало, ибо ты беретъ съ лица: онъ воленъ или, поддаться тебѣ, или издохнуть. Впрочемъ, зла никогда дѣлать не должно, а пользоваться имъ.... дуракъ ты будешь, если упустишь случай сдѣлать *себѣ добро!* Повѣрь, что другіе не будутъ глухами при первомъ случаѣ съ тобою. Это *круговая порука.* Жизнь дѣлится на пріобрѣтеніе и наслажденіе пріобрѣтеннымъ. Когда ты пріобрѣлъ, то позволяется тебѣ упо-

ребить частицу и на наслажденіе, такъ какъ богачу, который имѣетъ капиталъ, можно проматывать проценты. Но если вы спросите у философа какого, то онъ тебѣ докажетъ, что только пріобрѣтеніе и есть наслажденіе, и когда человѣкъ пріобрѣлъ, то уже не удовлетворяется, и стремится вновь пріобрѣтать, а между тѣмъ—*приходитъ смерть, и конченъ балъ!*

Фонтенель говаривалъ, что имѣвши полную горсть истинъ, онъ не выпустилъ-бы ни одной. Многіе, прочитавъ это письмо, скажутъ, что я бездушный эгоистъ, что я холожу себя, что готовлю изъ себя чудовище: такъ скажутъ неискренніе. Другіе промолзятъ только, что я поступаю противно мнѣнію Фонтенеля: вдругъ выпускаю всѣ истины, которыя собралъ въ шестьдесятъ лѣтъ — это будетъ искреннее признаніе. Но я говорю сыну, человѣку, которому желаю добра. Вѣрь, что нынѣ вообще всѣ такъ думаютъ, какъ я, только не сознаются въ этомъ никогда, можетъ быть, даже и самимъ себѣ. Береги мои совѣты для себя, и я ручаюсь, что собственная опы-

тность подтвердишь тебѣ ихъ. Впрочемъ, виноватъ-ли я, что показываю тебѣ людей безъ маски? Пусть они перемѣнятся, и я первый скажу тебѣ: перемѣнись поскорѣе! Можетъ быть тогда будетъ лучше? Тѣмъ лучше.

На первый разъ довольно. Въ слѣдующемъ письмѣ войду въ подробности, и изъ общихъ правилъ выведу тебѣ правила обхожденія, поступковъ, дѣлъ и словъ.

Знаю, что каждому человѣку, непремѣнно, надобно перенесть въ жизни горячку, оспу и корь. Думаю, что ты не убѣжишь отъ горячки молодости; что люди привьютъ тебѣ оспу развращенія отъ нихъ, а судьба непремѣнно и на твою долю пригоновила корь бѣдствій и неудовольствій. Почти-же меня искуснымъ медикомъ, который хочетъ предварительно пригоновить тебя къ перенесенію неминуемыхъ болѣзней.

Твой всегда, и проч.

ПЕРВЫЙ

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ЗАМѢТОКЪ СТАРИКА.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ЗАМѢТОКЪ СТАРИКА.

. . . . Бываютъ у меня иногда такіе дни, что замѣтки мои составляютъ цѣлыя тетради. Дивлюсь, сильна жалобы многихъ литераторовъ, что имъ *ничего писать!* Мнѣ кажется, была-бы только охота, а съ нею цѣлый міръ можно преобразить въ буквы. Что я за философъ и за наблюдатель? Замѣчаю, что встрѣчается мнѣ въ моей жизни; а много-ли встрѣтить, живя, какъ я живу: почти всегда дома, имѣя пять шести знакомыхъ, и никогда не бывая въ большомъ свѣтѣ, никогда не занимаясь важными дѣлами? Вѣрю доброму Лафонтену, который жилъ съ пѣтухомъ и кошкомъ, и не принимался писать записокъ о своей жизни, потому, что отчаявался описать ее подроб-

но, а кратко не хотѣлъ, боясь пропустить *важныя* и *любопытныя* черты. У меня дописывается теперь XVI-й томъ моего Дневника, или моихъ Замѣтокъ; въ каждомъ томѣ по 200 слишкомъ листовъ, и всѣ исписаны мѣлко. А сколько времени писалъ я ихъ? Только 6 лѣтъ! Что составляетъ содержаніе ихъ? Предметъ неистощимый: Я самъ—*человѣкъ!* И потому, кажется, не ошибусь я, сказавши, что во мнѣ бьется содержаніе безчисленнаго количества томовъ, которые *написать* не достанетъ моей жизни....

Вчера, только что допилъ я послѣднюю чашку чаю, Нѣмецъ сапожникъ принесъ ко мнѣ сапоги. «Какой предметъ для размышленія!» думалъ я, смотря на эту закрышку ногъ. «Хотите-ли углубиться въ изслѣдованія Статистическія и Историческія? Сообразите только: изъ чего сдѣланы ваши сапоги? гдѣ добытъ матеріялъ? Тутъ — кожа, верва, вакса, сафьянъ, поведутъ васъ въ Арзамасъ, Малороссію, на Ледовитое море, въ Казань. Сколько мыслей и воспоминаній! Арзамасъ

— славные гуси шамошніе; Малороссія — Казаки, Богданъ Хмельницкій, Мазепа, сборъ пеньки, торговля, браковщики, польза и невыгоды браковки; Ледовитое море — Боже мой! я подъ полюсомъ: Англичане открываютъ Россію; вотъ Врангель, окруженъ снѣгами и полыньями; вотъ моржъ, убитый для составленія моей ваксы! А мамантъ? А до потопныя животныя, которыхъ Филанъ мой преспокойно расширяетъ щеткою на моихъ сапогахъ? Отправляюсь въ Казань, гдѣ потомки Чингисъ-Хана, забывъ мечи предковъ, выдѣлываютъ сафьянъ.... Если еще дать волю послѣдованію мыслей моихъ, если отъ *гусей* Арзамасскихъ перейдти къ ихъ *перьямъ*, отъ перьевъ къ *писателямъ*, отъ писателей къ *литтературѣ*, отъ литтературы.... А исторія сапоговъ, отъ изобрѣтенія сандалій до Оттоманскихъ туфлей, и до башмачковъ нашихъ дамъ? А революція въ *новѣйшей исторіи сапоговъ*: сапоги съ отворотами, съ фигурами, съ рантомъ, остроносые, тупоносые.... Голова моя кружится отъ обилія предметовъ!...

— Извольте, сударь, крючки, говоритъ мнѣ мой Филатъ.

«Крючки!» повторилъ я, все еще не выходя изъ своей задумчивости. »Кто не говоритъ о нихъ на бѣломъ свѣтѣ? Человѣкъ родится, и вотъ ему, бѣдняжкѣ, со всѣхъ сторонъ начинаютъ повторять слова моего Филата. «Извольте, сударь, *крючки!*» говоритъ учитель, поднося къ его носу листочки, на которыхъ тиснуто безчисленное множество разнообразныхъ крючковъ. Сколько изворочен-ныхъ, искривленныхъ знаковъ этихъ начерчено, отъ изобрѣтенія крючковъ, называемыхъ *буквами;* сколько *скрючено* всякой всячины въ горахъ книгъ, исполненныхъ *крючками* всякаго рода! О Вольтеръ, Вольтеръ! О крючекъ, брошенный бѣсомъ на бѣдный нашъ умъ! О подъячіе, подъячіе! крючки, закинутые на карманъ нашъ, этотъ пластырь которымъ люди закрываютъ больное сердце! А крючки другаго рода? Крючки, которыми цѣпляются за насъ голубые и черные глаза? Сорокъ лѣтъ прошло, а они не забыты еще мною! И когда старость сгиба-

ешъ бѣдную мою спину въ крючекъ, я все еще помню, какъ въ присутствіи сердитой бабушки и стараго моего соперника, я закидывалъ бывало словцо — такъ, маленькій крючекъ, который попадалъ вдругъ въ сердце задумчивой Лизы, въ глаза моему сопернику, и въ голову ворчливой старухи-бабушки. . . .

Между тѣмъ, Филатъ мой смотрѣлъ на меня, не говоря ни слова. «Ну! Филатъ,» сказалъ я, «что-же?»

— Да ничего, сударь! Вы изволите думать, а я самъ думалъ, чтобы такое могло занять васъ въ эту минуту?

«И ты угадываешь, мой другъ, о чемъ я думалъ?»

— Главное, сударь, конечно, угадываю.

«Напримѣръ. . . .

— Напримѣръ, сударь, что вы изволили недалеко носиться вашими мыслями. . . .

«Почему-же ты такъ полагаешь?

— Моя, сударь, примѣта, когда вы изволите думать о чемъ нибудь большомъ, то изволите поднимать глаза къ небу, и ходить по комнатѣ большими шагами...

«Ты правъ, но вмѣстѣ и ошибся, мой добрякъ, мой старикъ!« ворчалъ я про себя. »Такъ, правда, не полетятъ высокія думы въ душу, когда человѣку не даютъ шагать большими шагами, когда онъ не смѣетъ устремить глазъ, этихъ солнцевъ его маленькаго міра, выше земли, туда, гдѣ онъ бываетъ только мысліо! Но мои мысли о крючкахъ заводили меня однакожъ далеко, и вы не угадалъ....

Филатъ продолжалъ спокойно: «А теперь, сударь, вы изволили глядѣть въ землю, вотъ на эти крючки.... тутъ не раздумаешься о важныхъ вещахъ!»

— Предметъ ничтожный родитъ великія думы, роитъ ихъ, какъ пчелъ, и питаетъ умъ медомъ мудрости — хотѣлъ я сказать Филату, по образцу старинныхъ моихъ уроковъ Риторики, и величественно поднялъ мой указательный палецъ, такъ, что линія, проведенная отъ моего носа къ пальцу, составляла прямую горизонтальную линію. Но. . . .

Какъ часто высокія помышленія наши прерываются земными ничтожествами! Какъ часто поэтическая, высокая мысль

исчезаетъ, отъ того, что жена поэта входитъ и громко произноситъ: «Другъ мой! дай денегъ на сухари къ кофе!» Какъ часто божественное чувство любви готово излиться въ пламенныхъ рѣчахъ, и отъ того только не изливается, что едва любовникъ расиворитъ ротъ, мимо его зажужжитъ муха, и вмѣсто поэтическихъ рѣчей о любви, у пылкаго обожателя вылетаютъ слова: «Нелегкая занесла тебя!...»

Такъ случилось и со мною. Едва только поднялъ я палецъ, едва хотѣлъ познакомить моего Филата съ философскою идеею, что въ мірѣ нѣтъ собственно ни великаго, ни малаго *трансцендентально*, но все велико и мало по отношеніямъ, которыя иворитъ человѣкъ въ окружающемъ его, слѣдственно, сапоги и крючки могли меня возвысить къ идеямъ болѣе великимъ, нежели тѣ, коими одушевляется какой нибудь поэтъ, размахнувъ на листѣ бумаги громко-скучное слово: Ода.... Вдругъ —

Здѣсь прошу я угадать, и бьюсь на сто противъ одного, никто не угадаетъ, что низвергло меня съ высоты философ-

скихъ идей въ бѣдную существенность. Человѣкъ, человѣкъ! твореніе, смѣшанное изъ глины и лучей солнца, смѣшное, если поставишь тебя вверхъ ногами и заставишь голову твою касаться земли, а земныхъ спутниковъ твоихъ, ноги твои, быть на мѣстѣ головы! Поднявши голову на три фута отъ земли, ты думаешь обладать природою, и черезъ минуту гнешь знаменіе твоего величія, голову, къ землѣ, и передъ кѣмъ!... передъ нѣсколькими блестящими камешками.... И передъ чѣмъ, лучше сказать, не склоняешься ты челомъ своимъ? Станемъ исчислять: передъ нянькою; передъ указкою учителя; передъ маленькими ручками и ножками дѣвчонки; передъ непонятнымъ вздоромъ педанта; передъ.... Довольно! и я заплатилъ дань Человѣчеству! Кто не платитъ ея: Наполеону подъ Ватерлоо захотѣлось ѣсть; Платонъ перервалъ свою бесѣду о безсмертіи души: ему захотѣлось пить.... Я заплатилъ дань самымъ унизительнымъ образомъ: склонилъ чело свое къ землѣ, и всѣ высокія мысли вылетѣли изъ моего лба, отъ чувства

физической боли. Просто: я упалъ, стукнулся лбомъ о полъ, и получилъ — шишку. . . .

Какъ, отъ чего это сдѣлалось? Боже мой! Сколько разъ люди повторяли до меня, и будутъ повторять послѣ меня этотъ вопросъ! Многіе хотятъ нынѣ уже совершенно бросить его, и только спрашивать: *точно-ли* это сдѣлалось? Заглянуть въ Исторіи новыхъ писателей. Они отказываются разрѣшать вамъ вопросы: *какъ* и *отъ чего*, а хотятъ только говорить: *точно-ли такъ*, и *для чего* было то и другое! — Я поскользнулся; какъ? не понимаю! Отъ чего? еще меньше знаю—но я точно поскользнулся. Для чего? Для того, думаю, чтобы упасть и получить шишку на лбу.

Чѣмъ неожиданнѣе, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе! За минуту—я, бодрый, смѣлый, твердый, величественно поднималъ руку, разсуждалъ, леталъ мыслію Богъ знаетъ гдѣ, и вдругъ—я на землѣ, охаю, силюсь встать—

Le masque tombe; l'homme reste;
Et le héros s'évanouit!..

Громкое: *Ахъ!* жалостнымъ выраженіемъ

походившее на *охъ*, и заключавшее въ себѣ, въ то-же время укоризненное: *эхъ* — вылетѣло изъ устъ моего Филана, перешло изъ времени въ пространство, и исчезло въ смѣси азота и оксигена, которую мы называемъ воздухомъ. Воцарилось глубокое молчаніе: Филанъ подымалъ меня. Нѣмецъ сапожникъ стоялъ подлѣ столика, неподвижно, молча, даже не разинувъ отъ изумленія рта, какъ дѣлаемъ мы, Русскіе, не насвистывая пѣсни, какъ Французъ, не улыбнувшись коварно, какъ Итальянецъ, не сказавши чего нибудь въ родѣ *годдема*, какъ Англичанинъ.

Что-жъ за бѣда упасть? думалъ я, садясь въ кресла свои. Во-*первыхъ*, я упалъ самъ: меня никто *не роняль!* (тутъ горделиво поглядѣлъ я вокругъ себя) Во-*вторыхъ*, кто видѣлъ, что я упалъ? Никто, кромѣ моего Филана и этого Нѣмца. Но это все равно, что никто не видалъ моего паденія: *разсказывать* не дѣло Нѣмца. Такъ-ли падаютъ! Съ горестнымъ сознаніемъ собственныхъ силъ, отъ соединенныхъ усилій пигмеевъ, которыхъ не уважали, съ которыми стыдились боротъ-

ся, падаютъ на виду, парадно, и съ такимъ шумомъ, среди такого величія, что уже не боль досадна бываетъ, но единственно мысль: « Я *упалъ*, и *какъ* упалъ! »

— Сапоги ваши прекрасны! — сказалъ я Нѣмцу, надѣвъ ихъ поспѣшно, и похаживая по комнатѣ. Тутъ вмѣшивалось маленькое честолюбіе. Смотрите: (хотѣлъ я выразить моимъ хожденіемъ): въ сапогахъ, съ новыми, необтертыми подошвами, я хожу смѣло и бодро, и не страшусь упасть!

Люблю уваженіе къ самому себѣ во всякомъ человѣкѣ, люблю, ибо думаю, что уваженіе къ самому себѣ есть порука всего хорошаго. Отъ уваженія къ самому себѣ происходитъ уваженіе и къ нашему занятію; отъ уваженія къ нашему занятію стараніе сдѣлать, какъ возможно, лучше, то, что мы дѣлаемъ, чѣмъ мы занимаемся. Въ этомъ случаѣ Нѣмцы примѣръ намъ, Рускимъ. Посмотрите на Нѣмца ремесленника. Онъ сапожникъ, каретникъ, сѣдѣльникъ, пекарь, поваръ. Взгляните, съ какимъ почтеніемъ приступаетъ онъ къ орудію своего занятія: шилу,

пилѣ, кожѣ, стамку, кастрюлѣ. Истинный поэтъ! Онъ забылъ о барышѣ, о деньгахъ, о заказѣ; онъ мыслитъ только о томъ, какъ сдѣлать лучше, и съ какимъ восторгомъ смотритъ онъ потомъ на свое произведеніе: свѣтлые, прекрасные сапоги, лакированныя колеса, блестящую бѣлизну костяной фигурки, или ароматные котлеты! Это *его* созданіе; *тутъ его* умъ, *его* воображеніе трудились, работали!... Давайте Нѣмцу второе, чтобы онъ сдѣлалъ *скорѣе* и *лучше!* Словъ: schneller, besser (*скорѣе, лучше*) Нѣмецъ-ремесленникъ не знаетъ. Съ математическою точностью сообразивъ, смѣрявъ, повѣривъ, онъ говоритъ вамъ; «*Черезъ двѣ недѣли будетъ готовъ!*» — Не льзя-ли скорѣе? — Онъ улыбается, и отвѣчаетъ: Nein! ich kann nicht! — Пожалуйте поскорѣе! — Повтореніе одного: Nein! — По крайней мѣрѣ, получите. — «Нѣтъ! не могу!» — Положимъ, что вы разсердились на однообразныя повторенія: *нѣтъ, не могу*, бросили Нѣмца, и приходите къ Рускому. «Скоро-ли сдѣлаешь?» спрашиваете вы его. Посмотрѣвъ на кучу захваченной работы, онъ, съ недоумѣ-

нѣмъ, пожимается, и спрашиваетъ васъ: «Да когда, сударь, *вамъ* надобно? — Повѣрьте, что если вы скажете ему: *завтра*, то получите отвѣтъ: «Развѣ *завтра къ вечеру*, извольте!» — На просьбу: сдѣлать получше, онъ скажетъ вамъ: «Извольте только хорошо заплатить; самое лучшее получите!« И вотъ, *не завтра*, а *черезъ два дня*, готово. Мѣряете, смотрите — никуда не годится! Тутъ Русскій умъ начнетъ работать. «Сапоги тѣсны!» — О! сударь, позвольте, я потяну, расколочу; вѣдь они еще разносятся! — «Сапоги велики!» — Эхъ! сударь, вѣдь они еще сядутъ; съ запасцомъ жить лучше; пусть лучше сапожная кожа трется, нежели ваша!» — Начинается, обыкновенно, торгъ. Что взялъ, то и ладно; никакого восторга, никакого умиленія при взглядѣ на свое твореніе. А Нѣмецъ — вы обидите его, съ неуваженіемъ обходясь съ его издѣльемъ....

«Сапоги ваши прекрасны!» повторилъ я еще моему Нѣмцу.

Взоръ *мыслящаго ремесленника* (denkender Handwerker) прояснился; флегматичес-

кое лице его оживила улыбка. «Я былъ увѣренъ въ этомъ!» сказалъ онъ мнѣ.

— О! это уже слишкомъ самонадѣянно—отвѣчалъ я.

«Нимало. Самонадѣянностью-ли, когда математикъ предсказываетъ вамъ солнечное затмѣніе....

— Но, онъ затмѣнія до вашихъ сапоговъ....

«Не можетъ быть перехода, не можетъ быть сравненія? Сомнѣніе, которое замѣтилъ я на лицѣ вашемъ, оскорбляетъ человѣка, философически смотрящаго на предметъ своихъ занятій, а я таковъ, М. Г.— Нѣтъ ничего на свѣтѣ, изъ чего не можно-бъ было вывести великихъ и важныхъ истинъ, изъ чего не могъ-бы человѣкъ поучаться весьма многому....

Отборныя слова, теплое добродушіе и холодный умъ, съ которыми выражался мой Нѣмецъ, его важное лице — все восхитило меня. Заикаясь промолвилъ я, что конечно и изъ сапоговъ можно вывесть многое, напримѣръ, касательно изящества человѣческихъ ногъ, о чемъ и Апеллесъ спрашивался сапожника....

— О нѣтъ! возразилъ мой Нѣмецъ. Изящество ногъ не касается моего занятія; я обращаю все къ нему: для него только изучаю Человѣка и Природу, и изъ него изучаю Природу и Человѣка.

«Мнѣ хотѣлось-бы знать, какъ вы это дѣлаете?

— Прежде позвольте мнѣ кончить начатое нами; иначе мы удалимся отъ логической точности. Вы почти соглашаетесь, что мое занятіе можетъ быть поводомъ къ умственному образованію — говорю: *почти соглашаетесь*, ибо вы требуете доказательствъ, а кто-же требуетъ доказательствъ на явную нелѣпость? Но вы отвергали сначала даже возможность математической точности, съ какою художникъ можетъ ручаться за сдѣланные имъ сапоги....

«Теперь, послѣ всего слышнаго отъ васъ, не смѣю отвергать, и вѣрю, что съ мѣркою, искусно снятою, точными правилами кроенья сапоговъ, и художническихъ шитьемъ, вы можете вѣрно и точно угодить....

— Этого мало, М. Г. — Сапоги мои бу-

дутъ сухое произведеніе вычета; а что это такое? слова съ рифмами! Для стиховъ надобна поэзія; для совершенства въ шитьѣ сапоговъ надобна философія, практическая и умозрительная философія, глубокое изученіе сердца человѣческаго, познаніе свѣта и людей, ихъ отношеній, страстей....

«И все въ отношеніи къ сапогамъ?

— Да, М. Г., отвѣчалъ Нѣмецъ, въ отношеніи къ сапогамъ: я, по крайней мѣрѣ, далѣе пойду. По отъ этого, мои сапоги бываютъ плодомъ глубокаго разсчета и соображеній, и всякій чувствуетъ, что онъ обутъ во что-то умное.

«Признаюсь, я васъ худо понимаю....

— Чтобы растолковать вамъ, надобно большое предварительное изученіе. Объясню немногое. Мои сапоги всегда бываютъ хороши, отъ того, что они сообразны тайнамъ души человѣка, носящаго ихъ, что они сняты съ его страстей. Лафатеръ искалъ человѣка въ лицѣ; Галль въ мозгу; я ищу въ ногахъ.

«И находите?

— Не всего, да и кто-же находилъ *все-*

го человѣка, даже въ цѣлой природѣ? Если судишь о человѣкѣ по улыбкѣ его, по его почерку, по его походкѣ, то какое важное отдѣленіе: *ноги*, ноги, вообще взятыя! По крайней мѣрѣ, для меня достаточно того познанія, какое извлекъ я изъ глубокаго изученія человѣческихъ ногъ. Согласитесь, напримѣръ, что походка выражаетъ характеръ человѣка! Смотрите какъ онъ ходитъ, и вы угадаете, какъ онъ идетъ по пути жизни — а я дѣлаю посылку обратную: отъ пути жизни иду къ походкѣ. Снявъ мѣрку, я разсматриваю человѣка, внимательно гляжу на старые его сапоги, замѣчаю его поступь, размѣръ шаговъ. Если сапоги у него сбиты на лѣвую ногу —знакъ, что каблукъ лѣвой ноги сдѣланъ надобно немного повыше: этотъ человѣкъ сильно поворачивается на лѣвой ногѣ; онъ пруслив, и безпрестанно уклоняется. Сбитая правая нога показываетъ для меня человѣка, осторожно шагающаго передъ другими. Въ слѣдствіе подобныхъ наблюденій, я дѣлаю чиновникамъ низкимъ твердые носки: они безпрестанно подымаются на цыпочки, или стоятъ,

какъ вкопаные, ровно и неподвижно; чиновникамъ среднимъ дѣлаю подошвы пополще: они безпрестанно шаркаютъ и шевелятъ ногами; чиновникамъ высшимъ и большимъ боярамъ — хмъ!...

«Прошу васъ продолжать....

— Имъ, смотря потому, что они такое. Барину большому, при мѣстѣ — каблуки покрѣпче, ибо онъ часто топаетъ и сердится на подчиненныхъ; барину безъ мѣста — легонькія подошвы: онъ ходитъ по паркетамъ, и желаетъ, чтобы не замѣтили, какъ онъ ходитъ. Барину богатому — сапоги поуже, чтобы хотя ихъ жатіе показывало ему, какъ жмутъ людей на свѣтѣ, и вѣрьте, что совершенно свободные сапоги богачамъ не годятся: имъ не на что жаловаться, и они рады, что хотя на сапоги жаловаться могутъ....

Разговоръ художника-философа плѣнилъ меня. «Вы оправдываете ваше и мое мнѣніе,» воскликнулъ я — «мнѣніе, что нѣтъ вещи, которая не подала-бы повода къ Философіи и размышленію, если только человѣкъ умѣетъ размышлять! Скажите,

прошу васъ, гдѣ и какъ сдѣлались вы философомъ?

— Въ свѣтѣ, М. Г., въ жизни. Моя исторія довольно замѣчательна.

«Прошу васъ разсказать ее мнѣ.

— Если вамъ угодно.

Я пододвинулъ стулъ. Художникъ мой сѣлъ, и началъ говорить....

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ПО

СМЕРТИ Г-на КОХТИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Часъ смерти.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

по смерти Г-на Кохтина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Смерть Г-на Кохтина.

Солнце свѣтило яркими лучами, отражалось на золотыхъ главахъ Москвы, въ хрусталѣ, которымъ украшены палаты богача, и въ слезѣ, которою бѣднякъ начиналъ день, не зная: есть ли у него на этотъ день хлѣбъ насущный? Было прекрасное лѣтнее утро. Москва давно уже двигалась и шевелилась: судья ѣхалъ въ присутствіе, мошенникъ шелъ воровать, кредиторъ знатнаго барина, въ сто-первый разъ, шелъ спросить у слугъ его: дома-ли баринъ? проситель тащился въ Приказъ, и такъ далѣе, какъ водится всякій день: дѣла слишкомъ обыкновенныя, о которыхъ не стоитъ и говорить. Также обыкновенное дѣло, что въ этотъ

день, Г-нъ Кохшинъ всталъ, умылся, безъ стыда и безъ совѣсти помолился Богу, побранилъ служанку, прогналъ нищаго, подошедшаго къ окошку, велѣлъ подать себѣ чаю, и, сидя на диванѣ за столикомъ, хотѣлъ пить его. Вдругъ почувствовалъ онъ, что правая рука его не движится; потомъ стѣснило у него грудь. Онъ хотѣлъ встать, хотѣлъ перекреститься — ноги у него подломились — онъ повалился на диванъ, глаза его выкатились, ротъ разинулся. Г-нъ Кохшинъ, падая, опрокинулъ столикъ: чашки, чай, столикъ — все полетѣло; Г-нъ Кохшинъ умеръ. Умеръ? Да! Дѣло очень обыкновенное; онъ умеръ, и приключенія его начинаются.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Раковый ходъ.

Мы будемъ имѣть честь познакомить читателей съ Г-мъ Кохшинымъ, и начинаемъ повѣсть нашу съ неизвѣстнаго, чтобы потомъ интересье сдѣлать за-

вязку и развязку. Немного странно покажется иному, что повѣсть наша началась смертью героя повѣсти. Но это странно только сначала, а впрочемъ, право, дѣло преобыкновенное—*раковый ходъ.* Мы пятимся назадъ—и только! Чему тутъ дивиться? Развѣ не такъ дѣлается у людей большею частію? И развѣ самимъ вамъ, читатель, не случалось пятиться такимъ образомъ къ дверямъ залы, или кабинета какого нибудь вельможи, или богача? Развѣ Исторія не представляетъ намъ такихъ примѣровъ: идутъ, идутъ впередъ, да и пойдутъ назадъ? И большая часть дѣлъ человѣческихъ, предпріятій людскихъ, не подражаетъ-ли, либо черепахѣ, либо раку? Оглянитесь кругомъ, предложите какое нибудь доброе дѣло окружающимъ васъ, и вы увѣритесь въ истинѣ нашихъ словъ. Впрочемъ, Исторія Г-на Кохтина не могла быть иначе начата, потому, что начать ее иначе, значило-бы учить азбукѣ людей грамотныхъ. Большая часть людей живутъ такъ, что объ нихъ нѣчего сказать, кромѣ того, что *такой-то умеръ тогда-то.* Не думайте, что мы говоримъ аллего-

рически, что мы хотимъ означить смертію день, въ которой человѣкъ отказывается отъ правъ человѣка, то есть, отъ чести, отъ совѣсти, отъ ума. Нѣтъ! мы говоримъ о физической смерти. Отказываться можно отъ того, что имѣешь, чѣмъ обладаешь — а совѣсть, умъ, честь неуже-ли такъ-же обыкновенны, какъ руки, ноги, головы? Неужели они у всѣхъ есть? По крайней мѣрѣ, это вопросъ, еще требующій изслѣдованій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Жизнь Г-на Кохтина.

По крайней мѣрѣ, у Г-на Кохтина не было ни перваго, ни другаго, ни третьяго. Впрочемъ, онъ обладалъ сокровищемъ, все это замѣняющимъ: у него были *деньги*, и было *много денегъ*. Слѣдственно, онъ былъ человѣкъ весьма порядочный, а въ доказательство ссылаемся на многихъ, которые за то, что было у Г-на Кохтина, охотно промѣняютъ умъ, честь и совѣсть. Сказавъ, что у Г-на Кохтина бы-

ло много денегъ, и что онъ умеръ — не знаемъ, что еще сказать о немъ? Если угодно, мы вставимъ здѣсь краткую его некрологію.

Фока Фокичъ Кохтинъ родился въ 1770 году, Января 16 дня, отъ богатыхъ родителей. Образованіе свое получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, былъ обученъ грамотѣ, писать, читать, также класть на счетахъ и считать. Послѣднюю способность особенно старался образовать родитель его, и весьма въ томъ успѣлъ. На двадцать пятомъ году, Фока Фокичъ сочетался бракомъ съ дѣвушкою, которой до сговора онъ никогда не видалъ, и за которою было на 50,000 рублей тряпокъ, каменьковъ, мебели и металловъ въ дѣлѣ, да 50,000 рублей деньгами. Родителей лишился онъ вскорѣ потомъ; дѣтей отъ супружества не имѣлъ, никуда изъ Москвы не выѣзжалъ, и все его занятіе стояло въ томъ, что онъ копилъ и берегъ деньги. Для сего рѣшился онъ отдавать ихъ въ проценты, смотря по заемщику, взимая отъ одного до двухъ процентовъ въ мѣсяцъ, подавая векселя ко-

взысканію, когда не платили, садя въ тюрьму должника послѣ того, или получая деньги, когда платили ихъ. Кромѣ того, Г-нъ Кохтинъ пилъ, ѣлъ, спалъ, ѣздилъ въ гости, впрочемъ рѣдко, ходилъ къ обѣдни по воскресеньямъ, ссорился съ женою, похоронилъ ее весьма благопристойно, когда она умерла, а самъ жилъ и дожилъ до 60 лѣтъ. Іюня 18, 1830 года хотѣлъ онъ, что мы выше видѣли, начать день, какъ всегда начиналъ, но — повалился на диванъ, и —

Тутъ ему дурно,
И смерть приключилась!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Умеръ-ли онъ?

По смерти супруги своей, Г-нъ Кохтинъ жилъ въ своемъ домѣ съ весьма небольшимъ числомъ домочадцевъ. Вся его семья состояла изъ стараго дворника, который кормилъ цѣпныхъ собакъ, оберегавшихъ домъ, мелъ тротуаръ и улицу, опиралъ и запиралъ ворота; да изъ

двухъ существъ женскаго пола, и еще одного подобія человѣческаго, называвшагося *Ванькою*, и которое само не моглобы отдать отчета, если-бы кто нибудь спросилъ у него: человѣкъ-ли ты? Одно изъ женскихъ существъ было уже старое, морщинованое, въ крюкъ согнутое, въ старый чепчикъ одѣтое, и именовалось *ключницей*; другое было молодое, толстое, простоволосое, босое, и носило имя *служанки*. Ванька былъ одѣтъ въ старый, изорванный, фризовый сюртукъ, ходилъ съ нечесаною головою, въ разорванныхъ сапогахъ; кромѣ ѣды и питья, онъ получалъ еще ежедневно отъ Фоки Фокича по 20 ругательствъ, и по 5 пощечинъ, самъ себя называлъ *Хамовымъ колѣномъ*, и долженъ былъ чистить платье, мести комнаты, подавать Фокѣ Фокичу обѣдъ, чай, ужинъ.

Ключница услышала изъ другой комнаты стукъ падающаго столика, дребезгъ разбившейся чашки, и выглянула въ двери. Увидя Г-на Кохтина лежащаго, столикъ упавшій, чашку разбитую, она громко закричала: «Что ты, батюшка, Фока Фо-

кичъ? Что съ тобой, кормилецъ, отецъ родной!» и кинулась къ нему. Вопль горести вылетѣлъ изъ ея морщиноватаго тѣла, когда она увидѣла, что Г-ну Кохтину худо.

Ему въ самомъ дѣлѣ было худо: насталъ страшный часъ отчета, и отчета передъ Судіею, у котораго нѣтъ лицепріятія! Приблизился часъ — торжественный, великій для праведника, начало расплаты за горести, за существованіе въ этомъ жалкомъ, бѣдномъ мірѣ — часъ въ тоже время ужасный, онъ котораго судорогами гнется костъ, дыбомъ встаетъ волосъ, и холодный потъ покрываетъ чело грѣшника!

Ключница попробовала поднять Г-на Кохтина — онъ былъ тяжелъ, какъ свинецъ; хотѣла потевелить его — онъ окоченѣлъ, какъ деревянный.

Слезы, которыя текли изъ глазъ, вопли и стоны, вылетавшіе изъ груди старухи — вдругъ прекратились. Съ недовѣрчивостью поглядѣла она на Г-на Кохтина; жадно окинула потомъ взоръ свой по комнатѣ, какъ будто разсматривая бю-

ро, стоявшее въ углу, различную мебель, находившуюся въ комнатѣ, два большіе сундука, которые видны были въ другой комнатѣ, ключъ отъ кладовой, лежащій на столѣ подлѣ стѣны, и связку ключей, спрятанную за пазухою у Г-на Кохтина. Не знаемъ, что выражалъ голосъ старухи, радость-ли, смѣшанную съ недоумѣніемъ, или что другое, только вотъ, что произнесла старуха: «Да ужъ не умеръ-ли онъ?» Коснѣлая рука ея была приложена къ головѣ Г-на Кохтина — холодно; другая рука поднялась, глаза еще разъ пробѣжали по комнатѣ — рука старухи протянулась къ связкѣ ключей — но снова недоумѣніе овладѣло старухою, и въ полголоса она спросила сама себя: «Умеръ-ли онъ?»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кошкѣ слёзки, а мышкѣ игрушки.

Мы перевернули Русскую эту пословицу, чтобы вполнѣ выразить положеніе людей, оставшихся въ домѣ Г-на Кохтина, послѣ того, когда онъ, волею Божіею, помре. Ни съ чѣмъ лучше не льзя было

сравнить отношенія Г-на Кохинина къ нимъ, при жизни его, какъ съ отношеніями кошки къ мышамъ. Кто не видалъ, съ какою утонченною хитростью и злобою играетъ кошка съ мышами, послѣ того, какъ мышь попадется въ ея когти? Будущность погибла для несчастной мышки, погибла невозвратно: она знаетъ, что ей уже не вырваться изъ когтей врага, не бѣгать на свободѣ подъ поломъ, не наслаждаться дружбою и любовью ближнихъ, не рыскать въ темнотѣ ночей, пугая царя животныхъ, человѣка, скребеньемъ, грызеньемъ, поискомъ крошекъ. Но смерть еще далека отъ нея — жестокое веселье кошки хочетъ истерзать ее прежде, мять, вертѣть, даже льстить свободою, пускать бѣжать, допускать даже до норки, и — снова начинать мученія! Такъ дѣлалъ съ ближними своими Г-нъ Кохининъ, пока былъ живъ.

Но какъ-же и радуются мыши, когда котъ подвергнется общей участи всего живущаго на землѣ, участи, равной для царя и для нищаго, для нищаго и для милльонщика! Игривое Русское воображе-

ніе уже давно изобразило яркими красками мышье веселье послѣ кошечьей смерти. Вспомните, читатель, какъ *мыши кота хоронятъ*. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не восхищался этимъ произведеніемъ Суздальскихъ артистовъ и лубочныхъ печатальщиковъ? Кто не разбиралъ по складамъ изящныхъ стиховъ, коими объяснено собраніе мышей: »Мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ; жилъ былъ котъ Казанскій, хвостъ у него былъ Астраханскій, а умъ Сибирскій; сладко онъ ѣлъ,» и проч. и прочее?

Такъ радовались теперь домочадцы Г-на Кохтина, когда удостовѣрились, что онъ отправился туда, *идѣ-же нѣсть болѣзни, печали, ни воздыханія....*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

А! издохъ!

«Акулина, Акулина!» громко закричала ключница, увидя въ другой комнатѣ босое, женское, толстое созданіе, о которомъ выше мы уже говорили.

— Что ты кричишь! сказала Акулина.

Какъ баринъ изволитъ услышать, такъ знаешь что тебѣ будетъ....

«Дожидайся, дура! Смотри-ка: вотъ тебѣ баринъ....

— Наше холопское дѣло: смѣемъ-ли мы разсуждать, Матрена Карповна. Онъ изволитъ приказывать говорить нынче.

«Приказывать! Сиара пѣсня! Смотри, говорю тебѣ — вотъ онъ пропянулся!

— Какъ? Неуже-ли онъ изволилъ скончаться? Ахъ, Господи, Боже мой!

Акулина подбѣжала къ Г-ну Кохинину, остановилась, молча пощупала его голову, и когда увѣрилась, что Г-нъ Кохининъ умеръ, — лице ея, избитое и замаранное, приняло видъ какой-то дикой радости.

— А! издохъ! вскричала она. Голосъ ея, если-бы можно было разобрать всѣ составныя части его звуковъ, заставилъ-бы Человѣчество покраснѣть. Это былъ голосъ раба, который узнаетъ, что господинъ его умеръ.... Довольно!

«Издохъ,» сказала ключница, хладнокровно смотря на Акулину.

— И безъ Христіанской кончины — воскликнула Акулина, съ видомъ сожалѣнія

— безъ покаянія!... Ей было только 22 года.

«Собакѣ собачья и смерть!» отвѣчала ключница. Этой было около 60 лѣтъ.

— Что? Теперь не закричишь на Акулину? Что? Теперь лежишь молча? Что не ударишь?--Акулина толкала рукою Г-на Кохтина.

Пока неопытное это созданіе бранилось на Г-на Кохтина, опытное думало совсѣмъ о другомъ. Опытъ есть мудрость, и это доказываетъ дѣлами своими каждый старикъ, каждая старуха.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Запасецъ.

— Что-жъ теперь намъ дѣлать?—спросила Акулина, въ недоумѣніи смотря на старуху. Не послать-ли за лекаремъ?

«Теперь ужъ не нужно.

— Аль за попомъ, чтобы отходную прочитать?

«Теперь ужъ его не догонишь: онъ далеко уѣхалъ.

— Аль въ Часть дань знать? Чтобы не привязались — помнишь, какъ сосѣдъ Парамоновъ вдругъ умеръ, такъ его домашнихъ запаскали, и даже его самаго потронили.

«Будетъ всему время. Послушай, Акулина, ты дѣвка добрая, и я тебѣ добра желаю. Ты еще можешь нажиться на свободѣ, и нарадоваться жизнью, а я буду у тебя вмѣсто родной матери.

— Что-же, тетушка Матрена?

«А то, что прежде всего надобно намъ подумать, какъ-бы *запасецъ* у насъ былъ на нашъ вѣкъ.

— Какой-же, тетушка Матрена?

«А вотъ мы себѣ сперва кое-что пооберемъ, попрятячемъ, а тамъ и скажемъ о смерти барина, завоемъ, заплачемъ, заголосимъ....

— Тетушка! да не грѣшно ли будетъ? спросила Акулина въ недоумѣніи — вѣдь мы возьмемъ чужое?

«*Чужое*, пока не стало *наше*. Ни у кого нѣтъ *своего*. Одному принадлежало, другому перешло — такъ въ свѣтѣ всегда водится. Мы-же возьмемъ на прокормле-

ніе, на прожиткъ, а не для ради богатства. Всякій старается, чтобы у него запасецъ былъ.

— Но, куда-же намъ, тетушка? Вѣдь мы холопья: всякій узнаетъ, увидитъ....

«Было-бы только въ рукахъ, а то ни кому нужды не будетъ. Будто мало нашего брата теперь въ господахъ, да такъ-то себѣ живутъ, что и Генералы къ нимъ ѣздятъ кланяться.

— А что, въ самомъ дѣлѣ!

«Да ужъ такъ. Мы потомъ откупимся; ты выйдешь за мужъ, за того, кого любишь, и будешь барыней....

Акулина засмѣялась дикимъ смѣхомъ. «Да и мнѣ тоже надобно себѣ, на старости лѣтъ, хоть на саванъ припасти, да чѣмъ-бы душу помянуть. Много-ли мнѣ надобно — тебѣ-же останется....

— Ахъ, ты, моя родная тетушка!— вскричала Акулина, цѣлуя руки ключницы. Вотъ вѣдь правда говорится, что слушай бывалаго, да стараго, такъ на умъ наставятъ.

«Ну, поди-же ты сперва спрячь вотъ этотъ полуштофъ съ виномъ (ключница

вынула полушкофъ съ настойкою Астраханскаго перцу, чѣмъ лакомился бывало Г-нъ Кохинъ), гдѣ нибудь въ кухнѣ; да такъ спрячь, чтобы Маннонка дворникъ видѣлъ. Онъ тотчасъ его выпащитъ, думая, что это краденое, выпьетъ, опьянѣетъ, и намъ мѣшать не будетъ. А ты запри ворота, и черезъ садъ сбѣгай къ сосѣду Филиппу Ареобьевичу — вѣдь я знаю, что ты на него заглядывалась.... »

Акулина покраснѣла и потупила глаза.

» Да это не мое дѣло! » сказала Матрена Карповна, улыбаясь. « Зови его скорѣе ко мнѣ, и проведи черезъ садъ. »

— Тетушка! А Ванька нашъ что-же будетъ дѣлать? Вѣдь онъ увидитъ?

« О! не бойся! Онъ ужѣ вѣрно гдѣ нибудь въ углу сидитъ и спитъ. Вѣдь его только барскія пощечины онъ сна пробуждали. »

О *запасецъ!* Не ты-ли вертишь народами? Не ты-ли губишь добродѣтель и честность? Проклятый *запасецъ!*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

И онъ предсталъ!

Да, *онъ* предсталъ, готовый на всѣ предложенія Матрены Карповны — *онъ*, разумѣется, не бѣсъ, котораго такъ хорошо изобразили Сушей и, со словъ его, нашъ Жуковскій—предсталъ Филипъ Ареѳьевичъ.

Почтенная эта особа былъ сосѣдъ Г-на Кохтина, отставной подканцеляристъ, выгнанный—повѣрятъ-ли этому читатели? — выгнанный изъ Палаты за дурное поведеніе. Стало быть, Филипъ Ареѳьевичъ былъ молодецъ. Онъ писывалъ Г-ну Кохтину прошенія о взысканіи по векселямъ, и бралъ съ него по четвертаку и по полтиннику за свою работу.

Матрена Карповна отвела его въ сторону, поговорила съ нимъ.... началось заготовленіе *запасца*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Да полно умеръ-ли онъ?

Ванька, подавъ самоваръ, и лѣниво потеревъ щеткою сапоги Г-на Кохинина, сѣлъ въ уголъ, въ передней, ждалъ приказовъ: что есть, ругательствъ и пощечинъ барскихъ: и заснулъ спокойно. Какой вздоръ говорятъ, что сонъ есть доказательство чистой, безупречной совѣсти! Послѣ этого цѣлый почти міръ долженъ-бы страдать безсонницею, а посмотрите — какъ крѣпко спятъ люди! Есть много подобныхъ, глупыхъ повѣрій, которыя издавна затвердили люди. Говорятъ, напримѣръ, что *гласъ народа гласъ Божій*: ссылаюсь на всякаго, кто хоть сколько нибудь имѣлъ дѣло съ народомъ: не сущій-ли это вздоръ? Такъ, намъ много говаривали, что сонъ есть свидѣтельство чистоты душевной, а безсонница наказаніе злодѣевъ. Послѣ этого, кучера должны быть самые безпорочные люди, потому, что свидѣтельство чистой совѣсти ихъ можно видѣть у каждыхъ воротъ, гдѣ сидятъ они на козлахъ дро-

жекъ, каретъ и колясокъ, и спятъ, какъ убитые.

Вольтеръ завидовалъ собакамъ, что онѣ могутъ спать безъ подушекъ. Ванька имѣлъ это драгоцѣнное свойство: онъ спалъ на голой доскѣ лавокъ, устроенныхъ въ передней, и, по обыкновенію Русскому, измаранныхъ и испачканныхъ. Не знаю, какое странное сновидѣніе прервало на этотъ разъ сонъ его. Онъ вскочилъ, протеръ глаза, почесалъ голову, и подумалъ — да, подумалъ — чему вы смѣетесь читатели? Право, я не могу прибрать выраженія приличнѣе. Надобно-бы различать оттѣнки разныхъ дѣйствій человѣческихъ, но мы еще до этого не достигли. И о Декартѣ, размышлявшемъ о строеніи міра, и о Канитѣ, разбиравшемъ природу человѣка, и о подьячемъ, пишущемъ прошеніе, и о кухаркѣ, готовящей пироги, мы говоримъ: *онъ думалъ, она думала.* Такимъ образомъ и Ванька подумалъ — но мысль, или дума его не улетала за облака — онъ подумалъ: чтожъ это? Неуже-ли баринъ еще спитъ, до сихъ поръ?

Онъ вошелъ въ гостиную, увидѣлъ Г-на Кохтина, лежащаго на диванѣ, столикъ опрокинутый, чай пролитый по полу, чашку разбитую. Что Г-нъ Кохтинъ умеръ, Ванькѣ не пришло этого въ голову, а что столикъ надобно поднять, и черепки подобрать, объ этомъ яркая мысль блеснула въ головѣ его. Когда онъ принялся за дѣло, то съ изумленіемъ увидѣлъ многое.

Ключница, Акулина, Филипъ Ареѳьичъ бѣгали изъ угла въ уголъ, изъ комнаты въ комнату; шкафы, сундуки были раскрыты; платье, бѣлье, вещи, съѣстные припасы разбросаны; въ углу лежали узлы, наскоро навязанные, съ шубами, платьемъ, и проч. и проч.

«Матрена Кариовна! что это вы дѣлаете?» спросилъ Ванька.

— Молчи! отвѣчала старуха, вытаскивая изъ подъ софы большой сундукъ.

«А баринъ-то что это лежитъ?» сказалъ Ванька.

— Онъ умеръ! отвѣчала Акулина, мимоходомъ, таща погребецъ съ серебря-

нымъ сервизомъ, бывшій въ закладѣ у Г-на Кохтина.

Ванька замолчалъ, почесываясь смотрѣлъ на все, слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ чего? Право, не знаю, а, вѣроятно, онъ глуповатъ.

— До сихъ поръ, Матрена Карповна — сказалъ тогда Филипъ Ареовичъ — мы занимались посторонним, но забывали главное. Надобно-бы прежде всего посмотрѣть въ конторкѣ — наличное можно-бы.... да если есть и лишніе документы....

»Ахти, батюшка! Ну, вѣдь изъ ума вонъ. А вотъ я достану ключи.

Она бросилась къ Г-нъ Кохтину, и, безъ дальнихъ церемоній, ухватилась за связку ключей, лежавшую у него за пазухою. Когда эта *душа* стала разлучаться съ *тѣломъ* — повѣрите-ли, читатели? — судорожное движеніе потрясло Г-на Кохтина, какъ нервы мертвой лягушки содрагаются и шевелятся отъ прикосновенія гальваническаго проводника.

Что, читатели, если въ это время Г-нъ Кохтинъ былъ еще живъ, если онъ не слышалъ, то, по крайней мѣрѣ, *понималъ*,

чувствовалъ, что дѣлалось, что говорили вокругъ него? Да, это могло показать ему, что жденъ его въ адѣ!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Дуракъ и умные.

Мнѣ всегда приходитъ въ голову, когда я слышу о какомъ нибудь дѣлѣ: что сдѣлалъ-бы въ этомъ случаѣ *умный*, и какъ поступилъ-бы при этомъ дѣлѣ *дуракъ?* Отсюда можно переходить къ вопросу противоположному. Слыша о различныхъ поступкахъ двухъ людей, при какомъ нибудь дѣлѣ, можно спрашивать: который изъ нихъ, по своимъ поступкамъ, *умный*, который *дуракъ?* Не повѣрите, любезный читатель, какъ бываютъ любопытны подобныя разысканія.

Вы слышите, напримѣръ, что два человѣка занимались дѣлами у какого нибудь богача. Одинъ, видя, что дѣла идутъ плохо, что хозяинъ раззоряется, старался поправлять дѣла, хлопоталъ трудился, не бралъ даже того, что ему слѣдовало, совѣстясь брать, когда хозяинъ нуж-

дается; другой, видя разстройство дѣлъ, и предугадывая, что потомъ нѣчемъ будетъ хозяину расплатиться съ нимъ за службу, откладывалъ себѣ помаленьку, и когда лопнули дѣла хозяина, одинъ *пошелъ по міру*, съ именемъ *честнаго человѣка*, другой *поѣхалъ въ каретѣ*, съ названіемъ бездѣльника — нѣтъ! виноватъ: *богача!*

Какъ думаете, читатели: угадаете-ли, кто изъ этихъ людей былъ *дуракъ*, кто *умный?*

Такихъ предметовъ для разсужденія вы можете за тысячи вокругъ себя тысячи, десятки тысячъ. Право, иногда не худо размышлять, смотря на житье, бытье человѣковъ и человѣчковъ: кто изъ васъ, добрые люди, *дуракъ*, кто *умный?*

Вокругъ усопшаго Г-на Кохтина, мы уже видѣли нѣсколько человѣкъ: Филиппа Ареѳьевича, Матрену Карповну, Акулину и Ваньку.

Что дѣлали трое первые? Мы уже говорили объ этомъ.

Что дѣлалъ четверный, *отъявленный дуракъ?*

Онъ спохлъ и смопрѣлъ, выпучивъ глаза на Г-на Кохинина, или на ино, чино нѣкогда *было Г-мъ Кохтинымъ.* «Кино умеръ, ионъ не ишевелинися, а кино ишевелинися, ионъ еще не умеръ, а боленъ. Кино боленъ, ионъ посылаенъ за лѣкаремъ, а если не ионленъ, ишакъ умренъ непремѣнно. Видно Мапрена Карповна забыла послапь, и баринъ легко моженъ умерепь, а вѣдь это грѣнно — уморинь его: на ионъ свѣнѣ будепь ошвѣчапь»... Мысли Ваньки. —

Ванька схванилъ свою шляпу, и побѣжалъ изъ дому. Куда? Къ лѣкарю!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Дуракъ броситъ камень въ воду, а десять умныхъ не вытащатъ.

Въ теченіе ипого времени, когда Мапрена Карповна и иповарпци ся доказывали свой умъ, а Ванька свою глупоспь, дворникъ, пьяный, спалъ гдѣ-ино въ кухнѣ; ворота были крѣпко запернны. Нѣсколько человѣкъ приходили, спучали, звонили въ колокольчикъ; Акулина выбѣгала

къ воротамъ, отворяла ихъ, говорила каждому приходящему: «Барина нѣтъ дома,« и задвигала ворота снова. Приходившій уходилъ. Уборка внутри дома продолжалась попрежнему.

Но, посмотрите, что надѣлалъ Ванька.

Онъ бѣжалъ, какъ ошалѣлый, столкнулся съ кухаркою сосѣда, которая несла съ рынка провизію, ударилъ ее лбомъ, такъ сильно, что отлетѣлъ назадъ шага два, а старуха распянулась на тротуарѣ: морковь, капуста, рѣпа, говядина, грибы разсыпались у нея изъ кульковъ и мѣшковъ, и улица Московская *потекла молокомъ и медомъ*, потому, что старуха несла въ горшечкѣ медъ, для питья чаю съ прикускою медомъ, а въ бутылкѣ молоко, которое лавочникъ отпустилъ ей за самыя густыя сливки.

Междометія и брань посыпались изо рта старухи.

«Виноватъ, бабушка!» отвѣчалъ Ванька, почесывая лобъ, и едва опомнившись отъ удара. «Я бѣжалъ безъ памяти.

— Да куда тебя чортъ несъ?

«Барину что-то, кажется, нездоровится.

— *Какъ?*—И при этомъ словѣ, то, что погубило праманеръ нашу Евву — *любопытство* заставило старуху вскочить, забыть досаду, и уцѣпиться за Ваньку множествомъ вопросительныхъ крючковъ:

? ? ? ? ? ? ?

Черезъ пять минутъ, старуха бѣжала скорѣе Ваньки домой, съ полнымъ мѣшкомъ новостей, а Ванька бѣжалъ къ лекарю.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Лекарь.

Какой-же камень бросилъ Ванька? спросите вы, читатель. Что за важность, если онъ сказалъ какой-то старушкѣ, кухаркѣ, что баринъ его боленъ? Вотъ, если-бы онъ точно привелъ лекаря—это было-бы, можетъ быть, плохо для домочадцевъ Г-на Кохинина!

Какая ошибка! Если-бы Ванька привелъ пять лекарей, это ничего-бы не значило. Но вамъ кажется неважнымъ, что Ванька сказалъ о болѣзни барина старухѣ? Но-

милуйте! Да вѣдь эта старуха *женщина?* Одна лишняя женщина знала, что дѣлается въ домѣ Г-на Кохтина, и вы это почитаете бездѣлкой? Увидимъ.

Лекарь, къ которому прибѣжалъ Ванька, былъ почтенный старичекъ, имѣвшій по Москвѣ довольно большую практику; жилъ онъ отъ Г-на Кохтина недалеко, и особенно былъ извѣстенъ тѣмъ, что объявилъ въ Газетахъ о *безденежномъ леченіи бѣдныхъ.* Объявленіе это было повторяемо нѣсколько разъ въ годъ. Благочестивыя старушки Московскія послѣ того не хотѣли ни съ кѣмъ имѣть дѣла, кромѣ *врача благотворителя бѣдныхъ.*

Каждое утро толпились у почтеннаго старика больные бѣдняки. И въ это утро множество народа было у него въ передней. Ждали появленія благодѣтеля, который занятъ еще былъ въ кабинетѣ.

Не заставши никого изъ слугъ въ передней, Ванька сдуру бросился прямо въ залу; не видя и здѣсь ни одной живой души, онъ бросился въ дверь на лѣво; это былъ кабинетъ.

Почтенный благотворитель-врачъ услышалъ скрыпъ двери. Онъ сиоялъ въ то время къ дверямъ спиною, наклонившись къ своему письменному столу. Онъ еще былъ въ шлафрокѣ, но Анинскій крестъ, который получилъ онъ за благотворительное свое безкорыстіе, былъ уже у него на шеѣ.

Лицо благодѣтеля-врача вспыхнуло, когда онъ увидѣлъ безобразную харю Ваньки. Онъ почелъ его за больнаго.

—Ахъ! ты болванъ, дерзкій, мерзавецъ, нищій, бродяга! — вскричалъ благотворитель, обернувшись къ Ванькѣ. —Какъ ты смѣлъ лѣзть сюда, безпокоить меня, прерывать мои занятія....

Въ самомъ дѣлѣ, благотворитель-врачъ былъ очень занятъ: въ одной рукѣ его была утренняя трубка; въ другой графинъ съ ромомъ, изъ котораго подливалъ онъ по немногу въ большую фарфоровую чашку съ чаемъ, украшенную изображеніемъ врача, посѣщающаго больную, съ съ надписью: «*Болѣнъ бѣхъ и посѣтисте мя.*» Эта чашка, подарокъ богатой сна-

рухи, стояла передъ нимъ на письменномъ столикѣ.

Ванька остолбенѣлъ. «Вонъ, мерзавецъ, нищій!» продолжалъ благотворитель-врачъ.—«Пошелъ въ переднюю, сиди тамъ: я выйду; не издохнешь до тѣхъ поръ! Довольно, что я даромъ лечу васъ, скоповъ, негодяевъ!»

— Виноватъ! отвѣчалъ Ванька. Да я прибѣжалъ къ вамъ сказать, что одинъ больной умираетъ....

«Такъ вотъ велика важность!» вскричалъ врачъ, и, топнувъ ногой, загремѣлъ сильнѣе прежняго: «Вонъ! Убирайся! Пойду я смотрѣть, какъ издыхаетъ тамъ у тебя какое нибудь животное, какая нибудь попаскушка!» Онъ положилъ трубку, поставилъ графинъ; видя, что Ванька еще нейдетъ, ухватилъ его за *вихоръ*, вертѣлъ нѣсколько разъ его голову, и проговоривъ: «Вонъ!» хотѣлъ вытолкнуть изъ дверей.

— Да вѣдь не нашъ братъ, лакей, умираетъ — сказалъ Ванька сквозь слезы — а баринъ.

«Какой баринъ?» вскричалъ врачъ, вдругъ укротившись.

— Мой баринъ, Фока Фокичъ Кохининъ.

«Тотъ, что живетъ вотъ тутъ, на углу?

— Да!

Врачъ опять ухватилъ Ваньку за вихоръ. «Да что-же вы меня тормошите опять?» спрашивалъ испуганный Ванька.

«Какъ-же ты, дуракъ! до сихъ поръ не говорить мнѣ, что ты служитель Г-на Кохинина! Бѣги скорѣе домой, и доложи барину, что я сей часъ буду. — Душа моя!» сказалъ потомъ врачъ, обратясь къ боковой двери, » mein Engelchen! Вели мнѣ поскорѣе дать фракъ и парикъ. — Молодая женщина выглянула изъ боковыхъ дверей въ кабинетъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Что дѣлать лѣкарю, когда больной умеръ?

— Охъ, охъ! охъ!

«Ахъ, ахъ! охъ, охъ, хо, хо!

— Охъ! ахъ! — Такіе звуки слышны

были въ передней и въ сѣняхъ врача-благотворителя. Это были стоны и стенанія бѣдняковъ, ожидавшихъ появленія цѣлителя своего. Ждите, добрые люди! Вамъ долго еще надобно будетъ ожидать, Ванька едва успѣлъ дойдти до своего дома, какъ врачъ, вышедшій калиткою черезъ садъ, въ большой поспѣшности, съ нечесанымъ парикомъ, догналъ его, запыхавшись. Ворота, послѣ ухода Ваньки, оставались не запертыми, и — врачъ, *какъ громъ небесный*, сталъ среди изумленныхъ домочадцевъ Фоки Фокича.

Опытный глазъ его тотчасъ все понялъ. Какому врачу не случалось лечить и видѣть умирающими людей, оставляющихъ послѣ себя большое наслѣдство! Врачъ-благотворитель особенно любилъ лечить старичковъ и старушекъ богатыхъ. Выгода явная! Выздоровѣетъ—чего не дастъ за здоровье; умретъ — чего не дадутъ наслѣдники!

Филиппъ Ареѳьевичъ и двѣ подруги его вскочили изъ-за хорошаго завтрака, которымъ, не думая ни о чемъ, въ ближней комнатѣ подкрѣпляли силы свои, послѣ

трудовъ. Г-нъ Кохтинъ лежалъ по прежнему. Бюро его было раскрыто; бумаги лежали въ бе порядкѣ.

Врачъ сначала не обратилъ вниманія ни на что, и ни на кого, подошелъ къ Г-ну Кохтину, посмотрѣлъ, пощупалъ его, и значительно покачалъ головою. Матрена Карповна слѣдовала за каждымъ его движеніемъ.

— Воды, тарелку, полотенцо! сказалъ врачъ угрюмо. Онъ вынулъ изъ кармана какой-то бумажникъ, футляръ.—Раздѣньте больнаго, и пошлите кого нибудь къ Священнику, въ Аптеку, въ Часть. Онъ очень нездоровъ!

Филипъ Ареѳьевичъ подошелъ тогда къ врачу. «Позвольте доложить, Ваше Благородіе,» сказалъ онъ. «Едва-ли не будетъ трудъ вашъ по пустому!»

Отъ сильнаго поворота головы, парикъ чуть не сдвинулся на сторону у врача. «Ты что за человѣкъ, любезный?» сказалъ онъ Филипу Ареѳьевичу.

— Это мой кумъ, батюшка! отвѣчала ключница.

«Не искали-ль вы свидѣтельства о сво-

емъ крестникѣ въ этомъ бюро?» спросилъ врачъ.

Старуха и товарищъ ея испугались. Акулина не испугалась, потому же, почему пьяный воинъ, идущій на батарею непріятельскую, не пугается: она не понимала опасности.

— А это что за запасы? — спросилъ врачъ, заглянувъ въ другую комнату, и видя связки, кулечки, ящички, складенные въ кучу.

«Не угодно-ли, батюшка! пожаловать вамъ сюда» — сказала ключница, прося врача въ другую комнату.

Онъ ушелъ туда. Двери затворились. «Что это за чудное леченье?» подумалъ Ванька, смотря на все, его окружавшее. Онъ зѣвнулъ, подошелъ къ бюро, и глядѣлъ на множество бумагъ и вещей, тамъ лежавшихъ. Нѣсколько монетокъ мѣлкихъ, серебряныхъ, лежало тутъ-же. Ванька протянулъ робко свою руку, оглянулся, и двугривенный скользнулъ въ его карманъ. Онъ не укралъ болѣе, потому, что не понималъ, какъ можно красть болѣе. Это нерѣдко дѣлается въ свѣтѣ, и при-

писывается честности вора, когда надобно-бы приписывать это глупости его.

Во затворенной комнатѣ происходилъ въ это время жаркій разговоръ. Вотъ что доленало до слуха Ваньки:

— Право, батюшка! свое заслуженое; Богъ вѣдь знаетъ, кому пойдетъ — «Какъ смѣть» — Если Вашему Высокородію не угодно, извольте поступать, какъ угодно — «Дерзнуть» — Ваше Высокородіе— «Батюшка»—Тысяча рублей—«Осмѣлиться» — Это грабежъ — «Родимый»—Какъ хотите, Ваше Высокородіе....

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Чутье наслѣдства.

Стукъ колесъ по мостовой; стукъ въ ворота; перемѣна сцены!

Лекарь бросается къ Г-ну Кохтину; Матрена Карповна наскоро запираетъ бюро; Филиппъ Ареовичъ и запасецъ изчезаютъ.

И пока Ванька отворялъ затворенныя ворота (объ этомъ догадалась ключница, послѣ прихода врача. Присутствіе духа,

въ женщинѣ замѣчательное!), пока пріѣхавшій входилъ въ комнату, Фока Фокичъ сдѣлался предметомъ общихъ заботъ и попеченій. Его раздѣвали, терли пускали ему кровь....

Кто былъ пріѣзжій? Родственникъ Фоки Фокича. Какъ поспѣшилъ этотъ благородный человѣкъ! Онъ жилъ весьма далеко отъ Г-на Кохтина, и при первомъ слухѣ.... Здѣсь мы сдѣлаемъ обращеніе къ тому, что если женщина знаетъ тайну, не участвуя въ ней, это значитъ, что скоро весь міръ узнаетъ эту тайну. Кромѣ того, представимъ мы еще психологическое изслѣдованіе.

Вѣсти — чудное дѣло! Старикъ Сумароковъ сравнивалъ ихъ съ снѣжными шарами, которые катаютъ мальчишки зимою. Чѣмъ болѣе вертится шаръ, тѣмъ больше онъ становится. Шарикъ превращается въ шаръ, шаръ въ шарище. Не прошло часа послѣ того, какъ Ванька представилъ на Московскомъ тротуарѣ, нѣчто похожее на Палестину, а уже не только кварталъ и ближнія улицы знали о болѣзни, о смерти Г-на Кохтина, но

вѣсть сія, какъ головни съ пожара, разлетѣлась далеко. Какъ это дѣлается? Весьма легко. Положимъ, что вѣсть родилась на Покровкѣ, и А. узналъ ее. Онъ ѣдетъ своею дорогою, въ Городъ, встрѣчаетъ Б. и В., сказываетъ имъ. Б. ѣхалъ на Арбатъ, а В. на Якиманку. Съ Арбата Г., услышавшій у Б., ѣдетъ въ Мѣщанскую; Д. съ Якиманки пускается въ Кожевники, а самъ А. говоритъ о вѣсти на Ильинкѣ. И вотъ, съ Покровки, въ два часа, отъ А, Б, В, Г, Д, ѣздившихъ за своими дѣлами вѣсть извѣстна уже, кромѣ самаго мѣста событія, въ пяти отдаленныхъ одинъ отъ другаго концахъ Москвы: на Арбатѣ, Якиманкѣ, Мѣщанской, Ильинкѣ, въ Кожевникахъ! А если А, Б, В, Г, Д, встрѣчали по нѣскольку человѣкъ, то какая прогрессія представляется въ распространеніи вѣсти! А если предположить хоть одного изъ нихъ такимъ, который ѣстъ и пьетъ не стаетъ, пока не объѣздитъ всѣхъ знакомыхъ, и не разскажетъ имъ?

Но, это мимоходомъ. Предлагаю на судъ читателей важное психологическое замѣ-

чаніе. Многое доказываетъ намъ, что кромѣ *пяти* простыхъ чувствъ, человѣкъ долженъ имѣть ихъ еще нѣсколько. Это таинственное чувство грусти, которое испытываетъ любовникъ, разлученный съ милою, когда грустно ей бываетъ; этотъ странный Магнетизмъ, посредствомъ котораго лечатся, читаютъ животомъ, и узнаютъ, что дѣлается за тридевять земель; эти таинственные сны, предвѣщающіе будущее; это *двойное зрѣніе* Шотландцевъ — кто изъяснитъ намъ все это, и сотню другихъ таинственныхъ чувствъ, чувствованій и ощущеній! Также неизъяснимо *чутье наслѣдства.* Едва-ли что нибудь найдется таинственнѣе, неизъяснимѣе того, какимъ образомъ угадываютъ наслѣдники смерть богатыхъ дядюшекъ и тетушекъ, какъ быстро успѣваютъ они являться, кстати и въ пору. Предметъ этотъ стоитъ изъясненій и разысканій подробнѣйшихъ....

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Суматоха.

Докторъ. *(заботливо)* Трите сильнѣе ноги!

Ключн. Изъ силъ выбилась.... *(плачетъ)* Охъ, ты, мой отецъ, благодѣтель ты мой, Фока Фокичъ! На кого ты меня покинулъ бѣдную на старости (Акулина посмотри: все-ли убралъ *онъ*).

Родственникъ. Ради Бога, любезный Докторъ! ради Бога.... Добрый дядюшка, незабвенный другъ мой (кажется, что все цѣло, а онъ точно умеръ).

Докторъ. Испытаемъ еще сильнѣйшія средства....

Ключн. Да на что-же, батюшка, его мучить еще? И то ему досталось столько, что если-бы онъ здравствовалъ, то, конечно, просилъ-бы пощады.

Докторъ. Ты не знаешь, голубушка, молчи, и дѣлай. Принесли-ль микстуру? Гдѣ-же цирюльникъ? Пятьдесятъ піявокъ къ сердцу и животу! Шпанскія мухи гдѣ? Поболѣе лепешку! Поставьте еще въ анте-

ку за спиритомъ, вотъ по этому рецепту....

Родственникъ. (Чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ не оживилъ его!) Кажется, есть признаки жизни? Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой! (помнится, въ этомъ углу стоялъ у него сундукъ — гдѣ-же дѣвался онъ?)

БЕСѢДА

У

СТАРАГО ЛИТТЕРАТОРА,

ИЛИ

УСТАРѢЛА СТАРИНА!

ДѢЙСТВУЮЩІЯ.

Старики литтераторы.

Родосовъ, *судія литтературный и писатель всего.*

Князь ****, *фабулистъ.*

Каринъ Григорьевичъ, *лирикъ.*

Яковъ Яковлевичъ, *нѣчто въ родѣ Лагарпа.*

Петръ Нарокитычъ, *переводчикъ стихами.*

Князь Т., *романистъ.*

N. N. *лицо безмолвное.*

Молодые литтераторы.

Филоѳей, *стихотворецъ.*

Леонидъ, *прозаикъ.*

Дѣйствіе въ домѣ Родосова.

БЕСѢДА

У СТАРАГО ЛИТТЕРАТОРА.

Филоѳей *и* Леонидъ, (*выходятъ изъ кабинета* Родосова).

Филоѳей. Надоѣли! Столъ былъ прегадкій. . . .

Леонидъ. Вино прескверное!

Фил. И Шампанскаго дали по три капельки!

Леон. И впереди — бесѣда о Литтературѣ — и съ кѣмъ?

Фил. Начавши пить изъ чаши глупостей, надобно допить ее до дна.

Родосовъ. (*входитъ*) А вы, господа, и ушли отъ насъ, стариковъ?

Фил. Мы хотѣли подышать здѣсь посвободнѣе. У васъ въ кабинетѣ такъ жарко, что подумаешь....

Лео. Не жаръ-ли вашей поэзіи нагрѣваетъ его, болѣе печей?

Родосовъ. Льстецъ! что ужъ теперь мой жаръ! Теперь ваше время....

Фил. Помилуйте! Музы вѣрны любимцу своему, и любовь ихъ никогда не спарѣется.

Родосовъ. Нѣтъ! я люблю пожарче кабинетъ, когда у меня сбирается мое литтературное общество; вѣдь на мои *Лонскіе обѣды*, какъ писалъ Николай Михайловичъ, приходитъ все народъ немолодой. Вы у насъ, господа, юные литтераторы, рѣдкіе гости! (*отворяя дверь кабинета*) Яковъ Яковлевичъ, Петръ Парѳеновичъ.... Ваше Сіятельство, Карпъ Григорьичъ.... просимъ-ка сюда — здѣсь просторнѣе!

Леонидъ. (*тихо Филовсю*) Вотъ *общія лица* нашей Словесности, со временъ Сумарокова до Жуковскаго и Пушкина! Всѣмъ вмѣстѣ столько лѣтъ, что творенія ихъ, конечно, не переживутъ и половины.

Шесть старыхъ литтераторовъ (*идутъ изъ кабинета. Самому младшему не менѣе 50 лѣтъ. Они смѣются, говорятъ между собою; иные садятся къ столу; другіе смотрятъ на термометръ*).

Князь. А вдохновеніе примѣтно на вашемъ лицѣ, Каринъ Григорьичъ?

Яковъ Як. А! 14 градусовъ тепла — хорошо!

Каринъ Григ. Да, признаюсь: мнѣ ваша мысль очень понравилась, и я желалъ-бы изобразить ее въ стихахъ.

Родосовъ. Господа! не выпить-ли намъ...

Филоокій (*тихо*) Слава Богу! догадался!

Родосовъ. Померанцовой воды? А?

Фил. (*тихо*) Нелегкая тебя возьми съ нею!

Як. Як. Выпъ! еслибы брусничной, я выпилъ-бы.

Родосовъ. (*звонитъ*) Подай померанцовой и брусничной воды! (*Леониду*) Я-бы васъ просилъ трубку, да Князь не терпитъ— у него тотчасъ капель....

Леонидъ. Я не охотникъ.

Петръ Паро. Князь привыкъ къ запаху розъ и ландышей. Ему-ли, нѣжному пѣвцу, любить табакъ!

Як. Як. Но Нѣмцы любятъ курить, а между тѣмъ пишутъ страстныя вещи. Недавно прочиталъ я переводъ, Француз-

скій, Шиллеровыхъ стихотвореній — есть прелестные!

Родосовъ. Признаюсь: я не подлюбливаю ихъ — столько нелѣпостей! Бочка дегтю и ложка меду.

Филоній. А, на примѣръ, *Фаустъ* Гёте?

Князь П. Не уже-ли вы его читали?

Фил. Признаюсь.

Родосовъ. Я не совѣтовалъ-бы вамъ портить вкусъ Нѣмцами. Они, во первыхъ, неблагопристойны. Какой дамѣ, спрашиваю васъ, прочтете вы Фауста?

Як. Як. Позвольте однакожъ за Нѣмцевъ немного заступиться. У нихъ были отличные писатели. Раллеровы Оды, Рабенеровы Сатиры — а Гиннеру подражалъ великій Ломоносовъ, и Оды его, которыхъ никогда не перестанутъ считать образцами, начаты съ Гиннеровыхъ Одъ.

Карпъ Григ. Объ Одахъ я съ вами поспорю. Ода Петрова для меня разнообразнѣе, живѣе Ломоносовской, *a la* Гиннеръ, и если-бы у Державина было болѣе вкуса....

Родосовъ. Вы любите Оды вообще!

Карпъ Григ. Да это, мнѣ кажется, вы-

сочайшее созданіе духа человѣческаго въ стихотворствѣ! Ода есть дитя восторга!

Князь Т. А Пѣсня и Романсъ, развѣ не дѣти восторга?

Князь О. Вотъ! Васъ задѣло за живое, Князь! Видно на ваши струны поѣхали!

Карнъ Григ. Какая-же разница! Восторгъ Оды пробуждаетъ звучный громъ пушекъ, возвѣщающій побѣду надъ врагомъ, или какое-либо подобное, счастливое, великое событіе. Поэтъ принимается за лиру, и служитъ отголоскомъ народнаго голоса.

Князь Т. А Романсъ является при взглядѣ на глаза прелестной — вы плѣнены, вы бѣжите домой, въ уединеніе, схватываете Менестазія, Парни, Милльвуа— положимъ даже, Шиллера, и, подражая ихъ звукамъ — заставляете прелестную плакать, то упрекая ее: «*Наконецъ, твои обманы!*» то горюя о любви: «*Ахъ! когда-бъ я прежде знала!*» то стремясь передать страсть свою неодушевленнымъ предметамъ — «*Поля лѣса густые!*... то, наконецъ, блаженствуя въ любви: «*Мы желали, и свершилось!*

Родосовъ. Браво, браво! И какую вы истину объясняете, касательно подражанія! Точно: надобенъ восторгъ; этотъ восторгъ ищетъ образцовъ, и найдя, выражаетъ ихъ, такъ, какъ сіи образцы выражены. Тогда-то является Изящное, и чистый вкусъ переходитъ изъ рода въ родъ. Прекрасно!

Карпъ Григ. Но какъ-же однакожъ сравнивать съ этимъ Оду?

Петръ Паро. Для меня, Мм. Гг., все равно хорошо, и я держусь одного: *всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго!*

Родосовъ. И *Романтическаго* — Богъ съ нимъ!

Яковъ Яковл. Позвольте мнѣ возразить. Я не отвергаю и Романтизма.

Петр. Паро. И я тоже. По моему, всѣ нынѣшніе споры — пустые. Нѣтъ ни Классицизма, ни Романтизма — есть одно: *хорошее.*

Родосовъ. И я готовъ сознать это, готовъ согласиться, что въ Романтизмѣ есть хорошее, но его надобно искать,

какъ искалъ пѣнухъ Езоповъ жемчужину— помнишь, гдѣ!

(*Всѣ смѣются*)

Князь О. Когда, въ тоже время, передъ вами, съ другой стороны, чистый, отобранный жемчугъ — извольте только назвать! Корнель, Расинъ, Вольтеръ, Кребильонъ въ Драмѣ, Малербъ, Буало, Лебрёнъ въ Одѣ, Шолье, Лафаръ, Менастазій въ Пѣснѣ, Лафонтенъ, Флоріанъ въ Баснѣ, или хотя изъ Англичанъ: Грей, Томсонъ, Попе, или изъ Нѣмцовъ: Виландъ, Клопштокъ, Раммлеръ....

Философъ. Судя по этому, не должно-ли полагать, Ваше Сіятельство, что нынѣ люди съ ума сошли, ибо вы не упоминаете ничего, что явилось въ послѣднія 50 лѣтъ, особливо 25 лѣтъ?

Князь О. Вы немного рѣзко выражаетесь, и я самъ, извините, буду рѣзко говорить. Кромѣ немногихъ исключеній, разумѣется, все, что явилось въ послѣднія 30, 40, 50 лѣтъ, есть чадъ, бредъ, круженіе головъ. И причина понятна: это

порожденіе революціоннаго духа, который скоро долженъ пройдти.

Филоѳей. Но Гёте, Шатобріанъ, Пушкинъ, никогда не были революціонерами, а между тѣмъ они Романтики?

Князь О. Да, вотъ и наши товарищи, Яковъ Яковличъ и Петръ Паровитычъ, тоже Романтизма не отвергаютъ. Отъ чего? Отъ того-же, отъ чего во время Революціи бунтили и добрые люди; но Революція прошла и они одумались, и сдѣлались ультра-роялистами. Посмотрите, если Пушкинъ вашъ не станетъ писать Одъ Классическихъ, когда будетъ постарше.

Як. Як. Прошу простить, но ваше изъясненіе невѣрно. Романтизмъ не чадъ Революціи, ибо передъ кѣмъ стоятъ Романтики на колѣняхъ? Передъ Шекспиромъ, Дантомъ, Кальдерономъ, а всѣ эти люди —умерли до Французской Революціи!

(*Всѣ смѣются*)

Родосовъ. Остро, Яковъ Яковличъ, но опять таки несправедливо. Давно-ли стали читать Шекспира? Именно передъ

Революціею, когда умы пришли въ броженіе. Переходя по разнымъ степенямъ, Поэзія дошла наконецъ до самой низшей степени безумства. Спрашиваю: можно-ли позволить наконецъ себѣ такія творенія, какъ Бейроновъ *Каинъ*, Гетевъ *Фаустъ*, Шиллеровы *Разбойники*? Господа! воля ваша! Не жалуйтесь на Цензуру: вѣдь не льзя-же пропустить!

Яковъ Яковл. Но развѣ Пирона, Лафонтеновы Сказки, Орлеанку пропустить можно?

Князь Т. Ахъ! какая прекрасная мысль! Именно, вполнѣ не льзя, но брать изъ нихъ золото—можно! Такъ и съ Романтизмомъ должно поступать. Его не пропустить пономенно, а возьмемъ изъ него только одно хорошее.

Родосовъ. Обратясь къ истинно-изящному.

Петръ Пиро. Вотъ, не то-ли я говорилъ! Нѣтъ ни Классицизма, ни Романтизма, а одно хорошее, и оно есть вездѣ. Я самъ перевелъ нѣсколько Арабскихъ и Мадекасскихъ пѣсенъ — изъ Миллвуа.

Князь Т. И какія прелестныя пѣсни!

Филоѳей. Поэзія послѣдняго полувѣка, Поэзія всей Европы — не уже-ли это все было безуміе?

Родосовъ. *Мы* такъ думаемъ, и повѣрьте, что безуміе это пройдетъ: останется добро.

Фил. Но *Классическіе* образцы, какъ ни-будь созданы-же, если и допустить вѣчность ихъ?

Родосовъ. Да какъ создался міръ? И вотъ уже 7,000 лѣтъ стоитъ онъ, и только измѣняются въ немъ подробности, а самъ онъ все одинъ и тотъ-же.

Фил. Слѣдовательно, вы изволите допускать только однообразное качанье маятника въ Поэзіи, когда все и всегда должно оканчиваться подражаніемъ однимъ и тѣмъ-же образцамъ?

Родосовъ. Почти такъ, но не совсѣмъ. Представьте вы себѣ Математику. Изъ ея формулъ вы не выйдете никогда: счетъ безконеченъ, а все дважды два четыре, дважды три шесть. Образцы извлекли правила изъ природы — это дважды два; вамъ остается слѣдовать имъ, и творить. Такъ Виргилій подражалъ

Гомеру, Виргилію Тассъ и Вольперъ, Вольперу и Тассу Херасковъ, Хераскову Грузинцовъ — формы неизмѣнны, сударь, какъ ни хлопочите!

Петръ Иваг. Именно, а между тѣмъ люди шалятъ, буянятъ, сбиваются съ толку; изъ твореній этихъ шалуновъ надобно выбирать хорошее.

Князь О. Можно даже вполнѣ ихъ перерабатывать. Такъ украшали грубыя сочиненія Шекспира, Шиллера, и другихъ, Вольтеры, Дюсисы, Лебрёни.

Философъ. Но какимъ-же образомъ создавать свою Поэзію, народную?

Родосовъ. То есть, *національную*, хотите вы сказать, ибо *народная* что такое? Грубыя, мужицкія пѣсни, сказки, отъ которыхъ въ хорошемъ обществѣ расхохочутся! Національная Поэзія создается точно такъ, какъ создается просвѣщеніе народное. Обыкновенно, сперва заводятъ Академіи, Университеты, призываютъ иностранцевъ, учатся у нихъ, потомъ заступаютъ сами ихъ мѣста, и, продолживъ такимъ образомъ лѣтъ сто, дѣлаются просвѣщенны и образованны. Если при-

потомъ есть поощренія, награды, то усиливаются просвѣщеніе, литература, образованность—является вѣкъ Людовика XIV-го, или Екатерины—геніи размножаются во всѣхъ родахъ. Такъ и національная Поэзія. Сперва начитываются образцовъ; потомъ переводятъ ихъ; потомъ творятъ по симъ образцамъ. Наконецъ обращаются и къ своимъ предметамъ, отечественнымъ, облагороживаютъ ихъ, совершенствуютъ, ибо грубая природа не есть Изящное. Съ тѣмъ вмѣстѣ, свѣтскіе люди принимаются за языкъ и вычищаютъ языкъ; является общій вкусъ—и національная Поэзія создана!

Петръ Паро. Вы превосходно объяснили, превосходно!

Родосовъ. (*съ самодовольствомъ*) Какъ умѣлъ.

Яковъ Як. Нѣтъ, точно такъ. Наша Русская Словесность точно такъ и была. Только быстрые успѣхи ея надобно приписать удивительной смѣлости нашихъ великихъ писателей. Вообразите, что еще Сумароковъ осмѣливался творить, и уже бралъ предметы отечественные, а потомъ М. М. Херасковъ, и другіе.

Родосовъ. Однакожъ, они поступали весьма осторожно; притомъ строго держались они образцовъ; наконецъ, отечественнаго было брано ими немного, ано болѣе они подражали и переводили. Объ Одахъ я не говорю—ну! это восторгъ; но Пѣсни и Романсы, Трагедіи и Комедіи, Поэмы—все почти были переводы или подраженія. Кантемиръ списывалъ Буало, Богдановичъ Лафонтена, Княжнинъ Расина и Корнеля....

Филоосф. Слѣдственно, пора приняться за свое родное подѣятельнѣе? Я думаю, къ этому и стремятся теперь Русскіе поэты.

Родосовъ. Извините: мы, старики, любимъ говорить правду, а вы принадлежите къ молодымъ, нынѣшнимъ поэтамъ...

Фил. Я только что начинаю, и съ уваженіемъ выслушаю совѣты почтеннаго, заслуженнаго литтератора.

Родосовъ. Такъ я вамъ доложу, что нынѣшняя ваша Романтическая Поэзія—извините—есть плодъ всеобщаго головокруженія. Вы оставили истинные образцы, взялись за Романтизмъ, и я того и жду, что Шекспиръ явится на театрѣ, а въ

концертахъ, вмѣсто кантатъ, спатуютъ пѣть баллады о мертвецахъ... Критика превратилась Богъ знаетъ во что: порядочному человѣку писать не льзя! Нѣтъ никакого уваженія къ чинамъ: и генерала и студента ставятъ на одну доску — старикамъ во все не слушаютъ...

Филоѳей. Развѣ прежде не такъ бывало?

Петръ Каро. Прежде! Боже великій! Прежде начиналось тѣмъ, что поэту давали уроки вѣжливости, приличности, нравственности, въ обществѣ дамъ и свѣтскихъ лицемѣровъ. Онъ робко начиналъ писать, просилъ у всѣхъ совѣта, старался войдти въ литературное собраніе. Журналовъ было иногда мало, и появленіе новаго поэта въ Журналѣ, *Аонидахъ*, или чтеніе стиховъ его въ рукописи извѣстнымъ покровителемъ Наукъ, пригласившимъ его къ столу, было уже началомъ его торжества. Потомъ, поэтъ, по мѣрѣ полученія чиновъ, шелъ далѣе, и далѣе. И какія дарованія блестящія являлись.... Боже мой!

Яковъ Яковл. А критики бывало слова не оставятъ безъ замѣчанія, и не точнаго

выраженія не допустятъ. И все это выслушивается бывало съ почтеніемъ, все перемѣняется, очищается. Я помню, что первую мою Басню я переписывалъ шесть разъ, пока рѣшили, что ее можно напечатать.

Князь О. Да, да, помнишь, когда я написалъ: «*Чижа повѣсили, и въ клѣткѣ дорогой, его, насыпали пшеничы золотой* — какъ нѣжно и остроумно дѣлалъ мнѣ замѣчанія почтеннѣйшій N. N., что *чижа повѣсили* — двусмысленность, и пшеницею чижиковъ не кормятъ!

Яковъ Як. Какъ-же, помню, помню...

Родосовъ. Да что мы, господа, ничего не прочтемъ?

Леонидъ. (*задумавшій, и едва удерживавшійся отъ сна, вздрагиваетъ при сихъ словахъ, и тихо говоритъ Филосею:* Спасайся! Бѣда!)

Филосей. Извините, мнѣ должно поспѣшить...

Леонидъ. И мнѣ...

Родосовъ. Куда-же это? Какъ?

Филосей. Насъ звала тетушка Ѳедосья Мироновна — чувствительно благодаримъ васъ....

Родосовъ. Просимъ впередъ жаловать...

(Филоей и Леонидъ поспѣшно уходятъ)

Князь Т. Что это у васъ была за молодежь?

Родосовъ. Молодые люди, оба съ дарованіями.

Яковъ Як. И, кажется, скромные. Ихъ можно-бы вамъ поруководствовать.

Родосовъ. Я и намѣренъ. Думаю, что сегодняшній урокъ будетъ имъ достопамятенъ.

Петръ Паро. Вы говорили прекрасно, опредѣлительно, точно.

Родосовъ. Да, помилуйте, вѣдь мы читывали и Блера, и Баннё, и Лагарпа. Правила всѣ тамъ—я только приложилъ ихъ къ разнымъ предметамъ.

Яковъ Як. Боже мой! Нынѣ что пишутъ и говорятъ!

Князь О. Страхъ! Недавно мнѣ попалась трагедія новая. Что вы думаете? *Гамлетъ* Шекспира—слово въ слово, со всѣми нелѣпостями.

Яковъ Як. А пресловутый ихъ Пушкинъ, вообразите, описалъ, какъ утопленникъ

плылъ по рѣкѣ, и потомъ приходилъ ночью къ мужику!

Петръ Паро. Въ трагедіяхъ герои родятся и спарѣются на сценѣ—то именно, надъ чѣмъ смѣялся Буало!

Родосовъ. Перестаньте, господа, перечислять всѣ нынѣшнія нелѣпости. Это временное головокруженіе, остатки Революціи—всѣ пройдетъ. У насъ онъ того съ ума сходитъ, что въ Парижѣ сошли съ него уже въ 1789 году.

Яковъ Як. А между тѣмъ будемъ поддерживать чистый вкусъ и правила Изящнаго собственными трудами. Я принимаюсь за полный переводъ Лагарпова Лицея.

Князь Т. Я издамъ двадцать моихъ новыхъ романсовъ—переводы съ Французскаго и Итальянскаго.

Петръ Паро. У меня скоро кончится переводъ Эсменаровой поэмы: La Navigation

Карпъ Григ. Я поддерживаю свое: мое назначеніе—*Лирическая Поэзія*, и вотъ доказательство того, что и въ нынѣшнее время есть послѣдователи истинной Поэзіи, т. е. изящной, *Классической* (*быстро*

выхватываетъ изъ кармана тетрадь, развертываетъ, кашляетъ, и, не давъ никому опомниться, начинаетъ):

ОДА,

НА СВИРѢПСТВОВАВШУЮ ВЪ МОСКВѢ БОЛѢЗНЬ, ХОЛЕРУ.

Отъ странъ Гангеса отдаленныхъ,
Отъ дальныхъ Индіи морей,
Горящимъ Югомъ возмущенныхъ,
Явилась — бичъ, гроза людей....

(*и такъ далѣе* — 102 *строфы*).

БЕСѢДА.

У

МОЛОДАГО ЛИТТЕРАТОРА,

ИЛИ

СТАРЫМЪ БРЕДИТЪ НОВИЗНА.

БЕСѢДА

У МОЛОДАГО ЛИТТЕРАТОРА.

Филоѳей *и* Леонидъ (*входятъ въ комнату, въ домъ Сплетнина. Въ другой комнатѣ слышно множество голосовъ*). Филоѳей. (*прислушивается*) Голосъ и хохотъ Талантина, пищанье Аріоснова, надутые возгласы Оріенталина.... Леонидъ! поѣдемъ отсюда поскорѣе!

Леонидъ. Что за вздоръ? Куда?

Фил. Куда нибудь, только подалѣе отъ этого сборища литтераторовъ.

Леон. Не самъ-ли ты звалъ меня къ Сплетнину?

Фил. Да, потому, что люблю иногда слушать его болтовню о литтературныхъ сплетняхъ, какъ любятъ иногда поговорить съ разнощицею, торговкою, Московскою свахою. Но я не зналъ, что здѣсь собрались сего дня юные литтераторы—Прощай, я бѣгу!

Леон. Что за трусость! ха, ха, ха!

Фил. Я ихъ, какъ огня, боюсь. И что

за радость и тебѣ убивать съ ними время?

Леон. Какой вздоръ! ты слышишь по голосамъ, что здѣсь собрался *сокъ лучшей молодежи*. Вѣдь здѣсь общество не хуже Родосова...

Фил. Хуже: тамъ только скучно, а здѣсь несносно; тамъ только смѣешся, здѣсь невольно разсердишся...

Сплетникъ. (*выходя*) Кто тамъ? Вы-ли это Купленникъ? Что новаго?

Фил. Попались!

Сплетн. Ба, ба, ба! Небывалые гости: Г-нъ Леонидъ, Г-нъ Филоѳей! Ну къ намъ, къ намъ скорѣе, въ нашу бесѣду! Что новаго? Что слышно? Слышали-ль вы (*скоро*): Пушкинъ нечаянно окончаніе *Онѣгина*; онъ-же издаетъ теперь *Сѣверные цвѣты; Альціона*, говорятъ, вышла....

Леон. Здоровы-ли вы?

Сплетн. (*скоро*) Булгаринъ возвратился въ Петербургъ, и пишетъ еще романъ; въ Москвѣ будутъ изданы алманахи....

Фил. Кто у васъ тамъ?

Сплетн. (*скоро*) *Сѣверная брусника, Падучая звѣзда, Бѣлена, Литтературный колодецъ*... Знаете-ли: кто Косичкинъ, кто

издалъ *Повѣсти* Бѣлкина, кто написалъ *Вечера на хуторѣ*, кто издалъ... (*кашляетъ*)

Фил. Ондохнипе, ондохнипе!

Силети. (*стараясь прокашляться*) Булгаринъ... Пушкинъ... говорятъ... тьфу, проклятый кашель!

Райберинъ. (*входя*) Гдѣ-же ты, Силетинъ? Поди, братецъ, ни табаку, ни вина нѣтъ!

Силети. Что вы? Да сей часъ принесли бутылку, и цѣлый карпузъ подали—

Райбер. Кончено!

(*Слышны громкіе крики:* Браво! Charmant! Славно! *Двери изъ внутренней комнаты настежъ распахнулись. Густой табачный дымъ валитъ оттуда облаками, и съ хохотомъ, съ шумомъ бѣгутъ:* Талантинъ, Аріостовъ, Ориенталинъ, Шампанинъ, Эпитетинъ)

Райбер. Что у васъ тамъ?

Всѣ. Чудо, браво, славно!

Силети. Да что такое? Что такое?

Шамп. Талантинъ экспромптомъ сочинилъ эпиграмму на Иголкина—чудо, что за остроша! Ахъ, чортъ его возьми! Что за таланнъ!

Эпит. Признаюсь: попасться подъ его перо—ужасно!

Райбер. Прочти скорѣе!

Талант. Что вы присвали! Слушать-же.

Корчи харю философа,
Сухопарый кривикъ мой!
Я молчу: въ отвѣтъ ни слова;
Не раздѣлаюсь съ тобой!
Съ длинно-ухими ослами
Насъ дубина разочтетъ,
И съ тобою, не стихами —
Палкой кончу я разсчетъ!

(громкій хохотъ)

Сплетн. Батюшка! дай списать!

Фил. Это, кажется, можно и не эпиграммою назвать...

Райбер. *Да, что задѣло до названья.* Славно! напечатать—

Леон. Да не напечатаютъ.

Тал. Когда знать будутъ, что я написалъ? Что вы это! Я пошлю къ В. В. или къ N. N.

Леон. Какъ вамъ не стыдно у нихъ печатать!

Тал. А мнѣ что? Вѣдь имени не будетъ.

Леон. Но...

Райв. Что за *но*! Полно намъ пыть.

Ариост. Послушайте, однакожъ: тутъ есть *дисгармонія*. Я такъ привыкъ къ гармоническимъ стихамъ Петрарки, что худая рифма заставляетъ мою голову трещать.

Патриот. Что такое васъ тутъ оскорбляетъ?

Ариост. Рифма, рифма: *Философа*, *слова* — нехорошо!

Шамп. Какая нелѣпость! Развѣ самъ Пушкинъ не употребилъ: *шалъ*, *балъ*, *Мадонъ*, *небосклонъ*?

Многіе голоса. Это привязки! Это *Классицизмъ*! Les perruques, les perruques! — Стыдитесь!

Ариост. Я Классикъ? Что вы это! Да, Боже меня сохрани!

Фил. Я осмѣлился-бы замѣтить, что эпиграмма немножко рѣзка.

Многіе голоса. Какъ рѣзка? Что за скромность! Классицизмъ, Классицизмъ опять.

Эпит. Такія-ли эпиграммы бывали у насъ рѣзкія. Помните-ли-:

То-то сѣчь-бы, то-то драть-бы,
Съ приговоркой: »Ахъ! уродъ!«

Шамп. (*Талантину*) А вѣдь пиоя, говорятъ была эта, какъ бишь....

Ариост. Воля ваша, а *Философа* и *слова* нехорошо, въ наше время, когда пишутъ такъ прелестно.

Орient. Скажите: когда въ каждомъ словѣ хорошаго поэта заключается мысль....

Фил. Въ каждомъ словѣ? Это много! Мнѣ случалось иногда читать цѣлыя поэмы, въ которыхъ не было ни единой мысли.

Шамп. Да когда-же не печатали и вздору? Но великіе поэты наши, наши геніи— о, это чудо!

Мног. голоса. Чудо, чудо!

Талант. На нихъ и должно намъ смотрѣть. Геній идетъ впереди толпы, свѣтелъ, какъ солнце.... mais, потомъ, la masse vient, la masse, avec ses préjugés, ses idées reçues et non acquises, la masse, qui

n' opère jamais sur des faits avec sa propre opinion, et cette masse....

Эпит. Возьмите, какіе угодно, стихи нашихъ великихъ поэтовъ, и тутъ вы убѣдитесь тотчасъ, что никогда Поэзія Русская не восходила на такую высокую степень.... Напримѣръ:

Вотъ сердца горестныхъ замѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній
Небрежный плодъ. Моихъ забавъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ —
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Ну! такъ и быть—рукой пристрастной,
Высокихъ думъ и простоты,
Поэзіи живой и ясной,
Святой исполненной мечты,
Достойнѣе души прекрасной,
Залогъ достойнѣе тебя,
Хотѣлъ-бы я тебѣ представить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Не мысля гордый свѣтъ забавить....

Многіе голоса. Это Пушкинъ, Пушкинъ! Соловей, чудо! Что Байронъ передъ нимъ

Тал. Да ты прочиналъ стихи его задомъ напередъ!

Эпит. Какъ? Ахъ! въ самомъ дѣлѣ!...

Тал. Ха, ха, ха! Видно у тебя въ головѣ запуманилось.

Орient. А все хорошо, превосходно. Вотъ, господа, доказательство тожества мыслей и словъ....

Ариост. Ай! *тожество* — что за слово! Ради Бога, далѣе Нѣмецкую Философію!

Райв. Чортъ ее возьми! Какой поэтъ былъ философомъ....

Фил. Но Эстетика....

Тал. Эстетика, Эсоетика! Да что такое поэтъ? c'est une espèce d'homme pour qui le monde réel est comme s'il n'existait pas; dupe de son imagination, il se laisse aller à mille brillantes chimères sans que, ni le désappointement, ni les leçons plus douces de l'expérience, l'en puissent désabuser. Crédule et capricieux enfant, il ne s'attache à aucune idée; c'est n'est pas une tête, c'est une âme ouverte à toutes les émotions. La paix, la guerre, le mal, le bien lui sont indifférens; à toute chose il cher-

che le côté des images, et jamais la raison ni la cause....

Шамиан. (*обнимаетъ Талантина*) Ты геній, брапецъ, ты геній!

Фил. (*тихо*) Изъ какой это книжки чипаетъ онъ наизусть свою Французскую галиманью? Не тотъ-ли это самый Родосовъ, надъ которымъ они смѣются, только въ другомъ видѣ?

Орient. За что я привязался къ моему Востоку? За то именно, господа, что это земля Поэзіи. Мыслей — тма; правилъ нѣтъ, эпитетовъ тысячи....

Твой взоръ, какъ пальма Ливанона,
Горитъ и блещетъ, какъ сандалъ....

Райб. Но что твой Востокъ противъ Запада? Рыцари, Испанскіе романсы, Нибелунги.

Ариост. А гармоническіе звуки Петрарки, Марини, Гольдони, Монти.... Ахъ! сколько звуковъ!

Шам. Для меня Шиллеръ лучше всего! Какъ бишь оно: Kennst du das Land.... Забылъ!

Фил. Это романсъ Гёте.

Шамп. Нѣтъ! Шиллеровъ: я знаю Германскую литтературу, довольно порядочно.

Райв. Да что-жъ ты извлекъ изъ этого знанія?

Талант. Увѣренность, что геній творитъ правила, а толпа должна слѣдовать за геніемъ. Шампанитъ геній, а мы толпа.... ха, ха, ха!

Энит. Слушай, Талантитъ! Смиреніе хуже гордости....

Тал. Какое смиреніе?

Энит. Будто ты не сознаешь своего огромнаго дарованія — это грѣхъ тебѣ!

Тал. Что-жъ я буду сознавать?

Шамп. Укажи намъ: кого поставитъ ты выше себя изъ прежней Русской Поэзіи?

Тал. Никого, но это доказываетъ, что мы выше старикова тиномъ, или кадромъ своего образованія....

Фил. Но и прежній вѣкъ являлъ намъ людей — едва-ли не геніевъ....

Энит. Знаю напередъ за что вы уцѣпитесь, и хотите-ли, подскажу вамъ: Державинъ?

Многіе голоса. Фи! Онъ писалъ Оды! Оды — какая дрянь!

Фил. Но и Пиндаръ Оды писалъ....

Тал. Пиндаръ?

...Monsieur sait du grec! ach! permettez, de grâce,
Que, pour l'amour du grec, monsieur, on vous embrasse!

(*общій хохотъ*).

Райв. Друзья! не начать-ли намъ снова писать Оды?

Аріост. Идиллій, Эклоги....

Шамп. Рондо, Сонеты! Вѣдь была-же глупость: вѣрили Буало, а дуралей говорилъ — Un sonnet sans défauts vaut seul un long poème...

Эпит. Нѣтъ, ужъ если приниматься за старое, такъ начнемъ-ка Басни писать.

Орient. Акростихи, Дисстихи, Тріолеты...

Райбер. Полно говорить нелѣпости. Послушай, Талантинъ: я принялся за огромный трудъ.

Тал. Началъ Балладу о чортѣ въ красныхъ башмакахъ? Прочти, прочти!

Райв. О, вздоръ какой! Совсѣмъ не то — я передѣлываю Гетева Фауста.

Многіе голоса. Браво!

Райв. Знаешь-ли: какая свѣжая идея у меня явилась? Я представляю, что Мефистофель, показавъ Фаусту Маргариту, въ нее самъ влюбляется...

Тал. Ахъ! какая славная идея! Ну!...

Патріотовъ. (*входитъ*) Господа! полно вамъ германить: пора принимаиься за отечественное.

Тал. Отечественное? Да что ты изъ него сдѣлаешь?

Фил. Изъ Русскаго ничего и не должно дѣлать, потому, что оно уже сдѣлано.

Тал. Что вы подъ этимъ разумѣете?

Фил. То, что Русь создала уже свою Поэзію, Поэзію высокую...

Эпит. Не *Россіяду*-ли Хераскова вы разумѣете, подъ именемъ созданной уже Русской Поэзіи?

Ариост. Нѣтъ! вѣрно *Разсвѣтъ полночи*, Боброва.

Фил. Не изъ Петрарки-ли эта эпиграмма?

(*Общій хохотъ*)

Патріот. Я, какъ Романистъ, свое дѣло дѣлаю. *Русскій* Историческій романъ скоро

будетъ у меня готовъ... Я назвалъ его: *Битва Березинская*. Происшествія вѣрны, какъ Исторія. Пожаръ Москвы взялъ я изъ аѳфинскъ Растопчина, а всѣ сраженія описываю по тогданнимъ реляціямъ. Мои собственныя прибавки дышатъ пламеннымъ патріотизмомъ.

Тал. Я люблю твои романы, потому, что если у тебя что и не такъ, за то выкупаешь ты какимъ-то Русскимъ гуморомъ...

Эпит. *Онъ вретъ и покраснѣетъ*! Вотъ похвала ему.

Патр. Да въ чѣмъ-же и искусство Романиста? Надобно умѣть разовраться. Но я всегда мѣчу въ Русское сердце, и попадаю удачно. Вотъ и въ новомъ моемъ романѣ, сцена, гдѣ Наполеона Русская баба бьетъ башмакомъ, и другая, гдѣ у Маршала Нея голодная кошка выхватываетъ жареную ворону... Величіе Наполеона, пирамиды, Іена, Маренго, и—Русская баба...я самъ любовался!

Тал. А будутъ-ли у тебя дураки, юродивые? Это необходимо, и ты-же ихъ такъ мило описываешь.

Патр. Какъ-же безъ нихъ! Я выхожу на сцену слѣпаго, юродиваго, который ворожитъ Наполеону, и говоритъ ему: «Бойся Алёны, да того, кто на крылатой лошадкѣ ѣздилъ!»...

Тал. Браво! Бедлерофонтъ и островъ Св. Елены...

Райв. Нѣтъ! я тебя выше стану съ моимъ юродивымъ.

Тал. А! ты видно мою идею взялъ?

Райв. Да, я тебѣ за нее благодаренъ.

Тал. Есть за что? L'idée est un drapeau qui ne peut rien s'il a'n pas une armée sous lui. Ты мое войско—тебѣ и слава!

Многіе голоса. Что-же такое? Что такое?

Райв. Я дѣлаю юродиваго первымъ лицомъ моей Трагедіи: *Салосъ, или паденіе Пскова.* Сидя на палочкѣ верхомъ, ѣдетъ онъ къ Іоанну Грозному, и читаетъ Гамлетовъ монологъ, примѣненный къ Пскову:

Такъ: быть или не быть свободѣ Пскова?
Вотъ мой вопросъ!...

Мног. голоса. Браво! Quelle idée!

Фил. Кажется, вы говорили, что Литтература наша шагнула впередъ?

Тал. Какое-жъ сомнѣніе!

Фил. Я не только теперь не сомнѣваюсь, но увѣряюсь совершенно, слыша высокія изобрѣтенія юныхъ поэтовъ...

Силети. (*тихо*) Ты попроси-ка еще прочитать его свое что нибудь. Вѣдь онъ скупъ на чтеніе, а у него пропасть.

Ариост. Я изъ Данте перевелъ размѣромъ подлинника пять строфъ...

Шами. Семь пѣсенъ Беранже у меня совсѣмъ готовы.

Орient. Я скоро стану уже печатать свою Арабскую поэму — подражаніе второй сказкѣ изъ Лалла-Рукъ...

Патр. Моя *Битва Березинская*...

Тал. (*Эпитстину*) Ты что молчишь, мой Фальстафъ Макбетовичъ?...

Эпит. Погоди... планъ новой поэмы... такъ... нѣтъ... основаніе взять изъ Гяура; дѣйствіе перенести на Кавказъ; началомъ будетъ разговоръ Ромео и Юліи... потомъ ввести Миньону, похищенную Черкесами....

Куплетинъ. (*вбѣгаетъ*) Друзья! побѣда! ура! Силенинъ! давай Шампанскаго?

Орient. Что: удача?

Куплет. Чудо, говорю вамъ! Рукоплесканіямъ конца не было... Ну, ужъ спуденты, молодцы! — Такъ рабопали, что только стѣны дрожали.

Тал. И ты былъ вызванъ?

Фил. Что такое съ вами сдѣлалось?

Купл. Мой новый водевиль принятъ съ восторгомъ.—Я сей часъ изъ театра — что за шумъ! Друзья мои! пріятна слава.

Ариост. А сколько билетовъ было раздано студентамъ?

Купл. Въ раекъ сто, да въ креслы пятьдесятъ.

Тал. Разскажи-жъ поскорѣе...

Сплетн. Пойдемъ-те, господа, въ ту комнату — тамъ уже все готово...

Тал. Ну, ну, пойдемъ...

Веди меня, пустынь житель,
Святой анахоретъ!

Фил. Гдѣ Леонидъ мой дѣвался?

(*Всѣ, кромѣ Леонида и Филоѳея, уходятъ*).

Леон. (*лежа на диванѣ*) И вонъ *валитъ кабакъ*... Филоѳей! ты ищешь меня?

Фил. Ты здѣсь? Что съ тобой?

Леон. У меня зубы заболѣли съ самаго пріѣзда, и я пролежалъ на этомъ диванѣ— все слушалъ, и все слышалъ!

Фил. Поѣдемъ поскорѣе!

Силети. (*выглядывая изъ дверей*) Господа! что-же вы? Тма новостей... идите скорѣе (*уходитъ*)...

Леон. Сей часъ, сей часъ! (*Филосю*) Уѣдемъ, ради Бога! Избавь скорѣе... избавь отъ поэтовъ и зубной боли....

(*поспѣшно уходятъ*).

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

И

СОВѢТНИКИ.

БЫЛЬ НЕ БЫЛЬ, ОДНАКОЖЪ И НЕ СКАЗКА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Графъ Рѣшимовъ, *Предсѣдатель Коммиссіи.*

Кальинъ, *Секретарь его.*

Дудкинъ,
Думовъ,
Бріоховъ,
Незнаевъ,
Хитровскій,
Чижичковъ,
Шумовъ,
Валетовъ,
Холоповъ,
Книксинъ.
} *Члены коммиссіи, люди разныхъ званій.*

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ и СОВѢТНИКИ.

Графъ Рѣшимовъ *и* Кальинъ (*входятъ въ въ залу присутствія.*)

Графъ. Готовы-ли у васъ бумаги?

Кальинъ. Всѣ готовы, Ваше Сіятельство.

Графъ. Разумѣется, вы приготовили и приговоръ, по той запискѣ, которую я вамъ передалъ?

Кал. Ваше Сіятельство.... изволили....

Графъ. Что это значитъ? Отъ чего ваше замѣшательство?

Кал. Я осмѣливаюсь доложить.... можетъ быть....

Графъ. Говорите безъ обиняковъ, и поскорѣе. Вы знаете, что мнѣ некогда. Я долженъ присутствовать сегодня еще въ трехъ Комитетахъ и Коммиссіяхъ, и, если можно, поспѣть послѣ того къ обѣду Графини Знахаревской.

Кал. Я приговорилъ вчерне приговоръ, присовокупивъ обыкновенныя формы въ началѣ и концѣ той записки, которую вы изволили вручить мнѣ.

Графъ. И прекрасно сдѣлали. Прикажите-жъ переписать, и положите между бумагами, приговоренными къ чтенію.

Кал. Объ этомъ-то и хотѣлъ я доложить; изволите-ли приказать переписывать? Можетъ быть, будетъ учинена какая нибудь перемѣна, надобно будетъ прибавить, убавить, или перемѣнить.

Графъ. Я не понимаю, Г-нъ Кальинъ, съ чего вамъ вздумалось *толковать* то, что было вамъ именно *приказано*?

Кал. Приписываю это усердію моему къ Вашему Сіятельству.

Графъ. Если-бы я не былъ увѣренъ въ вашемъ усердіи, и желаніи быть исправнымъ, хорошимъ чиновникомъ, то... вы знаете, что я не люблю неточности въ исполненіи.

Кал. Простите меня, Ваше Сіятельство, но я долгомъ моимъ почитаю извѣстить васъ, что Члены Коммисіи, кажется, хотятъ составить сильную оппози-

цію. Не смотря на совершенную увѣренность въ справедливости вашихъ предложеній, осмѣливаюсь думать, что успѣхъ разсужденія съ ними можетъ быть...

Графъ. *Сомнителенъ*—вы думаете?

Кал. Едва-ли *возможенъ* даже.

Графъ. (*улыбаясь*). Г-нъ Кальинъ! вы человѣкъ молодой. Мнѣ пріятна ваша откровенность; но неопытность ваша невольно заставляетъ меня смѣяться.

Кал. (*оскорбясь*) Можетъ быть, Ваше Сіятельство изволите полагать, что мое къ вамъ усердіе видитъ затрудненія тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ?

Графъ. (*спокойно нюхая табакъ*) О, нѣтъ! вы *неопытны еще*—и только!

Кал. (*хитро*) Я старался, Ваше Сіятельство, вывѣдать и узнать мысли и предположенія Г-дъ Членовъ, и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Не смѣю хвалиться опытностью, но... двое изъ Членовъ читали даже мнѣ свои мнѣнія... достигнуть этого было нелегко.

Графъ. Ха, ха, ха! Сколько-же вы принимали труда по пустому! Что, я думаю, написаны Богъ знаетъ какія диковинки?—

Приготовьте-же всѣ бумаги, и приговоръ переписанные на бѣло. (*Смотритъ на часы*) Черезъ часъ я буду здѣсь — они скоро начнутъ съѣзжаться.

(*уходитъ*)

Кальинъ. (*раскладывая бумаги*). Неопытенъ! Посмотримъ, *опытный* человѣкъ, какъ ты уладишь съ этими людьми! Вѣдь это не то, что подчиненные твои чиновники — нѣтъ, здѣсь голосъ каждаго свободный, мнѣнія, смотря по различію интересовъ, разныя, и люди, подобные Думову и Шумову, сумѣютъ сговориться съ тобою. А такіе люди, какъ Брюховъ, еще хуже: толковать не смогутъ, а безтолковитъ и упрямиться — имъ чортъ не братъ!

Дудкинъ. Здравствуйте, мой любезнѣйшій и почтеннѣйшій! Что-жъ это? Вы еще здѣсь одни? Развѣ очень еще рано? А я спѣшилъ — гдѣ-жъ наши господа?

Кальинъ. Еще никого нѣтъ, Ваше Превосходительство.

Дудкинъ. А Графъ?

Кальинъ. Онъ скоро хотѣлъ быть —

Дудкинъ. Скоро? Онъ конечно изволитъ

замѣшить, кто рачительнѣе является къ дѣлу, кто первый спѣшить...

Брюховъ. (*съ низкими поклонами*) Вашему Превосходительству честь имѣю свидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе.

Дудкинъ. А! Г-нъ Брюховъ! Просимъ...

Кальинъ. (*въ сторону*) Замолчалъ объ усердномъ желаніи *являться первый*, когда пришлось подъ пару съ этимъ болваномъ явиться!

Брюховъ. Все-ли, батюшка, Ваше Превосходительство, въ добромъ здоровьѣ?

Дудкинъ. Слава Богу! А васъ, кажется, нѣчего спрашивать?

Брюховъ. Хи, хи, хи! Что намъ дѣлается. Дѣлишки идутъ своимъ чередомъ, а заботъ большихъ нѣтъ.

Дудкинъ. Ваши дѣлишки можно назвать и дѣлами.

Брюховъ. Да оно, то есть, конечно — доходишки, то есть, получаемъ изрядные, да не головоломное занятіе-то, Ваше Превосходительство.

Дудкинъ. А вотъ сего дня придется вамъ поработать и головою.

Брюховъ. Да-съ, отъ людей не остста-

немъ, то есть, Ваше Превосходительство, изволите видѣть. (*Кальину*) А что-съ то есть, изволите видѣть, какія это, батюшка, будутъ дѣла? О чемъ мы будемъ разсуждать?

Кальинъ. Вѣроятно, предметъ сужденія вамъ извѣстенъ.

Брюховъ. Да оно, то есть, вообще-то извѣстно, но о чемъ-же.... Вѣдь я, право, не знаю: выбрали, отказаться было не льзя, да и совѣстно то есть, то предметы важные....

Кальинъ. Не угодно-ли вамъ предварительно сообразить: вотъ всѣ бумаги по этому дѣлу.

Брюховъ. Помилуйте, да тутъ цѣлая куча — какъ-же ихъ вдругъ сообразить? (*Садится, и перебираетъ бумаги*) Эдакая досада!

Дудкинъ. Что вы?

Брюховъ. Очки забылъ! Футляръ взялъ, а очки оставилъ дома!

Кальинъ. Какая разсѣянность! Пошлите поскорѣе.

Брюховъ. Безъ меня не найдутъ. Экая досада, экая тоска! Вотъ прочиталъ-бы, узналъ....

Валетовъ, Холоповъ, Книксинъ (*входятъ и останавливаются у дверей*).

Кальинъ. Господа! пожалуйте. —

Вал. Хол. Кникс. (*кланяясь*) Ничего-съ!

Кальинъ. Садитесь, господа, не угодно-ли?

Вал. Хол. Кн. Постоимъ, ничего-съ!

Хитровский (*входитъ и раскланивается*) Ваше Превосходительство!

Дудкинъ. Какъ давно уже я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

Кальинъ. (*лукаво*) Вы не опоздали, кажется.

Хитр. (*про себя*) Тонъ радуется, увидя меня; этотъ двусмысленно говоритъ; Брюховъ сидитъ за бумагами — что это значитъ? (*Дудкину*) Я имѣлъ честь быть... (*Кальину*) Что поздно для однихъ, то рано другимъ (*жметъ ему руку*).

Кальинъ. Есть однакожъ общее, опредѣленное.

Хитр. (*осторожно*) Мы не прочь отъ другихъ, если долгъ и совѣсть не противорѣчатъ... (*тихо*) Тутъ что-то кроется! (*Валетову тихо*) Скажите, пожалуйте, что тутъ было безъ меня говорено?

Вал. (*тихо*) Многое. Г-нъ Секретарь все уговаривалъ насъ садиться.

Хитр. (*про себя*) А! они хотятъ заласкать насъ! (*Кальину*) Здоровъ-ли Графъ?

Кал. Къ вашимъ услугамъ.

Хитр. (*тихо*) Отъ шутка! Истинно, не знаешь, куда отъ полишики дѣваться! Вотъ эдакъ, не остерегись—шутчасъ и попадешся. (*Кальину*) Смѣю-ли требовать, чтобы Его Сіятельство... (*тихо Книксину*) А обо мнѣ ничего здѣсь не говорили?

Книксинъ. (*тихо*) Ничего-съ!

Хитр. (*кашляя тихо*) Понимаю.

Кальинъ. (*также кашляетъ*) Мы съ вами, кажется, подъ пару, одинаково...

Хитр. (*тихо*) Попался! (*ему*) Да, я готовъ всегда слѣдовать *вамъ*.

Кальинъ. То есть, я говорю о кашлѣ.

Хитр. (*улыбаясь*) Я то самое и разумѣю, что вы изволите говорить.

Кальинъ. (*тихо*) Прошу поладить съ этими людьми: какъ ежи, ни съ которой стороны не даются въ руки. А Графъ говорилъ такъ рѣшительно.

Думовъ и Шумовъ (*входятъ вмѣстѣ и раскланиваются*), Чижичковъ (*вбѣгаетъ и хохочетъ*).

Дудкинъ. Что за радость? Что за смѣхъ у васъ?

Чиж. Не льзя удержаться, Ваше Превосходительство, ха, ха, ха!

Кал. Что такое?

Чиж. Воображение, что сей часъ я былъ у нашего общаго пріятеля, и вмѣсто своей шляпы захватилъ его. Ѣду и думаю: что это такое? Голова-ли моя похудѣла, или шляпа вдругъ разносилась? Ха, ха, ха!

Дудк. И вы не замѣнили?

Чиж. Только при входѣ сюда я уже увидѣлъ, что шляпа чужая! Ха, ха, ха!

Думовъ. (*тихо*) Пустѣйшій человѣкъ!

Шумовъ. (*Брюхову*) Позвольте развлечь ваше вниманіе.

Брюховъ. А что, банчонка?

Шумовъ. Вы, кажется, заняты?

Брюховъ. Вздоръ-съ! Такъ онъ нѣчего дѣлать — перебиралъ бумажонки.

Шумовъ. Надобно заняться нашимъ дѣломъ. Г-нъ Думовъ! не угодно-ли вамъ?

Думовъ. Охотно. (*трое удаляются въ уголъ*)

Дудк. (*Чижикову*) Происшествіе презабавное.

Чижичковъ. Именно. Панъ скупяга теперь взбѣсился. Моя шляпа старая, а его съ иголочки, и я подъ дождемъ всю ее вымочилъ.

Шумовъ. Мы сей часъ говорили съ Г-мъ Думовымъ, и я чинилъ ему свое мнѣніе.

Брюховъ. Такъ-съ.

Шумовъ. Онъ со мною несогласенъ, и я теперь желалъ-бы, чтобъ вы взяли посредничество между нами.

Брюховъ. Такъ-съ.

Шумовъ. Не угодно-ли вамъ, Г-нъ Думовъ, выслушать еще разъ...

Кальинъ. (*Чижикову*) Хорошо, что только шляпою можно обмѣниваться. Ну, еслибы голова на голову мѣнялись?

Дудк. Головы Богъ съ ними, а вотъ карманами хорошо-бы.

Хитровскій. (*тихо*) Переговоры во всѣхъ сторонахъ: положеніе самое критическое!

Думовъ. Не понимаю, какъ у насъ все это дѣлается. Напередъ не подумаемъ, не поговоримъ, не снесемся, и вдругъ хотимъ дѣйствовать, рѣшать!

Брюховъ. Правда ваша.

Шумовъ. Тутъ думать нѣчего. Дѣло простое, и тотчасъ можно видѣть сущность его.

Чижичковъ. Что-же? Карманами съ моимъ пріятелемъ я готовъ-бы помѣняться.

Кальинъ. Каковъ онъ теперь?

Думовъ. Какъ легко вы судите о дѣлѣ! Множество обстоятельствъ съ нимъ сливается.

Шумовъ. Я въ моей бумагѣ доказываю, что эти обстоятельства всѣ пустыя. Ихъ надобно рѣшительно отдѣлить. Реформа должна быть въ сущности.

Брюховъ. Да-съ, въ сущности, то есть...

Чижичковъ. (*Кальину*) Онъ, кажется, больше воображаетъ, нежели боленъ въ самомъ дѣлѣ.

Дудк. У него отецъ цѣлый вѣкъ лечился.

Думовъ. Я съ этимъ несогласенъ. До сущности намъ дѣла нѣтъ, и должно сперва заняться подробностями.

Чижичковъ. Онъ лекарскихъ микстуръ, и безъ болѣзни, я было отправился на

тотъ свѣтъ, въ прошломъ году, ха, ха, ха!

Дудк. Такъ теперь надобно-бы уже туда доѣхать, ха, ха, ха!

Чичиковъ. Точно: туда возятъ тихо, а пріѣзжаютъ скорѣе, чѣмъ на почтовыхъ, ха, ха, ха!

Шумовъ. Слѣдовательно, мы будемъ толковать о пустякахъ.

Брюховъ. Такъ-съ, да, о пустякахъ то есть.

Думовъ. Удивляюсь, какъ вы рѣшительно изволите говорить, и я готовъ осудить такую увѣренность. Вотъ и Г-нъ Хитровскій здѣсь; позовемъ его....

Хитровскій. (*тихо*) Тамъ, что-то жарко говорятъ.

Дудк. Давно-ли вы видѣли Агафью Яковлевну?

Чичиковъ. Вчера встрѣтилъ на улицѣ — и какой экипажъ прелестный!

Дудк. Спросите, что заплачено!

Шумовъ. Что вы добьетесь отъ Хитровскаго? У него мысли надобно вытягивать, и тутъ онъ ничего не скажетъ.

Думовъ. Остерегаюсь я всегда пред-

почину безразсудной отвагѣ. Г-нъ Хитровскій!

Хитровскій. (*тихо*) До меня дошло! Заняться поскорѣе чѣмъ-нибудь. (*Валетову*) Скажите: что, теперь-ли вашъ новый домъ?

Валетовъ. Прелестный, сударь, прекраснѣйшій! Никогда не изволите пожаловать....

Хитр. Занятъ, сударь, занятъ.

Думовъ. Не слышитъ! (*подходитъ къ нему*) Послушайте —

Хитровскій. (*тихо*) Бѣда! Попался (*вслухъ*) Что угодно?

Думовъ. (*уводитъ его въ сторону*) То, что я вамъ читалъ, не заслужило одобренія Г-на Шумова; вашего мнѣнія достаточно будетъ убѣдить его. Вы вѣдь согласны были со мною?

Хитр. Полное согласіе — дѣло не легкое Если.... я желалъ-бы.... однакожъ....

Шумовъ. (*Брюхову*) И такъ вы убѣждаетесь моими доводами (*онъ читалъ ему между тѣмъ свою бумагу*).

Брюховъ. То есть, превосходно, отлично!

Кальинъ. Что это нашъ Графъ замѣнкался?

Чижичковъ. И вирямъ. Вѣдь эдакъ, если заполкуемся, то къ обѣду не поспѣешь.

Дудк. Вы гдѣ сегодня?

Чижичковъ. Я обѣщалъ къ Солоноѣдову.

Дудк. Что вамъ за радость ѣздить!

Чижичковъ. Есть дѣльцо.

Кальинъ. Ахъ, Г-нъ Чижичковъ! Шалости!

Чижичковъ. Ха, ха, ха, пустяки—такъ, шпирижка, шпирижка!

Думовъ. Воображение: этотъ Шумовъ, вездѣ вмѣшивается, запумитъ, загремитъ, все ему въ корень передѣлай — самолюбіе преспрашное....

Хитровскій. Да, человѣкъ такой.... умный.... прекрасный.... но....

Думовъ. Скоръ, нетерпѣливъ.

Хитровскій. Да, есть грѣшокъ....

Шумовъ. Съ Думовымъ вѣчно не сладишь; всѣмъ хочетъ угодить, никого не оскорбить. Если насъ спрашиваютъ, то должно говорить откровенно, прямо.

Брюховъ. Именно то есть.

Шумовъ. И чего бояться, если рѣшается дѣло голосами? Иное дѣло одному говорить.

Брюховъ. Конечно иное, а то, что намъ бояться?

Шумовъ. Я не ожидалъ, чтобы вы такъ благонамѣренно и смѣло поступали.

Брюховъ. Смѣлости, сударь, достанетъ. Хоть Г-ну Губернатору, такъ правду скажемъ.

Дудк. Ну, а за чѣмъ вы такъ часто посѣщаете Андрея Харитоныча? Плутовство опять?

Чижичковъ. Вотъ и подозрѣнія тотчасъ! Ха, ха, ха!

Кальинъ. Полно-те, полно-те скрываться. Ну, Ѳедора Петровна привлекаетъ—, признайтесь?

Чижичковъ. Ей, ей, нѣтъ!

Дудк. Такъ за чѣмъ-же? Что за бесѣды съ самимъ Андреемъ Харитонычемъ?

Чижичковъ. Ха, ха, ха! Нѣтъ, ей Богу, нѣтъ! *(тихо)* Есть аферка, маленькая, такъ пустячки, вздоръ...

(Кальинъ *и* Дудкинъ *хохочутъ.* Думовъ,

Шумовъ *и* Брюховъ *съ жаромъ разговариваютъ.* Хитровскій *хочетъ отъ нихъ уйдти, но его держатъ за руки.* Вальтовъ *и* Холоповъ *стоятъ у дверей.* Кинкенъ *дремлетъ*).

Шумовъ. Я ссылаюсь на Г-на Брюхова, что иначе дѣла рѣшить не льзя.

Брюховъ. Именно то есть.

Думовъ. Но вы противорѣчите тому, что вчера говорили мнѣ. Г-нъ Хитровскій! я ссылаюсь на васъ.

Хитр. Конечно — если вамъ угодно, то въ скоростяхъ... (*тихо*) Что дѣлать!

Брюховъ. Какъ противорѣчу?

Дудкинъ. А пора-бы вамъ остепениться — довольно помотано, попалено!

Чижичковъ. Довольно, но не полно, ха, ха, ха!

Кальинъ. (*вслушиваясь въ разговоръ Шумова и Думова, тихо*) И Графъ говорилъ, что онъ и не думаетъ объ ихъ противорѣчіяхъ! Увидимъ, увидимъ!

Думовъ. Какъ-же не противорѣчите? Вѣдь вы съ третьимъ пунктомъ согласны?

Брюховъ. Съ третьимъ то есть?

Думовъ. А онъ разрушаетъ все предложеніе Г-на Шумова.

Брюховъ. Да, разрушаетъ что есть?

Шумовъ. Вотъ и Г-нъ Хитровскій согласенъ, господа!

Хитровскій. Нѣтъ, я — однакожъ — позвольте мнѣ вникнуть...

Незнаевъ. (*входя*) Что вникнуть? Что, о чемъ дѣло? Э, милый! спокойнѣ того, чтобы ломать голову! Здравствуйте, господа!

Шумовъ. Вотъ кстати. Г-нъ Незнаевъ! убѣдите вы господъ, что мое мнѣніе —

Незнаевъ. Мнѣніе? Какое мнѣніе?

Шумовъ. Мое.

Незнаевъ. (*махнувъ рукою*) Прекрасно!

Шумовъ. Видите, Мм. Гг. — Чего-жъ вамъ, когда —

Незнаевъ. (*Дудкину*) Мое почтеніе, Ваше Превосходительство.

Дудкинъ. Ба, ба, ба! Да развѣ и вы здѣсь членъ?

Незнаевъ. Говорятъ. Какъ ваше здоровье?

Хитровскій. (*вырвавшись, бѣжитъ къ Кальину*) И Богъ знаетъ, что толкуютъ; не поч-

шите, чтобы я участвовалъ въ спорахъ. Независимостъ моего мнѣнія... Вы знаете...

(Шумовъ *и* Думовъ *сильно спорятъ*)

Дудкинъ. Да что за шумъ?

Кальинъ. (*смѣясь*) Господа члены диспутующися о дѣлѣ.

Чижичковъ. (*Незнаеву*) Ну, что, сударь? (*зѣваетъ*)

Незнаевъ. Да, ничего! (*также зѣваетъ*)

Чижичковъ. Какъ здоровье?

Незнаевъ. Ладно. Вы какъ?

Чижичковъ. Да все также.

Шумовъ. (*Незнаеву*) Пожалуйте, Яковъ Софронычъ, извольте вразумить—

Незнаевъ. И, мой милый! подите вы съ вашими спорами и вздорами!

Думовъ. (*Брюхову*) Удивляюсь и не надивлюсь вашей простотѣ.

Брюховъ. Да, то есть, я, изволите видѣть, самъ не понимаю; но, повѣрьте, что еслибы случилось, то—извините, я то есть вамъ отвѣчалъ-бы тѣмъ-же.

Шумовъ. (*Думову*) Вижу, сударь, что честолюбіе сильнѣе въ васъ ревности къ общественной пользѣ.

Думовъ. Вы приписываете мнѣ вашу

свойства, и я не дивлюсь: всякій по себѣ судитъ.

Дудкинъ. А, признаюсь, не завпракавши...

Незнаевъ. Пьянъ! я паки закусилъ.

Чижичковъ. Я съ утра исполняю эту обязанность, и отъ того мнѣ все равно, рано-ли, поздно-ли обѣдъ.

Хитровскій. (*глядя въ окно*) Карета!

Кальинъ. А, Графъ, Графъ! (*приводитъ въ порядокъ бумаги*)

Дудкинъ. (*Чижичкову*) Посмотрите-ка: не замаралъ-ли я спину, перпись около стѣны?

Чижичковъ. Да, это какая-то зеленая краска (*обмахиваетъ его платкомъ*), а здѣсь желтая комната.

Дудкинъ. А, это видно я въ передней Графа, давича, прислонился къ стѣнѣ.

Графъ. (*входитъ съ веселымъ, ласковымъ лицемъ*), Валетовъ, Холоповъ и Книксинъ (*теснятся въ дверяхъ, и кланяются въ поясъ*) Позвольте, Мм. Гг., пройдите. (Дудкину, *пожимая у него руку*). Здоровы-ли вы? А, Г-нъ Думовъ! (*отъ Шумова онъ отворачивается*).

(*Общіе поклоны. Дудкинъ и Думовъ стараются стать подлѣ Графа*).

Графъ (*на всѣ стороны*) Мнѣ — очень лестно — и пріятно — Мм. Гг. — что я имѣю честь...

Думовъ, (*пробираясь, толкнулъ Дудкина*). Извините.... (*Графу*). Мы всѣ проникнуты благосклонностью Вашего Сіятельства....

Графъ. (*жметъ ему руку*) Этого и надѣялся я отъ благороднаго сердца вашего.

Брюховъ. (*тихо*) Да что-жъ онъ за всѣхъ хочетъ честь сорвать.... Хмъ! (*почти оттолкнулъ Думова*) То есть, всѣ мы, Сіятельнѣйшій Графъ, Ваше Высокографское Сіятельство, имѣемъ счастіе....

Думовъ. (*ворчитъ*) Но при счастіи, можно и не толкать другихъ...

Графъ. (*улыбаясь*) Усердію извинительно быть иногда неосторожнымъ... (*Думову*) Такъ-ли я думаю?

Думовъ. (*обрадованный, тихо*) Какая тонкая вѣжливость! Какое вниманіе: тотчасъ замѣтилъ! Божественный человѣкъ! (*сердо смотритъ на всѣхъ*).

Дудкинъ. Графиня, конечно, сказывала вамъ, Графъ, что я....

Графъ. Знаю.... (*Хитровскому*) Какъ ваше здоровье?

Хитр. Ахъ, Боже мой! Ваше Сіятельство! Богъ.... если вы, Графъ, Ваше Сіятельство то могу-ли....

Чижичковъ. Смѣю-ли засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе.

Графъ. Ахъ, любезный Чижичковъ! Ну что — нѣтъ ли новыхъ шалостей?

Чиж. Вѣдь я еще живъ, Ваше Сіятельство.... Скажу вамъ преемѣнное дѣло....

Графъ. Ахъ, ради Бога!

Чиж. Именно третьяго дня....

Графъ. (*тихо Дудкину*) Вы чинали протоколъ?

Дудк. Какъ-же, чинилъ — (*про себя*) И не видалъ, чортъ его побери!

Чижичк. (*продолжая*) Викулъ Гурьичъ зоветъ обѣдать.—Что долго думать? Ѣдемъ....

Графъ. (*тихо Дудкину*) Вы согласны?

Дудкинъ. Совершенно.

Чижичк. Вотъ я, дядя Кутузей, Графъ Пусновичъ, да братъ Скорохватскій....

Графъ. Ну, ну! Господа! это любопытно!

Брюховъ. Истинно, то есть, любопытнѣйшее дѣло, Ваше Сіятельство.

(*Всѣ, кромѣ Шумова, собираются вокругъ Чижичкова и Графа*)

Чижичк. Вотъ ѣдемъ-съ. Только у Графа лихая пара — знаете — гнѣдо-чалая? Чудо лошади...,

Графъ. (*Кальину, указывая на Незнаева*) Что это за фигура?

Кальинъ. Это нѣчто, называемое *Незнаевымъ*.

Графъ. А, помню....

Хитр. (*тихо Кальину*) Что это Его Сіятельство изволитъ спрашивать?

Кал. О Незнаевѣ.

Хитр. (*тихо про себя*) Да дуракъ: я знаю, что обо мнѣ....

Чиж. Вотъ, только лошади начинаютъ бить, рваться — кучеръ держитъ....

Кал. (*тихо Хитровскому*) Замѣтили-ль вы, какъ холодно Графъ обошелся съ Шумовымъ?

Хитр. Я пренебгу за него!

Дудкинъ. Что вы, Г-нъ Чижичковъ! Да, Графъ давно продалъ гнѣдо-чалыхъ?

Чиж. Помилуйте, я самъ видѣлъ—

Дудкинъ. Вы не могли видѣть, потому, что я видѣлъ ихъ вчера на гуляньи у Заѣздова.

Брюховъ. Точно, и я видѣлъ!

Графъ. Ха, ха, ха! Ну, что, любезный Чижичковъ? Попался?

(Общій хохотъ. Валетовъ, Холоповъ и Кинксинъ хохочутъ такъ громко, что Графъ оглянулся. Увидѣвъ Думова подлѣ себя, онъ тихо начинаетъ говорить съ нимъ. Другіе заняты споромъ Чижичкова съ Дудкинымъ).

Шумовъ. *(про себя).* Дѣло началось весело.

Чиж. Я ссылаюсь на Князь Василья: онъ самъ былъ съ нами.

Дудк. Его и въ городѣ нѣтъ.

Чиж. Нѣтъ? Какъ нѣтъ? Я вчера видѣлъ его....

Графъ. *(Думову)* Мы вчера имѣли съ N. N. большой разговоръ объ васъ, и согласно отдавали вамъ преимущество....

Думовъ. Такая благосклонность, Графъ....

Графъ. Вы ее заслужили. Вы знаете, что для меня не существуютъ отличія, какъ только достоинства. Mais, vous.... Ахъ! да — вы показывали себѣ.... вы поймете меня — вашъ умъ, ваши знанія...

Думовъ. Я готовъ жизнію пожертвовать!

Чиж. Это безбожно! Если я не видалъ

вчера Князь Василья — то, провались я сквозь землю.

Дудк. Валитесь или нѣтъ, но Князь Василій уже съ недѣлю уѣхалъ въ Петербургъ.

Чиж. Въ Петербургъ — вотъ хорошо!

Графъ. (*Думову, съ видомъ величайшей тайны*) И въ настоящемъ дѣлѣ, вы, я увѣренъ, будете справедливы и разсудительны: требую только справедливости и ума — а этого не достаетъ у многихъ нашихъ товарищей.

Думовъ. Мнѣніе ваше, Графъ, и довѣренность ваша....

Графъ. Вы ее стоите. Я буду еще откровеннѣе, и скажу, что представленіе объ васъ уже пошло въ Петербургъ....

Думовъ. (*едва скрывая радость свою*) Я не изъ наградъ жертвую маленькими моими способностями. — (*про себя*) Что это у меня голова кружится....

Дудкинъ. Вы еще спанете спорить? Слуга моего брата бралъ почтовыхъ лошадей, когда брали ихъ для Князя Василья.... И въ это-же время записывали подорожную того.... какъ бишь его!...

Брюховъ. Да ужь не моего-ли сынишка? Тоже въ Инперъ покашикъ — я записалъ его въ службишку....

Графъ. (*тихо Думову*) Можешъ быть, сыщутся безпокойные люди, которые захотятъ смотрить....

Думовъ. Можете-ли меня почитать сообщникомъ ихъ, Ваше Сіятельство?

Графъ. (*пожимая ему руку*) О, помилуйте!

Хитр. (*тихо*) Но я въ отчаяніе готовъ придти отъ милостиваго вниманія Графа къ этому проклятому Думову! Нѣчего: надобно подаваться — не отставать отъ другихъ! (*Думову*) Почтеннѣйшій....

Думовъ. (*невнимательно*) Что вамъ? Ахъ, да, Господинъ Хитровскій!

Графъ. Ну, Мм. Гг., не пора-ли намъ за дѣло? Пріятная бесѣда можетъ насъ задержать незамѣтно.... (*идетъ къ столу*) Надобно потрудиться....

Брюховъ. Точно такъ, Высокосіятельнѣйшій Графъ! *Трудитесь, да есть....*

Графъ. (*будто нечаянно увидѣвъ Шумова*) Ахъ! я и не замѣтилъ васъ, Г-нъ Шумовъ!

Шумовъ. Я всегда боюсь быть замѣченнымъ, Ваше Сіятельство.

Графъ. Вы хотите, чтобы собственныя ваши достоинства сами себя давали замѣтить, безъ вашего старанія. Скромность есть правило мудрости, и мнѣ весьма пріятно будетъ, если вы послѣдуете всегда этому правилу.

Шумовъ. Я не понимаю, Ваше Сіятельство, что вы изволите разумѣть?

Графъ. А, кажется, очень понятно. Не правда-ли, Господа?

(*Всѣ улыбаются и кланяются*)

Хитр. (*тихо Кальину*) Это ужасно!

Думовъ. (*тихо Брюхову*) Надобно имѣть мѣдный лобъ, чтобы послѣ этого еще подлаживать Шумову!

Брюховъ. А что такое сдѣлалось?

Думовъ. (*про себя*) Этакая скотина: его надобно бить дубиною, а иначе онъ ничего не пойметъ!

Графъ. (*садясь за столъ*) Прошу, Мм. Гг., садитесь, сдѣлайте одолженіе.

Дудкинъ и Думовъ (*поспѣшно садятся по обѣ стороны Графа, Шумовъ стоитъ, другіе перекоряются мѣстами*)

Хол. Пожалуйте!

Брюх. Извольте, извольте!

Кникс. Сдѣлайте милость!

Хитр. Не угодно-ли вамъ?

Шумовъ. (*съ досадою берется за стулъ*) Позвольте мнѣ рѣшить дѣло.

Брюх. и Хитр. (*бросаясь вмѣстѣ*) Извините!

(*Садятся выше Шумова. Чижиковъ и Незнаевъ въ концѣ стола*).

Незн. Я подалѣе — Богъ съ ними — пусть полкуютъ.

Чиж. А я подлѣ васъ: доскажу вамъ исторію мою.

Графъ. Предварительно, Мм. Гг., почитаю нужнымъ обратить вниманіе ваше на благодѣтельное попеченіе о насъ господина Губернатора. Настоящее дѣло есть новое тому доказательство. Мы должны чувствовать это, Мм. Гг., и постараться отвѣчать его ревности нашимъ усердіемъ.

Думовъ. Я увѣренъ съ своей стороны, Ваше Сіятельство, что всѣ почтенные мои сочлены раздѣляютъ высокое чувство той преданности...

(*Всѣ кланяются, и ворчатъ въ полголоса:* «Чувство, преданность, честь, мы всѣ готовы....»)

Хитровскій. (*толкаетъ Незнаева*) Что-же вы молчите?

Незнаевъ. (*который разговаривалъ съ Чижиковымъ*). Да о чемъ дѣло? Что намъ такое?

Хитровскій. (*тихо*) Благодаритъ Губернатора и Графа.

Незн. (*приподнимаясь*) Покорнѣйше благодаримъ, Ваше Сіятельство!

Брюховъ. Я осмѣливаюсь предложить даже: не надобно-ли изъявить письменно, то есть, все это написать—хорошенько изъяснить....

Дудкинъ. Ему будетъ пріятно.

Брюховъ. Или избрать-бы изъ среды своей депутацію....

Хол. Вал. и Кикс. Точно, точно.

Шумовъ. Мнѣ кажется, что Губернаторъ исполняетъ свой долгъ, слѣдовательно, за что-же намъ тутъ благодарить его депутаціею?

(*Всѣ приговоряются не слыхавшими его словъ*).

Графъ. Я принимаю на себя передать

ему ваши чувства, Мм. Гг., и могу увѣрить васъ, что такое единодушное сознаніе будетъ ему дороже всѣхъ наградъ. — Настоящее обстоятельство, для котораго мы собрались, да будетъ начато....

Дудкинъ. Изъявленіемъ глубочайшаго почтенія нашего и благодарности Вашему Сіятельству.

Графъ. За что же, Господа, за что?

Брюховъ. За то, батюшка, Ваше Высокосіятельное... что вы удостоили принять предсѣдательство нашего покорнаго къ услугамъ вашимъ собранія.

Думовъ. (*тихо*) Болванъ! Не умѣетъ даже сказать учтивости порядочно!

Шумовъ. (*тихо*) Они взбѣсятъ меня своими глупостями, и я уйду!

Графъ. (*едва удержавшись отъ смѣха*) Благодарю васъ, Мм. Гг., за скромное изъявленіе вашихъ чувствъ, и смѣю увѣрить...

Чижичковъ. (*разговаривая съ Незнакомымъ, забылся, и громко вскрикивает*) Да, сударь, въ шею выполкали.... ха, ха, ха!

Всѣ. (*обращаясь къ нему*) Тсъ, тише!

Графъ. Всегда ожидалъ я, надѣялся, что

вы, Мм. Гг., раздѣляете со мною усердное желаніе. И такъ, Гнѣ Кальинъ, не угодно-ли вамъ начать бумагу, по которой составлена наша Коммиссія.

Кальинъ (*скоро и бѣгло читаетъ. Въ это время многіе кашляютъ, чихаютъ, говорятъ между собою тихо. Графъ сидитъ съ важнымъ видомъ. Шумовъ старается показаться внимательнымъ, и заставляетъ нѣкоторыя слова повторять, говоря послѣ того, съ значительнымъ видомъ: «Да, да, такъ — теперь понимаю!» Нѣкоторые изъ членовъ катаютъ въ трубочки клочки бумаги. Шумовъ, задумавшись, чертитъ перомъ вензеловатую букву: А, на листочкѣ бумаги, передъ нимъ лежащемъ*).

Хитр. (*тихо ему*) Что это у васъ за замѣтка, мой почтеннѣйшій?

Шумовъ. Такъ: я вспоминаю, какъ бывало писывалъ прописи, и всегда начиналъ ихъ самымъ кудрявымъ *азомъ*.

Брюховъ. (*тихо*) Полно-те, Господа, говорить, да толкните Кликсина: онъ дремлетъ.

(*Кликсинъ, получивъ толчекъ, перестаетъ дремать, и глядитъ, вытаращя глаза*).

Графъ. (*когда Кальинъ кончилъ чтеніе*) И такъ, Мм. Гг., теперь видите вы всю сущность дѣла. Оно стоитъ полнаго и глубокаго

обсуживанія. Намъ предоставлена совершенная свобода рѣшить его. Будучи Предсѣдателемъ почтеннаго вашего собранія, я прошу васъ не почитать меня однакожъ ничѣмъ другимъ, какъ только усерднымъ вашимъ товарищемъ, желающимъ взаимной пользы.

Брюховъ. Мы, батюшка, Ваше Сіятельство, никогда, то есть, не позабудемъ однакожъ, что не мѣсто человѣка просвѣщаетъ, а человѣкъ мѣсто.

Дудкинъ. Почтеніе наше не допуститъ возражать противъ васъ, Графъ.

Графъ. Нѣтъ, я прошу васъ забыть всѣ различія между нами, и говорить прямо и искренно.

Дудкинъ. Потому, думаю я, не можемъ мы говорить противъ васъ, что вы изволите знать дѣло лучше нашего, и что въ истинѣ словъ вашихъ мы не сомнѣваемся.

Шумовъ. Позвольте мнѣ, къ многословію моихъ почтенныхъ сочленовъ, прибавить нѣсколько словъ, Ваше Сіятельство.

Графъ. (*холодно*) Вамъ не нужно испрашиванія позволенія, М. Г. —

Думовъ. И можно также говорить, не обижая своихъ товарищей.

Дудкинъ. И не забывая различія въ званіяхъ.

Брюховъ. И несходства въ состояніяхъ.

Шумовъ. Если вамъ, Господа, угодно относить слова свои на счетъ мой, то я не понимаю: въ чемъ я забылся, и чѣмъ оскорбилъ другихъ? Я почти ничего и не говорилъ!

Думовъ. Вамъ угодно было назвать то, что другіе говорили, *многословіемъ*.

Шумовъ. (*Незнаеву*) Позвольте мнѣ сослаться на васъ, Г-нъ Незнаевъ: обидное ли дѣло называть всякую вещь ея настоящимъ именемъ?

Незнаевъ. (*тихо*) Вотъ дернула нелегкая! (*въ слухъ*) Я... я думаю...

Графъ. (*холодно*) Долгъ мой напомнить вамъ, М. Г., что вы заводите неприличные разговоры, которые вовсе нейдутъ къ дѣлу....

Шумовъ. Я оправдываюсь противъ обви-

ненiй, Ваше Сiятельство, и самъ ничего не завожу.

Графъ. Я, сударь, имѣю всѣ средства дать почувствовать невыгоду всякаго неумѣстнаго... *самолюбiя*, такъ сказать, чтобы не сказать иначе. Въ тоже время, мнѣ даны способы отличать скромное и дѣльное усердiе.

Холоповъ. (*тихо Кликсину*) Ужъ не дадутъ-ли намъ чего нибудь!

Кликсинъ. Дожидайся! Къ нашей-ли рожѣ награды? Довольно, что мы сидимъ наряду съ Графами, Генералами, да богачами.

Графъ. Приступимъ къ дѣлу, ММ. ГГ.— Мы видѣли, что въ предложенiи исчислено 28 пунктовъ, требующихъ рѣшенiя. Кажется, намъ должно слѣдовать порядку ихъ. И такъ — *первый* пунктъ. Что вы изволите о немъ думать? Мнѣ кажется, что не утвердить его, значитъ не имѣть здраваго смысла ни капли. А? — Прошу отвѣчать, и говорить смѣло и откровенно. Мы здѣсь всѣ равно совѣщатели о дѣлѣ общемъ.

Брюховъ. (*Дудкину*) Вашему Превосходи-

тельству начинать — вы старше всѣхъ по чину.

Дудкинъ. (*поглядывая на Думова и Шумова*) Но вѣдь надобно съ младшихъ начинать... (*тихо*) Если заспорятъ эти шуты, я не буду знать, что отвѣчать имъ, а вѣдь это легко отъ нихъ отстанется.

Думовъ. (*важно*) Мнѣ кажется, что святая истина требуетъ утвердить первый пунктъ; но дѣло рѣшать голоса.

Графъ. Вы совершенно справедливы. Начнемъ съ голосовъ. Г-нъ Секретарь! извольте спрашивать и записывать.

Кальинъ. (*значительно посмотрѣвъ на Графа*) Г-нъ Незнаевъ! ваше мнѣніе?

Незнаевъ. (*тихо*) Тьфу пропасть! Все на меня первого! Что за бѣда такая! (*вслухъ*) Мое мнѣніе?

Кальинъ. Да, дѣло идетъ на голоса.

Незнаевъ. Но, въ чемъ-же мнѣніе?

Графъ. По первому пункту предложенія. Скажите просто: *Да*, или *нѣтъ?*

Незнаевъ. Да.

Графъ. Запишите.

Чижичковъ. Кстати и мое.

Кальинъ. Вы согласны?

Чиничковъ. Разумѣется.

Кальинъ. А вы, Г-нъ Холоповъ?

Холоповъ. (*кланяется*) Да.

Валетовъ. (*кланяется*) Тожъ.

Кальинъ. Вы, Г-нъ Книксинъ? Да, или нѣтъ?

Книксинъ. (*дремавшій, вздрагиваетъ, и машинально повторяетъ послѣднее слово*) Нѣтъ.

Многіе голоса. Какъ: *нѣтъ?*

Книксинъ. А развѣ надобно было сказать: *да?*

Холоповъ. (*тихо ему*) Какъ-же! Охъ, братецъ, ничего не слушаешь!

Графъ. Въ первый разъ имѣя удовольствіе васъ видѣть, тѣмъ не менѣе не сомнѣваюсь, что противорѣчіе внушено вамъ, М. Г., отличнымъ познаніемъ дѣла и желаніемъ добра. Знаю, что и голоса здѣсь совершенно свободные. Но должно имѣть доказательства, чтобы противорѣчить другимъ.

Книксинъ. (*встаетъ*) Ваше Высокосіятельство... я сказалъ...

Графъ. Мы слышали сказанное вами; но причины, М. Г., причины...

Книксинъ. (*потѣетъ крупными каплями*) Я, ей

Богу, Ваше Высокографское Сіятельство, сказалъ не то, что хотѣлъ — что думалъ сказать...

Графъ. А! такъ вы берете голосъ свой назадъ?

Книксинъ. Точно такъ, Ваше...

Графъ. Вы согласны?

Кникс. Точно такъ, Ваше...

Графъ. Мм. Гг., это была ошибка, и ее, кажется, можно пропустить, ибо ошибка....

Брюховъ. Въ фальшъ не ставится.

Графъ. И такъ, Г-нъ Секретарь, запишите: *да*.

Книксинъ. Покорнѣйше благодарю!

Графъ. Благодарите своихъ Г-дъ Сочленовъ, которые столь снисходительно отличаютъ неумышленную погрѣшность отъ злонамѣренной мысли.

Книксинъ. (*кланяясь на всѣ стороны*) Покорно благодарю, покорнѣйше благодарю. (*Всѣ, съ важнымъ видомъ, взаимно ему кланяются. Книксинъ садится, и утираетъ потъ, говоря тихо*) Ну! досталось мнѣ!

Брюховъ. (*про себя*) Признаюсь: отобьетъ охоту спорить, когда этакъ попа-

деньгъ! Нѣтъ, что ни говори Шумовъ, а я — слуга его покорный! Когда потребуютъ доказательствъ, тутъ уже не увернешься...

Графъ. Чтобы сократить время, Мм. Гг., кажется — по *первому* пункту *всѣ* согласны.

Многіе голоса. Всѣ, всѣ.

Графъ. И такъ, пунктъ второй.

Думовъ. (*нѣсколько разъ принимался за бумагу, которая у него въ боковомъ карманѣ, говоря тихо*) Что дѣлать? Какъ оскорбить вѣжливость, учтивость Графа, и противорѣчіемъ уподобиться Брюховымъ и Кикстымъ — и этотъ же Шумовъ...

Графъ. (*замѣтивъ его движеніе, говоритъ ему ласково*) Не имѣете-ли вы чего сказать, почтенный *мой* сочленъ?...

Думовъ. (*слышавшись*) Я хотѣлъ-бы...

Графъ. (*протягивая ему руку*) Васъ слушать я всегда готовъ — ваша благонамѣренность, вашъ умъ... (*тихо ему*) Если у васъ есть замѣчанія, сообщите ихъ мнѣ.—Гдѣ вы сегодня обѣдаете? Поѣдемъ-ка ко мнѣ. и прочтемъ вмѣстѣ.

Думовъ. (*тихо*) Нѣтъ! я обезоруженъ ласкою, привѣтливостью этого истинно-государственнаго мужа! (*вслухъ*) Мои замѣчанія касаются нѣкоторыхъ пунктовъ, и они неважны.... Я, напримѣръ, полагаю, что число чиновниковъ, назначаемое 7-мъ пунктомъ....

Графъ. Недостаточно?

Думовъ. Нѣтъ.... нѣтъ — излишне....

Графъ. Представьте, какъ мы сошлись въ мнѣніяхъ!

Хитр. И я также думалъ и говорилъ, Ваше Сіятельство.

Брюховъ. И я.

Многіе голоса. И мы всѣ.

Графъ. Замѣтьте, Мм. Гг., какъ уничтожается наше личное самолюбіе: всѣ согласны съ мнѣніемъ одного, когда его мысль ведетъ къ добру. Это всѣмъ намъ дѣлаетъ честь — скажу, не обинуясь. Далѣе, почтеннѣйшій Г-нъ Думовъ.

Думовъ. Пунктъ 20-й....

Шумовъ. (*тихо*) Теряю терпѣніе: подлость спортитъ съ глупостью, и пустота съ бездѣльничествомъ! (*вслухъ*) Позволь-

ите мнѣ сказать нѣсколько словъ, Ваше Сіятельство.

Графъ. (*невнимательно*) Можете, М. Г. — (*тихо Думову*) Если у васъ замѣчанія изложены на бумагѣ, то дайте, я пробѣгу покамѣстъ.

Думовъ. (*отдаеая ему свою записку*) Честь, какую получаю я.... (*Графъ развертываетъ записку*) Не связно-ли писано?

Графъ. О нѣтъ! (*читаетъ*) Что-жъ, М. Г., угодно было вамъ сказать? Мы ждемъ, Г-нъ Шумовъ!

(*Всѣ обращаются къ Шумову*)

Шумовъ. По долгу и совѣсти, я думаю, что не приступая къ подробному разсмотрѣнію, надобно войдти въ сужденія предварительныя

Графъ. (*продолжая читать бумагу Думова*) Кто-жъ мѣшаетъ вамъ? (*Думову*) Что это: я не разберу — *польза*, или *скользя?*

Думовъ. *Польза*, Ваше Сіятельство.

Брюховъ. (*тихо Шумову*) Полно-те спорить: Его Сіятельство и не слушаетъ васъ....

Шумовъ. (*съ презрѣніемъ взглянувъ на Брюхова*)

Въ слѣдствіе сего, я честь имѣю объявить, что почитаю самое основаніе дѣла совершенно ничтожнымъ....

(Графъ, вспыхнувъ, кладетъ на столъ бумагу Думова, но удерживается).

Шумовъ. *(замѣтивъ досаду Графа, съ горячностью продолжаетъ)* Дѣло представлено въ видѣ превратномъ; настоящій вопросъ удаленъ, и всѣ 28 пунктовъ суть пустыя подробности, изъ коихъ если исключить повторенія, то не останется и половины. . . .

Думовъ. *(Брюхову)* Ну, что это, скажите? Сами мы не умѣемъ поддержать себя — глупая горячка....

Брюховъ. *(складывая руки на брюхо)* Что ты съ нимъ будешь дѣлать!

Дудкинъ. *(тихо Думову)* Послушайте: вѣдь это дерзко и не хорошо! *(Думовъ пожимаетъ плечами).*

Графъ. М. Г., мнѣ кажется, что надобно говорить, о чемъ насъ спрашиваютъ, а не фантазировать, и мы не имѣемъ времени на пустыя предположенія и мысли.

Шумовъ. Я говорю, что насъ спрашиваютъ не о томъ, о чемъ нужно спрашивать; я доказываю, что предметъ взятъ односторонно....

Графъ. Вникнули-ль вы въ смыслъ вашихъ словъ?

Шумовъ. (*горячо*) Болѣе другаго, можетъ быть. Ложное, превратное понятіе —

Графъ. (*громко*) Ложное!

(*Всѣ отодвигаются отъ Шумова*)

Думовъ. Вы слишкомъ много на себя берете, Г-нъ Шумовъ!

Шумовъ. Я не имѣю надобности въ вашемъ совѣтѣ, М. Г. (*вынимая бумагу*) Вотъ мое мнѣніе, мои доказательства.

Графъ. Коммиссія не можетъ принять ихъ.

Шумовъ. Вы не имѣете права отказать мнѣ, Ваше Сіятельство.

Графъ. Какъ не имѣю права? Угодно вамъ на голоса?

Шумовъ. Я подаю свой голосъ, и вы обязаны выслушать его и пріобщить къ дѣлу, если и не согласитесь съ нимъ.

Графъ. Да что-жъ вы изволите кричать? Вы, сударь, оскорбляете присут-

ствіе. Вы забываетесь, называя *ложнымъ* данное намъ предложеніе. Мы требуемъ вашего мнѣнія, а не доноса.

Шумовъ. Развѣ я подаю доносъ?

Графъ. Какъ-же, когда бумагу, по которой должно судить намъ, вы называете ложно изображающею предметъ? И съ чего берете вы на себя, М. Г., дерзость: почитать себя умнѣе другихъ, когда всѣ другіе почтенные члены согласны? Съ чего, спрашиваю васъ, оскорбляете вы людей, спарѣе васъ лѣтами, званіемъ, состояніемъ?

Шумовъ. Я членъ, равный другимъ, Графъ, и потому —

Графъ. Хорошо; но какъ вы смѣете судить о высшихъ началахъ администраціи, чего ни вы, ни я не должны трогать, потому, что мы ихъ не знаемъ, и потому что насъ объ этомъ не спрашиваютъ?

Кальинъ. (*про себя*) *Администрація!* Вотъ словечко кстати! Графъ — чудо, а не человѣкъ!

Шумовъ. Позвольте мнѣ прочитать свою бумагу, и потомъ извольте судить.

Графъ. Вы говорите о дѣлѣ посторон-

немъ, и мы не имѣемъ надобности слушать вашу толстую тетрадь, доказывающую только своевольное безпокойство вашего характера.

Хитр. (*тихо Шумову*) Ради Бога....

Шумовъ. Ваше Сіятельство! Я никому не позволю оскорблять себя — даже никакому Графу!

Графъ. Вы, сударь, забылись!

Шумовъ. Почтенные сочлены! я прошу васъ разсудить дѣло.... (*Думовъ хочетъ говорить*) Не васъ, Г-нъ Думовъ, не васъ.... Не уже-ли никто не осмѣлится сказать правды? Вы соглашались со мной, Г-нъ Брюховъ?—

Графъ. Какъ, Г-нъ Брюховъ! Вы участвовали въ умыслѣ Г-на Шумова? Вы, сударь, вы.... (*общій ропотъ*)

Брюховъ. (*оторопѣвъ, вскакиваетъ*) Помилуйте, Ваше Высоко.... (*кланяется въ поясъ*) Я и не думалъ никогда.

Графъ. Мг, Гг. подавайте каждый свой голосъ, по совѣсти и свободно: принимать или нѣтъ мнѣніе Гна Шумова?

Всѣ. Нѣтъ, нѣтъ!

Шумовъ. (*встаетъ*) И такъ, позвольте мнѣ удалиться. Я свидѣтельствую глубо-

кое мое почтеніе Вашему Сіятельству, Вашему Превосходительству....

(поспѣшно уходитъ, оставя тетрадь свою на столѣ)

Кальинъ. *(про себя)* Я на колѣняхъ передъ Графомъ!

(Всѣ съ ужасомъ смотрятъ на мѣсто Шумова и тетрадь его)

Графъ. Какая дерзость! Я не оставлю этого.

Думовъ. Простите его, Ваше Сіятельство. Это излишекъ ревности; истинно, онъ хотѣлъ добра...

Графъ. Нѣтъ! уже давно замѣтилъ его и Г-нъ Губернаторъ, какъ человѣка безпокойнаго, подозрительнаго...

Брюховъ. Я осмѣливаюсь покорнѣйше просить...

Графъ. Нѣтъ, почтеннѣйшій Г-нъ Брюховъ, нѣтъ...

Дудкинъ. Онъ мнѣ самому говорилъ, что мы замазываемъ только снаружи, что Коммиссія наша есть собраніе людей пустыхъ, что...

Графъ. *(улыбаясь)* Ну, этого онъ говорить не станетъ...

Дудкинъ. Право, говорилъ, Ваше Сіятельство.

Графъ. Досадно, что столько времени у насъ пропало! Когда-же мы кончимъ? Надобно-бы непремѣнно сегодня кончить!

Хитровскій. Да вѣдь, я думаю, споровъ не будетъ... Господа, второй пунктъ?

Графъ. Уже поздно! (*тихо Дунову*) Поѣдемъ-не ко мнѣ—вы сядете со мною въ карету (*Дуновъ, въ восторгѣ, кланяется*)—тамъ побесѣдуемъ. — (*громко*). ММ. ГГ., прошу васъ взглянуть на бумагу, которую представитъ Секретарь... а мнѣ надобно поспѣшить.

Чижиковъ. Да, вѣдь я согласенъ, Ваше Сіятельство?

Графъ. (*встаетъ, и всѣ встаютъ*) Однакожъ взгляните —

Незнаевъ. (*тихо Кальину*) Да не велика бумага-то? Вѣдь ужь обѣдать пора!

Графъ. Я долгомъ моимъ поставлю засвидѣтельствовать о томъ единодушіи и усердіи къ общей пользѣ, какія вами были показаны, Мм. Гг. (*всѣ кланяются*) А Г-на Шумова — я прощаю, и вы, Г-нъ Секретарь, запишете, что онъ не присут-

ствовалъ. (*тихо Кальину*) Дайте имъ подписать протоколъ окончательный — вѣдь онъ переписанъ?

Кальинъ. (*тихо*) Совсѣмъ набѣло.

Графъ. (*тихо*) А потомъ привезите его ко мнѣ прямо. Тамъ подпишешь его Думовъ. (*Дудкину*) Adieu mon général!—До свиданія, Мм. Гг. — Г-нъ Думовъ! поѣдемъ-ке! (*Графъ и Думовъ уходятъ*).

Брюховъ. (*съ завистью вслѣдъ*) За что-же такая честь ему!

Кальинъ. За умъ, сударь, за умъ.

Дудкинъ. За умѣнье быть умнымъ.

Кальинъ Ну, Мм. Гг., теперь къ чтенію.

Чижичковъ. Послушайте: когда прочитаемъ эту бумагу, надобно подписывать?

Кальинъ. Разумѣется.

Чижичковъ. Чего-же тутъ толковать? (*вырываетъ у него бумагу, беретъ перо, и хочетъ подписать*)

Кальинъ. Постойте — вверхъ ногами — не шутя, не шутя!

Чижичковъ. (*подписавъ*) Кончено! Господа! валяйте-ка! Au revoir! (*Уходитъ вонъ*)

(Валетовъ, Холоповъ, Кликсинъ бросаются подписывать; Дудкинъ и Незнаевъ хотятъ итти)

Кальинъ. Ваше Превосходительство Г-нъ Незнаевъ! надобно подписать.

Дудкинъ. Что это? Приговоръ? Давайте!

(подписываетъ).

Хитровскій. Позвольте-ка мнѣ!

(подписываетъ)

Кальинъ. Г-нъ Брюховъ! не угодно-ли вамъ?

Брюховъ. Но прочитать-бы...

Кальинъ. Да вѣдь вы забыли очки дома?

Брюховъ. Охъ, да! Но что-жъ это такое? Какая бумага?

Кальинъ. Приговоръ.

Брюховъ. О, о! это надобно прочесть —

Кальинъ. Некогда! *(важно)* Развѣ вы несогласны?

Брюховъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! *(подписываетъ)*

Холоповъ, Только-съ?

Кальинъ. Только, Гг-да.

Холоповъ. Наше почтеніе. *(Онъ, Валетовъ и Кликсинъ идутъ)*

Валетовъ. *(Кликсину)* Ну, попался было ты въ бѣду!

Кинксинъ. (*идя*) И не говори! Вонъ было съ дуру навязалъ себѣ хлопотъ...

(*уходятъ*)

Хитровскій. (*жметъ руку Кальина*) До свиданія! Вы скажете Его Сіятельству о моемъ усердіи—да, когда могу я засвидѣть ихъ у себя?

Кальинъ. Поупиру всегда. Онъ вамъ будетъ радъ.

Хитр. (*про себя*) Кажется, все ладно —

(*уходитъ*)

Брюховъ. Ну, ужъ поработали мы сегодня—поѣхать... отдохнуть. А гдѣ-же Его Превосходительство?

Кальинъ. Уѣхалъ. — Ахъ! Незнаевъ не подписалъ!

Брюховъ. Поплетись къ нему на домъ; онъ не заспоритъ... Мое почтеніе!..

Кальинъ. (*одинъ*) Вотъ что значитъ отличность! Графъ совершенно правъ. Но почему и мнѣ не быть со временемъ такимъ-же мастеромъ ладить съ людьми? На то я чиновникъ, чтобы мнѣ быть умнымъ. А умъ что такое? Умѣнье ладить. Гдѣ ладно, тамъ все идетъ складно, сколько-бы дураки ни шумѣли!

450

Duke University Libraries
D02390354Q